

СПЕЦВЫПУСК

МАРТ/2020
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№03 (168)

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

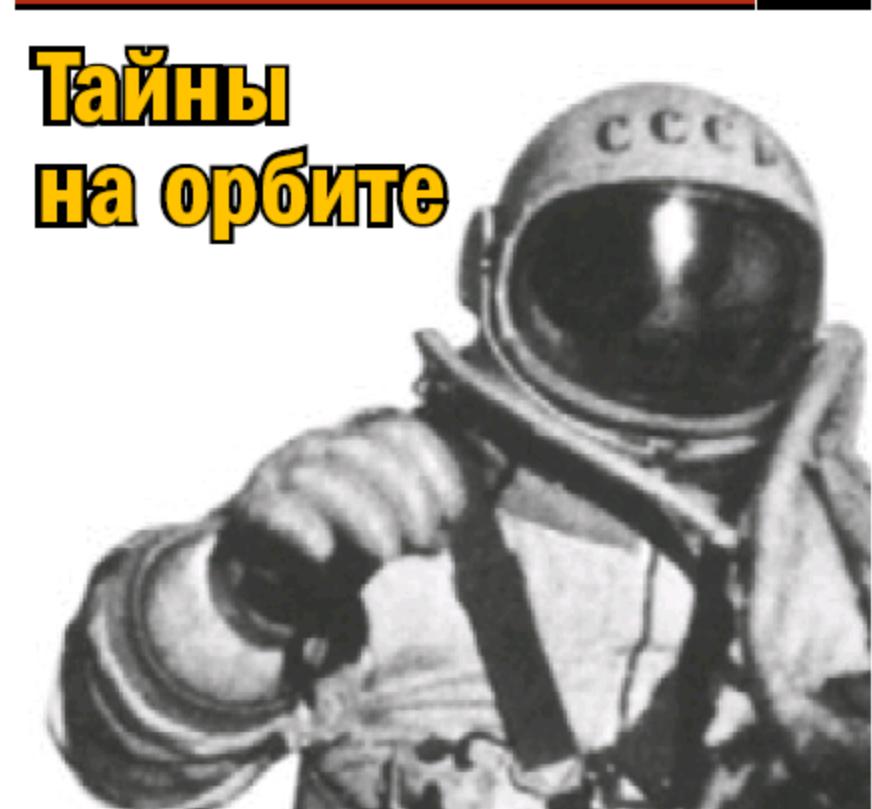
6

**Из космических
дневников**

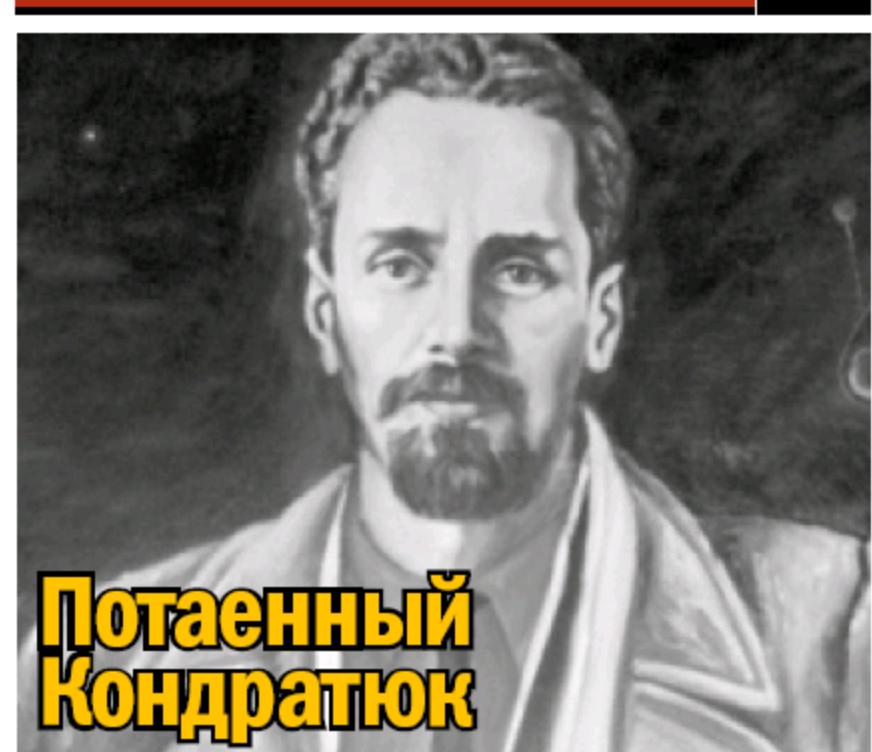
СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

10

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

16

**Потаенный
Кондратюк**

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

22

Павшие в космосе

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

ISSN 2070-884X

Для выяснения причин катастрофы была создана авторитетная комиссия. Однако официального сообщения о результатах работы комиссии с подробным анализом причин трагедии опубликовано не было. Это породило множество домыслов и слухов. Даже спустя много лет после катастрофы то и дело возникают все новые версии того, что же все-таки произошло в тот трагический день.

Одна из них приписывается нашему ежемесячнику «Совершенно секретно», якобы написавшему, что Ю.А. Гагарин не погиб в 1968 году, а чудом спасся. Несмотря на опровержение, опубликованное в «Совершенно секретно», редакция продолжает получать письма с одним и тем же вопросом: «Правда ли, что Гагарин не погиб? На наш взгляд, достаточно четкий и более полный ответ на этот вопрос дает документ, который мы публикуем полностью.

Совершив первый полет человека в космическое пространство Ю.А. Гагарин навсегда вошел в историю. К счастью, и по человеческим качествам он оказался на уровне той великой миссии, которая выпала на его долю. Поэтому история его жизни, и в том числе сведения о его последнем полете, должна быть сохранена для будущих поколений.

Мы, участники расследования причин гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина, считаем своим долгом изложить выводы, к которым пришли за эти годы. Тем более что появляются все новые публикации, в том числе свидетелей тех событий, участников их или со ссылками на них, в которых, видимо, доверяясь памяти очевидцев, авторы приводят целый ряд неточных данных. Мы уже не говорим о неверных версиях, которые также пока имеют хождение, причем не только среди обывателей, но даже среди некоторых специалистов. Об этом свидетельствуют, в частности, письма и устные высказывания в связи с публикациями в газетах и журналах как отечественных, так и зарубежных.

1. На самолете Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина не было системы автоматической регистрации параметров полета (САРПП), что сильно осложнило расследование. Однако проведенный комплекс научно-криминалистических исследований позволил достоверно и однозначно установить весьма важные для расследования конечные данные (перед ударом о землю) об экипаже и самолете.

2. На 27 марта 1968 года в плановой таблице для Ю.А. Гагарина было предусмотрено следующее:

а) Выполнение двух контрольных полетов с одной заправкой:

– полет в зону по упражнению 2 КБП-ИА-67 (курс боевой подготовки истребительной авиации):

– полет по кругу по упражнению 3 КБП-ИА-67.

Оба с контролирующим полковником В.С. Серегиным в задней кабине на самолете УТИ МИ-15 с бортовым номером 18.

б) После этого ему было запланировано выполнить самостоятельно два полета по кругу по упражнению 4 КБП-ИА-67 продолжительностью по 30 минут каждый на самолете МиГ-17.

3. Организация полетов осуществлялась при неточной информации о состоянии погоды. Это было установлено позже, при дополнительном анализе кольцевых карт погоды и других материалов, хранящихся в архиве. К началу полетов руководитель их не имел данных о фактической погоде в районе полета. Вылет разведчика погоды задержался и состоялся вместо 9 часов по плану в 9 часов 50 минут. Приземлился он в 10 часов 18 минут, за минуту до вылета Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ю.А. Гагарин и В.С. Серегин

Погода оказалась хуже, чем это следовало из прогноза, известного летчикам и руководителю полетов. Очевидно, поэтому, прилетев в зону, В.С. Серегин сократил программу, отменив выполнение запланированного упражнения 2 КБП-ИА-67 в полном объеме. Сказанное следует из радиообмена, который зафиксировал интервал времени между докладами о начале и окончании выполнения задания в 4 минуты 20 секунд. Кроме того, из схем и рапортов руководителя полетов и других официальных лиц следует, что Ю.А. Гагарин в зоне выполнил два виража.

4. Чтобы выработать достоверные версии о причинах гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина, необходимо было решить следующую задачу:

БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ:

а) Начальные данные (в момент последнего радиообмена) – состояние экипажа и техники, примерная высота, изменение курса, наиболее вероятный режим полета.

б) Конечные данные (перед ударом о землю) – состояние планера, двигателя, агрегатов, положение самолета и рулей, параметры полета, режим работы двигателей, состояние и позы членов экипажа.

в) Время, за которое самолет перешел из начального положения в конечное (одна минута).

НЕОБХОДИМО БЫЛО УСТАНОВИТЬ:

а) Наиболее вероятную картину полета с учетом имеющихся данных.

б) Наиболее достоверные причины свершившегося.

в) Дать объяснения и оценку действий летчиков.

27 марта 1968 года в авиационной катастрофе под Москвой, в трех километрах от деревни Новоселово, погибли Герои Советского Союза летчик-космонавт Ю.А. Гагарин и летчик-инструктор В.С. Серегин. Они выполняли обычный тренировочный полет...

Эту задачу начала решать в комиссии в 1969 году группа специалистов под руководством ответственных представителей ЦАГИ (Г.С. Бюшганс), ВВИА (С.М. Белоцерковский), ОКБ МАП (А.В. Минаев) и ЛИИ (А.Д. Миронов).

На ЭВМ были проведены тщательные расчеты различных видов маневра, который могли совершить Ю.А. Гагарин и В.С. Серегин на последнем этапе полета. Оказалось, что за достоверно установленное время (около одной минуты полета) невозможно потерять имевшуюся энергию, около 4000 метров высоты и прийти в конечную точку с параметрами, которые были точно зафиксированы, без существенного ухудшения аэродинамического качества самолета. В результате чего был сделан вывод о том, что самолет попал в штопор, в котором потеря энергии максимальна, а затем был выведен из него (прекращено вращение самолета). В качестве возможных причин сваливания в штопор указывались следующие: попадание в вихревой след, маневр при уклонении от действительного или мнимого препятствия, воздействие порыва ветра. Однако процесс попадания в след и выход за режим сваливания не моделировались.

Изучалась в то время также несколько иная, хотя и близкая по существу, причина попадания в штопор – столкновение с шаром-зондом или птицей. Поводом для возникновения такой версии послужило то, что, судя по отпечаткам на шкале прибора, фиксирующего перепад давления в кабине, перед ударом о землю она была разгерметизирована. Это могло быть следствием столкновения в воздухе. Однако никаких следов от столкновения на обломках самолета обнаружено не было, поэтому причиной разгерметизации кабины комиссия признала воздействие на самолет верхушек деревьев.

Одной из объективных причин, которая помешала комиссии дать согласованное заключение уже тогда, было указанное расхождение о причинах попадания самолета в штопор.

5. Нам по роду деятельности много раз приходилось участвовать в расследовании летных происшествий. И должны сказать, что редко причина сразу бывала очевидной. Приходилось выдвигать серию версий, которые могли привести к несчастью. Потом каждую из них тщательно прорабатывать и несостоятельные отбрасывать. Среди них, как правило, фигурировала и такая: неправильные действия или недисциплинированность экипажа.

Эта версия тщательно изучалась комиссией. Необходимо остановиться на ней и сейчас, так как это важно.

6. Давая заключение о подготовленности В.С. Серегина как летчика-испытателя и инструктора, мы имеем возможность судить об этом не только по документам, но и по многолетней совместной испытательной работе.

Его летное мастерство получило становление на фронте, где он успешно совершил около 200 боевых вылетов на самолете Ил-2. Участвовал в 19 воздушных боях, сбил 3 самолета противника. В 1953 году В.С. Серегин окончил инженерный факультет ВВИА им. Н.Е. Жуковского и в соответствии с его желанием был назначен в испытательный институт ВВС. Полеты в качестве летчика-испытателя начал на самолете УТИ МиГ-15. Хорошая инженерная подготовка, опыт летчика, прошедшего суровую школу войны, позволили Владимиру Сергеевичу быстро войти в строй летчиков-испытателей. Ему не раз приходилось попадать в трудные ситуации, совершая сложные испытательные полеты, в том чис-

Ю.А. Гагарин и С.М. Белоцерковский

ле при выработке рекомендаций по минимуму погоды при заходе на посадку, по установлению летных ограничений и так далее. В мае 1958 года ему присваивается квалификация летчика-испытателя второго класса, а в 1967 году – первого класса. С 1964 года он военный летчик первого класса, причем эту квалификацию подтверждал дважды – в 1966 и 1967 годах. Имел почти пятилетний опыт инструкторской работы. Общий налет его составил более четырех тысяч часов.

Как летчик он был очень надежен, хладнокровен, весьма квалифицирован и в высшей степени дисциплинирован.

7. Иногда выражают сомнение, не сказались ли всемирная слава Ю.А. Гагарина на его отношении к летному делу. Можем заверить, что это не так: подготовку к полетам он вел весьма основательно, не отступая от норм и правил ни по содержанию, ни по форме. Перерыв в полетах у него был с 27 ноября 1967 года по 13 марта 1968 года. Заключение всех, кто готовил Ю.А. Гагарина и совершал с ним полеты, о его навыках и знаниях, об отношении к делу самое положительное. Контрольные полеты в зону и по кругу по упражнениям 2 и 3 КБП-ИА-67 совершили 20 и 22 марта с ним инструктор-летчик капитан Хмель, командир звена майор Лашков, заместитель командира эскадрильи майор Есиков. Общая оценка у всех одинаковая – «отлично», как и вывод о готовности к самостоятельным полетам по кругу и в зону на самолете МиГ-17. Последний контрольный полет 22 марта с ним осуществил командир эскадрильи подполковник Устенко, который, оценив все действия Ю.А. Гагарина в воздухе на «отлично», дал разрешение на самостоятельные полеты. Среди летчиков, летавших с Ю.А. Гагарином, он является наиболее компетентным в этом вопросе, поэтому мы и обратились к нему.

Вот что написал в июле 1988 года бывший командир авиационной эскадрильи полковник запаса А.М. Устенко: «Хотя Ю.А. Гагарин был уже известным человеком во всем мире, чувство скромности никогда его не покидало. Он не требовал к себе особого отношения, был таким, как многие его товарищи, хотя по внутренней собранности, аккуратности и настойчивости чувствовалась великая сила в этом человеке. Он имел манеру негромко разговаривать, часто и умело пользовался юмором, что соответственно всех уравнивало, а его делало еще более земным и привлекательным. Внутренняя дисциплинированность, аккуратность отложили, естественно, отпечаток на всю его профессиональную подготовку».

Ю.А. Гагарин все указания на полеты записывал подробно. Вел, как и все летчики, тетрадь подготовки к полетам. Схемы полета и действия свои на каждом этапе им описывались грамотно и досконально всегда были изучены. Особые случаи в полете он знал очень хорошо и практически все действия отработал на тренажерах в кабине самолета. В полет брал накопленный планшет, где были нанесены схемы заходов на запасные аэродромы и порядок связи при выходе на них.

При проведении контроля готовности к полетам мне практически никогда не приходилось его поправлять или дополнять. Хорошая подготовка к полетам давала и хорошие практические результаты.

Ю.А. Гагарин в кабине самолета чувствовал себя совершенно уверенно. Не был суеверлив. Всплесну знай расположение кранов, тумблеров. В технике пилотирования не допускал резких движений. На замечания в воздухе реагировал своевременно, и ему дважды не требовалось говорить об одном и том же.

При наличии перерывов в полетах технику пилотирования восстанавливал быстро. Техника пилотирования Ю.А. Гагарина отличалась чистотой выполнения элементов. Количество контрольных полетов, выполненных им в марте (18), было обусловлено облачной погодой, ввиду чего приходилось планировать и производить полеты по специальным вариантам, чтобы искусственно не создавать перерывов.

Выполненный вместе с Ю.А. Гагарином контрольный полет по кругу и в зону 22 марта 1968 года понравился мне своей плавностью, энергичностью, качеством выполненных элементов. Для такого летчика в объеме выполняемого задания инструктор был уже не нужен.

Ю.А. Гагарин был очень порядочный человек. Он хотел летать не просто на словах, а на деле и поэтому ко всем вопросам летной подготовки относился серьезно и ответственно. По-другому он относиться к нему не мог».

8. Мы высказываем твердое убеждение в том, что версия о неправильных действиях или недисциплинированности летчиков должна быть категорически отвергнута.

Наряду с доскональным знанием их уровня квалификации и строжайшего отношения к летному делу в этом нас дополнительно убеждает и анализ конкретной обстановки. В.С. Серегин не мог пойти на прямое и бессмысленное нарушение авиационных законов, разрешив Ю.А. Гагарину вместо полученной в ответ на его запрос команды руководителя полетов возвращаться начать сложный пилотаж. Тем более что он только что отменил его и Ю.А. Гагарин по радио доложил об окончании пилотажа в зоне. Что касается Ю.А. Гагарина, то он давно добивался самостоя-

тельных полетов. Наконец-то они после этого полета предстояли ему, и все его стремления были направлены сюда.

Как известно, самолет УТИ МиГ-15 очень надежен в управлении, а сваливание его в штопор сопровождается предупредительной тряской. Поэтому мы все пришли к твердому убеждению, что только какое-то неожиданное обстоятельство могло привести к такому неблагоприятному развитию событий. Нужно, однако, признать, что ни одна из версий о столкновении или попадании в вихревую след исчерпывающего подтверждения не нашла. Шар-зонд не был найден, следы столкновения на обломках самолета не обнаружены. Доказать строго, что имело место попадание в след, также нельзя. Более вероятно поэтому – опасное сближение с шаром или самолетом. Ни в то время, ни сейчас мы не смогли выработать единого взгляда на этот счет.

9. В связи со сказанным при моделировании на ЭВМ процесса сваливания рассматривались две причины: попадание в вихревую след впереди летящего самолета УТИ МиГ-15 и резкий маневр при уклонении от самолета или шара-зонда.

Отметим обстоятельства, которые способствуют сваливанию. На УТИ МиГ-15 с бортовым номером 18 было установлено два подвесных топливных бака 2 x 260. Это был первоначальный и самый неудачный с точки зрения аэродинамики вариант баков. Заметим также, что при возникновении скольжения и вращения самолета отклонение элерона вниз на опускающемся крыле для парирования вращения способствует более раннему срыву потока и сваливанию.

Полет происходил между двумя сплошными слоями облаков, очевидно, без видимости естественного горизонта. Погода оказалась намного хуже, чем это следовало из прогноза, сообщенного летчикам перед планированием полета. Их действия осложнялись также неожиданностью ситуации и возможной несогласованностью рефлекторных действий в первый момент ее возникновения.

Для моделирования на ЭВМ были выбраны наиболее вероятные исходные данные, не противоречащие всем точно установленным фактам, рассматривались различные действия летчиков. При этом изучалась возможность выхода на режимы сваливания по указанным выше причинам. Анализ результатов моделирования показывает, что естественная, нормальная реакция летчиков рулями высоты, направления и элеронами при внезапном сближении или попадании в вихревую след в целом ряде вариантов выводит указанный самолет на режимы сваливания. Это происходит на больших скоростях,

чем совершается обычный ввод в штопор. Поэтому данный процесс отличается от привычного, преднамеренного входа в штопор большей резкостью.

Отсутствие САРПП с записями всех действий летчиков не позволяет точно восстановить все, что происходило на последнем этапе полета. Однако на ряд важных вопросов может быть дан однозначный ответ. Так, имеющиеся материалы позволяют объективно оценить качество управления самолетом на последних секундах полета после выхода из облаков. Здесь действия летчиков следует рассматривать как оптимальные, они пилотировали самолет без крена и скольжения, «выжали» из техники все возможное, пытаясь вывести из пикирования и избежать столкновения с землей.

10. В чем же была причина гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина? На основании имеющихся материалов однозначно во всех деталях об этом сказать нельзя. Однако можно утверждать следующее.

Аварийная ситуация возникла внезапно на спокойном фоне полета, о чем свидетельствует сохранившийся радиообмен. Ситуация эта была чрезвычайно короткой. В создавшейся обстановке, которая усугублялась довольно плохими погодными условиями, экипаж принял все меры, чтобы выйти из этого чрезвычайного положения, но из-за нехватки времени и высоты произошло столкновение с землей.

Учитывая все обстоятельства данного полета, мы, в том числе опытные летчики, не раз попадавшие в аналогичные ситуации, не можем поставить в вину Ю.А. Гагарину и В.С. Серегину также то, что они не пытались катапультироваться, а продолжали активные действия по выводу самолета.

Следует признать и тот факт, что к возникновению чрезвычайной ситуации привел целый ряд, казалось бы, незначительных отклонений в организации полетов. Каждое из них в отдельности почти не опасно. Однако могло произойти довольно маловероятное стечние обстоятельств, которое хотя и редко, но бывает в реальной авиационной жизни. Видимо, многие из неблагоприятных факторов проявились одновременно, что и привело к катастрофе. Основной закон безопасности полетов – в обеспечении ее нет мелочей – оказался нарушенным, а гибель такого подготовленного экипажа подтвердила давно известную авиационную истину: нет простых и вполне безопасных полетов. Любой из них может преподнести неожиданность на любом участке – от запуска двигателя до зарулования на стоянку.

Участники расследования причин гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина

Летчики-космонавты СССР:

А. ЛЕОНОВ, дважды Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, военный летчик первого класса, кандидат технических наук, генерал-майор авиации;

Г. ТИТОВ, Герой Советского Союза, военный летчик первого класса, кандидат военных наук, генерал-полковник авиации.

Г. Титов

С. Микоян

полковник в отставке; А. ПУШКИН, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР, генерал-лейтенант авиации в отставке.

С. Белоцерковский

Ученые и инженеры: С. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, лауреат Государственных премий СССР, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант авиации в отставке; А. МАЙОРОВ, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор, полковник-инженер в отставке; П. СИГОВ, лауреат Государственной премии СССР, генерал-майор-инженер в отставке;

А. Майоров

А. СОСУНОВ, лауреат Государственной премии СССР, кандидат технических наук, полковник-инженер в отставке.

А. Сосунов

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Владимир ДОБИН

Специально для «Совершенно секретно»

Сергей Михайлович Белоцерковский

Статья «Заключение» дает ответы на многие вопросы о причинах и обстоятельствах случившейся авиакатастрофы, однако не на все... Это побудило нашего корреспондента Владимира Добина встретиться с одним из авторов документа профессором Сергеем Белоцерковским.

— Сергей Михайлович, итак, вновь о гибели Гагарина и Серегина. Не удивляется?

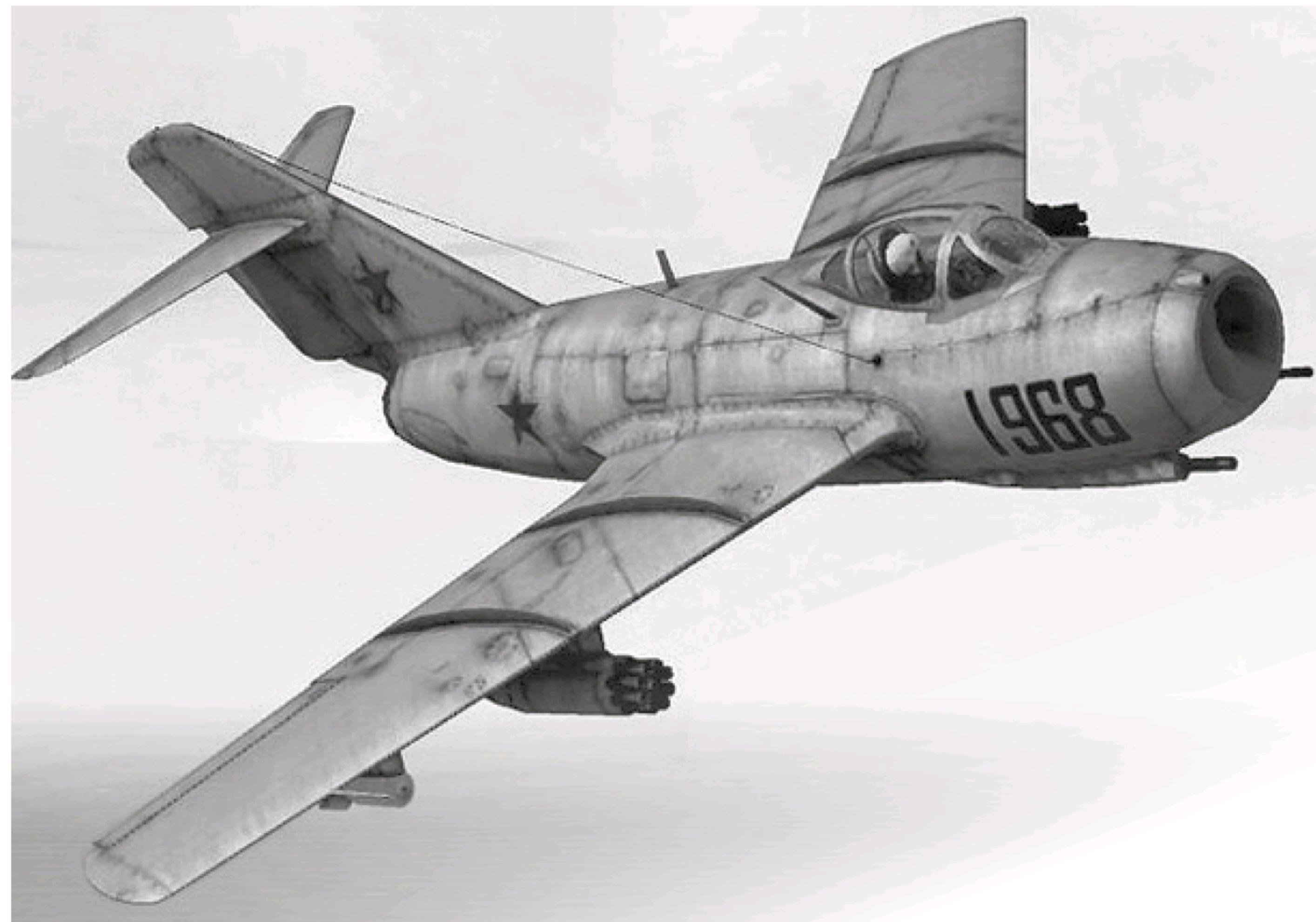
— Не очень... Интерес к этому идет волнами: то спадает, то возникает вновь. Причем наблюдается какая-то особая тяга людей к самым невероятным версиям. Отчего так? Может быть, повседневные тяготы жизни, будничная серость ее, доводящая до ощущения безысходности, порождают тягу к чему-то иррациональному, вызывают желание уйти от жизненных реальностей?

Авторы новых версий настойчиво требуют их признания, распространяют всяческие слухи, один из них пошел по Москве, а потом и по всему Союзу со ссылкой на ваше популярное издание. Якобы Гагарин не погиб во время полета, а был «упрятан» Брежневым в психиатрическую больницу. Попал он туда, по этой версии, из-за конфликта, разыгравшегося между ним и Брежневым на каком-то приеме: Гагарин, мол, выплеснул в лицо Брежнева бокал шампанского...

Все это выдумки от начала до конца: к несчастью, Юрий Гагарин погиб 27 марта 1968 года, и это — установленный факт. Но слухи не утихают, появляются новые якобы научные версии — теперь уже о причинах авиакатастрофы. Например, такая: самолет Гагарина и Серегина потерпел аварию из-за воздействия атмосферного электричества. Наконец, недавно мне позвонил бывший военный летчик, полковник в отставке. Он прямо одержим идеей найти иную версию гибели Гагарина, нежели та, которую сформулировали мы после 22 лет исследований и многочисленных публичных дискуссий на эту тему. А дискуссии эти, кстати, вызвали большой интерес и привлекли внимание специалистов. Первая состоялась несколько лет тому назад на Гагаринских чтениях в Звездном городке, вторая — на Всесоюзном научном семинаре, посвященном итогам расследования причин гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина (в связи с 20-летием со дня катастрофы).

Так вот, о телефонном звонке... Мой собеседник утверждал: у Серегина было плохо со здоровьем, он умер в полете, и это послужило причиной катастрофы. Разговор наш

В 27 лет Юрий Гагарин стал самым знаменитым человеком Земли. И он же писал: «Не хочу быть живым памятником...»

длился около часа. Я привел доводы, начисто отрицающие эту версию. Не уверен, правда, что убедил, потому что мой собеседник, как и многочисленные авторы версий, не хочет или не может понять одного: любая версия должна опираться на твердо установленные факты, каждый факт должен быть доказан, документирован. Этим мы и занимались более двадцати лет.

— И все-таки, Сергей Михайлович, видимо, в той, «брежневской», с шампанским, версии есть что-то, отчего она так быстро оказалась на слуху у всех. Не правда ли? Что-то такое, идущее от фольклора: честному молодцу никакая власть не указ. Тем более та, что имели мы в период застоя. Узнаете вы в этой легенде Гагарина?

— Вы, возможно, удивитесь, но психологически этот эпизод оправдан. Конечно же, в жизни ничего подобного не было и не могло быть: Гагарин был человеком исключительной собранности, дисциплинированности, силы воли. Но только немногие знали, что у него на душе...

Я, пожалуй, как никто, доверительно общался с ним тогда. С конца 1965 года группа космонавтов, обучавшаяся в академии имени Н.Е. Жуковского, начала исследования, ставшие темой их комплексной дипломной работы. Цель исследований — изучить возможности создания одноместного гиперзвукового самолета и особенности его летно-технических характеристик.

Гагарин взял на себя отработку аэродинамической компоновки, которая должна была обеспечить нужные параметры при посадке. Я был руководителем дипломной работы Гагарина. Диплом настолько захватил Юру, что вскоре наши отношения переросли отношения учителя и ученика, стали дружескими. И я видел, как непросто ему было тогда...

1961 год — полет Ю.А. Гагарина в космос. Весь мир рукоплещет, встречи с президентами и премьер-министрами, с учеными и выдающимися писателями, фото во всех

журналах и газетах и цветы, цветы, цветы — слава! Но уже довольно скоро, когда прошла эйфория, он обнаруживает, что есть как бы два Гагарина. Один — тот герой, что на фото, которому на приемах по-прежнему готовы оказывать почести. И другой — желающий жить обычной жизнью, имеющий свое мнение о происходящем и с ним, и вокруг него. А главное — воюю судьбы он оказался на вершине, откуда увидел не только заоблачные высоты, но и страшные беды, боль сотен и тысяч простых людей.

Гагарин был очень умным и наблюдательным человеком. А еще он был человеком редкой порядочности. Он не мог не видеть, что творилось, особенно в брежневский период, там, «наверху». Коррупция, казнокрадство, подлость, карьеризм — все это считалось в порядке вещей. Ему это было не по душе. Знаю случаи, когда Гагарин пытался пробить «броню», но чаще не очень успешно. Ему вежливо, а иногда и не очень, указывали его место: ты герой — вот и думай о геройском, а остальное — не твое дело.

Слава сделала его народным героем. Люди хотели видеть в нем своего заступника перед несправедливой властью. Наверное, он мог бы уйти в сторону, отказаться от этой роли. Но не захотел.

Уже после гибели в одном из его конспектов была обнаружена телеграмма: «Глубокоуважаемый Юрий Алексеевич офицер запаса штурман первого класса прославившийся в авиации девятнадцать лет просит вас принять его в любое удобное для вас время... от этого зависит жизнь моего сына». Подобным письмам, телеграммам не было числа... И он встречался, пытаясь помочь.

Но он мог, к сожалению, не очень много, гораздо меньше, чем от него ждали... Эта неудовлетворенность, ощущение собственного бессилия накапливались. В нем, особенно в последнее время, ощущались какая-то тревога, напряженность, это было заметно в поведении, в разговорах. Гагарин вообще был

очень эмоциональным человеком, очень расстраивался, когда не мог помочь, переживал. Он даже мог плакать... Он плакал, когда погиб Комаров.

— А не преувеличиваете ли вы, Сергей Михайлович? Может быть, оказывается сегодняшнее наше восприятие того времени как душного, застывшего, предгрозового?

— Конечно, это не исключено. Но вот что вспоминается. В одну из последних встреч с Анной Тимофеевной, матерью Юрия Гагарина, когда мы остались наедине, она вдруг спрашивала меня: «Что, Юру убили?» Я опешил: «Почему Вы так думаете?» Она: «Однажды он сказал мне: «Мама, я боюсь...»

Она не совсем поняла, что он имел в виду. И мы можем теперь только догадываться, что хотел сказать Гагарин этим «я боюсь». Мне кажется, более того, я даже уверен, что он говорил не о страхе за свою жизнь. Это был другой страх, наш тогдашний общий страх — боязнь того общества, мира, в котором мы жили. К Юре шел беспрерывный поток писем, страшных писем. На него обрушилось все горе, какое накопилось в обществе, — на одного человека, на молодого человека, вся предыдущая жизнь которого, по существу, была один мгновенный взлет. Это оказался груз огромной тяжести, страшной силы.

— От сказанного вами всего один шаг до версии о самоубийстве Гагарина...

— Ничего подобного. Эта версия — чистый вымысел... Потому что для Гагарина в самоубийстве именно в 1968 году не было никакого смысла. Как раз в последние «учебные» годы Гагарин обрел то, чего ему так не хватало прежде, как это ни парадоксально звучит, — уверенность в правильности своего выбора. Он нашел дело, которым ему нравилось заниматься и в котором он, судя по всему, увидел смысл своей дальнейшей жизни.

За полтора месяца до своей гибели Юрий Алексеевич защитил диплом. Я в жизни не видел человека, который бы так радовался получению инженерного диплома. И кто?

Герой Советского Союза, первооткрыватель космоса... Это было удивительно.

Дипломную работу он защищал в один день с Г.С. Титовым – 17 февраля 1968 года. Защита прошла прекрасно, можно сказать, триумфально. Гагарину вручили инженерный диплом с отличием, и его, единственного из всего отряда космонавтов – выпускников академии имени Н.Е. Жуковского, рекомендовали в заочную аспирантуру академии.

Он радовался буквально как ребенок. Защита была в Звездном, потом он потащил нас домой, затем банкет. Он так был счастлив, словно этот день – самый-самый в его жизни.

Только через годы я понял его: он тогда убедился, что подвиг его не был делом случайным, что он вправду способен к сложнейшей творческой работе. И, значит, есть чем жить дальше. В 27 лет он стал самым знаменитым человеком Земли. И он же писал: «Не хочу быть живым памятником...»

– И наступил этот горький день – 27 марта 1968 года... И эта неожиданная смерть...

– Неожиданная... Я знаю, со мной, вероятно, многие не согласятся, но я не считаю эту смерть неожиданной... Так же как вряд ли можно считать неожиданным Чернобыль... Или гибель «Адмирала Нахимова». Все это – из одного ряда.

Гибель Гагарина мне не кажется случайной по двум причинам. Первая – психологическая. Гагарин не вписывался в образ жизни партийной и административно-командной верхушки брежневского общества, где ему волей-неволей приходилось вращаться. Система выталкивала его, он был чужим, лишним, а временами – даже неугодным и это чувствовал.

Были варианты: приручить... купить... Гагарин не приручался – он был слишком честен, прям, своеоценен, самостоятелен. Этим он очень походил на своего наставника, «космического отца» Сергея Павловича Королева, тоже всю жизнь бывшего «неудобным». Купить? Надо было знать Гагарина, чтобы даже не делать таких попыток.

– Сергей Михайлович, из вашего колективного «Заключения» ясно, что, скорее всего, не было какой-то одной, определенной причины авиакатастрофы.

– Верно. Одной не было. Но было немало якобы «мелочей», которые, связав происшествия того дня в тугой узел, привели к трагедии.

Я не хочу повторять сказанное в «Заключении», просто кое-что попытаюсь пояснить. Смотрите, что получается. Воздушная разведка была проведена с опозданием. Точной информации о состоянии погоды в районе, где должен был проводиться полет, ни летчики, ни руководитель полета не имели. Летчикам сообщили, что нижний край облаков находился на высоте 900 метров, тогда как на самом деле он оказался гораздо ниже.

Далее: комиссия установила, что наземный радиовысотомер был неисправен. Поэтому группа руководства полетами не имела возможности оперативно наблюдать за изменениями фактической высоты, на которой находится самолет. Контроль за высотой полетов самолетов осуществлялся лишь по докладам экипажей.

В группе руководства полетами не работали и фотоприставки для съемки экранов индикаторов РЛС. Схемы радиолокационных проводок наносились на кальки по данным операторов, передаваемым планшетисту по средствам связи, что сильно снижало их точность и достоверность.

«Мелочи» множились, накладывались одна на другую. Разумеется, никто не думал о том, что это ведет прямиком к трагедии.

На предварительной подготовке к полетам группа руководства полетами не присутствовала. Плановую таблицу в день полетов изучили бегло, что называется, на ходу, без детального рассмотрения складывающейся по плановой таблице обстановки в зонах и на маршрутах.

Еще один вывод: полет в зону между облаками был спланирован в нарушение руководящих документов. Переноса начала полетов из-за задержки с воздушной разведкой не осуществили. Вылет самолетов выполнялся без должного анализа метеоусловий в зонах и на маршрутах.

Дальше – больше. Через минуту после взлета Гагарина и Серегина (в 10 часов 20 минут) был произведен взлет двух более скользких самолетов МиГ-21. Пробивая облач-

Почтовая марка в честь полета космического корабля «Союз-21»

ность (при наборе высоты), они обогнали самолет УТИ МиГ-15. Это было нарушением. Могло произойти столкновение самолетов в воздухе, но на этот раз обошлось. Хотя, как выяснилось, обеспокоило руководителя полета. Разрешая паре самолетов МиГ-21 набор до высоты 5000 метров, он предостерег ведущего пары: «...справа по курсу, справа по курсу от вас 625-й в наборе». В ответ услышал: «Вас понял. Я не вижу, здесь облачность...»

Гагарину и Серегину (их позывной 625-й) тоже мешала облачность. Они не знали, что чуть позже них в соседней зоне взлетел еще один самолет УТИ МиГ-15 (позывной 614-й) для проведения его облета после ремонта. Но самое печальное, что, как выяснилось, ничего об этом самолете не знал и руководитель полета.

– Не слишком ли много случайностей и «мелочей» для одного полета?

– Я назвал еще далеко не все. У нас сегодня есть основание утверждать, что был еще один самолет, который взлетел с другого аэродрома и в это самое время находился поблизости от 625-го. В нарушение всех инструкций руководитель полета об этом самолете не был информирован.

– Сергей Михайлович, каким образом удалось восстановить обстоятельства гибели практически развалившегося самолета?

– На первом этапе в расследовании участвовали лучшие научные силы страны, институты, лаборатории, а также отдельные ученыые, инженеры, летчики, космонавты.

Сразу же после установления места гибели были принятые меры к сохранению обстановки в первоначальном виде.

Если бы в то время на самолете мог быть установлен «черный ящик» – система автоматической регистрации параметров полета (САРПП), сколько бы сразу узнали. Но САРПП на самолетах УТИ МиГ-15 еще не было.

Тщательно собирали все, что осталось от экипажа и самолета. Факт редчайший в мировой практике: когда были собраны элементы конструкции планера, силовой установки, агрегатов, систем управления и приборов, оказалось, что мы располагаем 95% веса пустого самолета. Средний показатель для происходящих в мире катастроф – около 70%. Было собрано и расположено по соответствующим местам на стенде-макете все остекление фонарей кабин – более тысячи осколков, практически полностью удалось воспроизвести поверхность фонарей, что позволяло решить, было или не было столкновение с птицами, шарами-зондами, с другими самолетами.

– Как происходило восстановление показания приборов?

– В момент столкновения с землей многие узлы и детали приборов мгновенно заклиниваются в строго определенных положениях. Это дает возможность достаточно точно установить, что происходило на самолете в последнее мгновение перед катастрофой.

Были использованы три метода получения данных: по заклиненному положению механизмов, узлов и деталей; по отпечаткам стрелок на шкале; по осыпанию светомассы стрелок. Так были расшифрованы показания всех основных приборов, а также установлено положение рулей, элеронов и триммеров на самолете.

– Насколько гарантирована точность заключений и выводов вашей комиссии?

– Были продублированы все исследова-

ния. Так, работами по восстановлению показаний разрушенных бортовых и наручных часов Гагарина в ВВС руководил известный специалист, ныне лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук А.В. Майоров. Ана-логичные исследования были проведены также в трех весьма компетентных организациях: в научно-техническом отделе МУРа, в НИИ часовой промышленности и в Институте криминастики. Результаты практически совпали.

– Сергей Михайлович, теперь, если не возражаете, «пройдемся» по некоторым слухам и домыслам об обстоятельствах гибели Гагарина и Серегина. Например, могла ли быть диверсия?

– Я уже говорил, что удалось собрать до 95% самолета, почти полностью восстановить остекление фонарей. Подобное невозможно при взрыве в воздухе. Никаких оснований для предположений о диверсии (взрыве, отравлении), как и о пожаре или о потере экипажем сознания, нет. До конца полета летчики сохраняли работоспособность, умело и энергично пилотировали самолет, надеясь спастись.

– Еще один слух: Гагарин и Серегин (или один из них) были пьяны.

– Это абсолютно исключено. Для скептиков и маловеров приведу только одно доказательство – результаты анонимных трижды проведенных в разных институтах химико-биологических анализов останков Гагарина и Серегина. Алкоголя в крови обнаружено не было.

К сожалению, эти злые домыслы оказались кое-кому весьма выгодны. Видимо, это многое списывало...

– Почему так и не появилось в печати после гибели Гагарина и Серегина подробное заключение правительской комиссии?

– Я считаю, что основное и, возможно, даже единственное объяснение – обстановка «наплевательства», безответственности и всепрощения, царившая тогда. Искать виновных? Кому это нужно? Куда спокойнее замять дело, списать все на несчастливое стече-ние обстоятельств. Что, по существу, и сделали. Я не могу назвать ни одного человека, который был бы наказан после гибели летчиков. Спустили на тормозах...

– Итак, диверсии не было, летчики были здоровы, так почему же тогда они не катапультировались? Не смогли, не захотели, не успели?

– Давайте разберемся. Тщательное исследование всей аппаратуры самолета, техники показало: ни Гагарин, ни Серегин попытку катапультироваться не делали. До самого последнего мгновения они не покидали самолета, держали в руках органы управления, об этом свидетельствуют отпечатки на рукоятках и педалях, которые остаются только во время сильнейшего удара, каким и было столкновение самолета с землей. Они не катапультировались...

– Почему? Потому что ситуация, по их мнению (это легко предположить), была совсем не столь опасной, чтобы срочно катапультироваться.

Восстановим возможный ход событий. В результате попадания в вихревой след за идущим впереди самолетом 614-м и резкого уклонения от столкновения (или только по второй причине) самолет Гагарина и Серегина свалился в штопор. Экипаж, естественно, стал сразу выводить машину из штопора, находясь при этом между облаками и не восстановив пространственной ориентировки. Вра-щение самолета им прекратить удалось. По данным метеопрогноза, летчики знали, что высота нижнего края плотной облачности 900 метров. Но они не предполагали, что на самом деле было метров на пятьсот ниже.

Не могли они учесть и другого. Много лет спустя после начала исследований новые эксперименты подтвердили любопытный (а для терпящих бедствие летчиков трагический) феномен. Известно, что при быстром снижении высотомер завышает показания высоты. Серегин, видимо, не знал другого: на спарке, где две приборные доски, запаздывание (а, следовательно, и погрешность в показаниях) приборов увеличивается примерно вдвое.

Летчики были уверены, что после выхода из облаков они успеют вывести самолет в нормальное положение. Потому и не воспользовались средствами катапультирования. Но им не хватило примерно полутора-двух секунд, 200–250 метров высоты. Навстречу несся лес...

– Это произошло очень быстро?

– Судя по результатам медицинских анализов, они даже не успели испугаться. Это выяснили по содержанию адреналина в крови...

– И это все о катапультировании?

– Почти... Конструкция катапультирующего устройства на УТИ МиГ-15 была такова, что первым самолет обязан был покидать Серегин. В противном случае катапультировавшийся первым Гагарин помешал бы Серегину. Но Серегин никогда бы не бросил Гагарина. Вот такая психологическая дилемма. Правда, Серегину не пришлось выбирать...

– Сергей Михайлович, в архивах хранится 29 томов официальных документов. Вами и вашими добровольными помощниками более двадцати лет отдано исследованием. Я знаю, что у вас готова рукопись книги обо всем этом – она ждет своего издателя. И вдруг с быстротой молнии распространяется слух о том, что Гагарин не погиб тогда, в 1968 году... Ваша реакция?

– Для нас, хотя это многим покажется странным, слух этот не был такой уж неожиданностью. Дело в том, что тогда в Москве действительно появился человек, который выдавал себя за Гагарина. Я о нем узнал от космонавта Бориса Валентиновича Волынова, которому однажды позвонил этот человек: «Привет, Боб!..» Голос и впрямь был удивительно похож на гагаринский. И не только голос, но и манера говорить.

Внешне этот человек был совсем не похож на Гагарина, но не тушевался, не скрывался, наоборот – явно стремился встретиться с космонавтами, бывал там, где мог встретить космонавтов или что-нибудь узнать о космонавтике. К примеру, он заходил в редакцию космонавтики издательства «Молодая гвардия», где тогда как раз готовилась к печати моя книга «Диплом Гагарина». Версия его была такой: он – спасшийся Гагарин, катапультировался, лежал без сознания, его подобрали, почему-то сделали пластическую операцию лица.

Насколько помню, кое-кто из космонавтов и людей, хорошо знавших Юрия Алексеевича, встречался с этим человеком, но Гагарина в нем не признал... Впрочем, для нас в этом никогда не было вопроса.

Потом он исчез. Рассказывали, что этот человек, лже-Гагарин, состоял на учете в психиатрической больнице. Возможно, выдавая себя за Гагарина было его навязчивой идеей, все остальное: голос, мимику, довольно обширные знания по космонавтике – он вполне мог приобрести усиленной подготовкой. В истории медицины такие случаи хорошо известны.

Думаю, могло быть так: недавно этот человек умер, и кому-то стало известно содержание его медицинской карты. Так мог родиться нынешний слух... В любом случае интересно было бы узнать, что стало с тем человеком.

– Это был единственный случай появления лже-Гагарина?

– Мне другие не известны.

– Ваша последняя встреча с Гагарином...

– Это было в день защиты его диплома. Когда прощались, Юрий сказал: «Отлетаю, вернусь, опять начнем сначала...» Он был тогда заместителем начальника Центра по летно-космической подготовке, и ему по должности полагалось летать. А впереди были заочная аспирантура и наши новые встречи. Не довелось...

– Но все последующие годы Юра был со мной. И это мне очень дорого.

Интервью 1990 года

ИЗ КОСМИЧЕСКИХ ДНЕВНИКОВ

Николай КАМАНИН

Специально для «Совершенно секретно»

История отечественной космонавтики даже в наши дни «беспрецедентной гласности» предстает перед широкой общественностью в основном в виде объемистого перечня победных реляций. О просчетах и неудачах в исследовании космоса (а их было не меньше, чем достижений) и уж тем более о причинах, их порождавших, говорить по-прежнему не принято.

Между тем многие беды нашей космонавтики уходят своими корнями в кажущиеся уже бесконечно далекими 60-е годы. Это было время, когда СССР и США вступили в открытое единоборство за лидерство в «космическом марафоне». В этом марафоне мы стартовали первыми, но американцы не долго оставались в роли догоняющих...

Из предлагаемых вашему вниманию фрагментов дневниковых записей помощника Главкома ВВС по космосу Николая Петровича Каманина можно получить представление об очень непростых условиях, в которых проходило становление в нашей стране одного из важнейших направлений практической космонавтики – подготовки и осуществления пилотируемых космических полетов.

22.06.62 г. Не брался за дневник больше месяца. После возвращения из Соединенных Штатов написал три статьи в «Красную звезду» и закончил книгу о Гагарине – «Первый гражданин Вселенской». Книгой я недоволен, можно было бы написать лучше и больше.

Голова все время забита мыслями о путях более успешного освоения нами космоса. Америка быстро догоняет нас, а во многом (особенно по разведывательным ИСЗ) уже обогнала. У нас были и есть все возможности в этом году совершить несколько многоступенчатых космических полетов человека с продолжительностью до 8–10 суток. Однако из-за плохого общего руководства космонавтикой и непрерывных ведомственных споров и тяжб успехи нашей страны в космосе за первую половину 1962 года очень скромные.

23.06.62 г. Я уверен, что субсидиальные полеты в космос американцам не удастся освоить раньше второй половины 1963 года, но и в этой уверенности мало утешительного. Все дело в том, что мы топчемся на месте: после полета Титова к нашим достижениям прибавилось очень немного – запущено пять спутников серии «Космос». Попытки запустить «Зенит» – модифицированный разведывательный вариант «Востока» – не увенчались успехом. В одной из этих попыток отказалась первая ступень, и ракета с кораблем упала в трехстах метрах от старта, причем одна из четырех боковин первой ступени сгорела прямо на стартовой площадке. Восстановление поврежденной при пожаре пусковой установки займет около месяца. Это означает, что совместный полет Николаева и Поповича может состояться не раньше середины августа.

Вероятность того, что в ближайшие два-три года американцы захватят лидерство в космической гонке, все возрастает, а мы пока ничего не предпринимаем, чтобы вновь оторваться от наследующего соперника. Судя по посланию президента Кеннеди конгрессу о достижениях США в авиации и астронавтике за 1961 год, американцы решили: 1) не жалеть средств на космические исследования; 2) централизовать руководство всеми работами по космосу в НАСА и в одном из военных ведомств, а именно в ВВС США; 3) в целях подготовки экспедиции на Луну сосредоточить главное внимание на полетах космических кораблей, пилотируемых астронавтами.

Почтовая марка СССР

Итак, Соединенные Штаты с их высокоразвитыми электроникой и вычислительной техникой отдают пальму первенства в космосе людям, а не автоматам. Казалось бы, нам – впервые в мире запустившим корабль-спутник с космонавтом на борту и впервые осуществившим суборбитальный полет – сам бог велел отстаивать решающую роль в космосе человека, а не робота. И ведь ни для кого не является секретом пока еще недостаточно высокая надежность нашей автоматики. Однако вопреки здравому смыслу у нас явно наметился уклон в сторону сплошной автоматизации управления пилотируемыми космическими полетами. Я буду стараться убедить С.И. Руденко, К.А. Вершинина и Р.Я. Малиновского в необходимости пересмотра нашей программы.

Наши отношения с С.П. Королевым, к сожалению, не улучшаются. Он неоднократно высказывал свои претензии к ВВС, Каманину и космонавтам, выражал недовольство по поводу зарубежных поездок Гагарина и Титова, грозился, что пожалуется на нас Хрущеву и будет готовить космонавтов в своем ОКБ. Во всех этих претензиях и угрозах сквозит горькая обида Сергея Павловича на замалчивание его роли в осуществлении космических полетов, мотивируемое «секретностью» имени Главного конструктора. Королеву известно, что за границей его хорошо знают, что там о нем пишут статьи и читают лекции. Неудивительно, что он болезненно переживает свою бессмыслицу изоляцию на родной земле. Признаюсь, что и я после полета Гагарина делал далеко не все, чтобы поддерживать хороший личный контакт с Сергеем Павловичем.

19.07.62 г. Вчера Главком Вершинин подписал подготовленный мною доклад маршалу Малиновскому о послании президента США

Джона Кеннеди конгрессу об итогах работ по освоению космоса за 1961 год. Вот основные положения моего доклада.

ВЫВОДЫ

1. США поставили перед собой как важнейшую задачу догнать и перегнать СССР в деле освоения космоса и не жалеют на эти цели средств.

2. В программах США по освоению космоса отдается преимущество пилотируемым (с экипажем) космическим кораблям, способным изменять орбиту и совершать управляемую посадку.

3. Особую заботу США проявляют по освоению околоземного космического пространства и освоению Луны. Практическое решение проблем, связанных с полетами на Марс, Венеру и более далекие планеты, почти не отражается в планах на ближайшие 6–8 лет.

4. В США проведена жесткая централизация руководства всеми работами по космосу. 90% всех заказов космической техники осуществляют ВВС.

5. За 1961–1962 годы США добились значительных успехов. Отставание США от СССР в деле освоения космоса быстро ликвидируется. По освоению космических устройств военного назначения (разведка, связь, навигация, метеорология и др.) США уже опередили нас. Назревает реальная угроза, что в 1963 году США смогут обогнать нас по количеству и продолжительности полетов космонавтов.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Учитывая громадное политическое, научное и военное значение первенства и успехов в космосе, СССР не может уступить США ведущую роль в космосе. СССР располагает всеми возможностями для укрепления своей ведущей роли в освоении космоса.

В целях сохранения приоритета и наращивания наших успехов в космосе представляется целесообразным проведение следующих мероприятий:

1. Пересмотреть наши планы освоения космоса с целью сосредоточить все усилия на освоении в первую очередь околоземного космического пространства и полетов на Луну. (Полеты Гагарина и Титова стоили нашей стране в несколько раз меньше стоимости наших запусков на Марс и Венеру, а принесли СССР величайшие успехи и признание из народами всего мира.)

2. Наряду с созданием беспилотных космических аппаратов главное внимание направить на развитие пилотируемых (с экипажем) космических кораблей, способных изменять орбиту и совершать управляемую посадку.

3. В 1962–1963-м и в последующие годы резко увеличить соотношение между пилотируемыми и беспилотными космическими полетами в пользу первых. (Всего в СССР выведено на орбиту 21 космическое устройство, из них только два с человеком на борту, а в 1962 году из пяти выведенных на орбиту спутников пока ни одного не было с экипажем.)

4. На вторую половину 1962 года запланировать пуск не менее пяти кораблей «Восток» с космонавтами на борту, в том числе один полет женщины-космонавтки.

5. На 1963 год заказать промышленности 12 кораблей типа «Восток», с тем, чтобы к концу 1963 года довести продолжительность полета космонавтов до 8–12 суток. (У части руководителей промышленности есть настроение не строить в 1963 году корабли типа «Восток», с тем чтобы переключить все внимание на строительство кораблей «Союз». Такие предложения необходимо категорически отвергнуть. «Союз» может постигнуть судьба «Севера», а если этого и не случится и «Союз» окажется хорошим космическим кораблем, все же его освоение не начнется раньше 1964 года. В такой обстановке мы можем в 1963 году оказаться без пилотируемых кораблей и подвергаем себя риску отстать от США.)

6. Необходимо пересмотреть систему заказов космической техники и ответственность военных ведомств за ее создание. Право заказов космических летательных аппаратов предоставлять только ВВС, оставив за ракетными войсками ответственность за развитие и право заказов баллистических ракет и стартового оборудования. (Существующее положение с заказами противоречит здравому смыслу и наносит ущерб делу освоения космоса. Космонавты обучаются и работают в ВВС, а корабли для них заказывают ракетные войска. Всем показалось бы неразумным и вредным, если бы летчики заказывали для моряков морские корабли или моряки – самолеты для летчиков, но многие считают возможным держать космонавтов в стороне от процесса создания и подготовки к полету космических кораблей.)

7. Руководство планированием запусков военных космических устройств и полетов космонавтов, а также руководство пуском и полетом отдать в руки военных, оставив за представителями промышленности техническое руководство пуском только новых опытных устройств. (Главные конструкторы физически не в состоянии руководить десятками пусков и невольно тормозят подготовку очредных пусков.)

8. Целесообразно развернуть работы:

- по линии создания экспериментального орбитального самолета с высотами полета 60–150 км, обеспечивающего длительные маневренные полеты за счет использования для работы двигателя газов, накапливаемых в верхних

слоях атмосферы. (По данному вопросу я 16.06.62 г. обратился к т. Дементьеву с предложением разработать совместный комплексный план научных и экспериментальных работ, с тем чтобы в текущем году представить в ЦК КПСС наши согласованные предложения.)

23.08.62 г. Полет Николаева и Поповича снова резко увеличил разрыв между СССР и США в нашу пользу – это признают даже сами американцы. Да, это именно так, но что мы должны делать дальше? Сейчас мы готовим пуски на Венеру (одна АМС с посадкой на планету, вторая – с облетом, фотографированием и возвращением в район Земли), а в октябре мы будем производить пуски в сторону Марса. Пока неясно, когда состоятся и какими будут очередные пилотируемые полеты. Для полетов космонавтов осталось только два корабля «Восток», а новый корабль «Союз», над которым работает Королев, в будущем году едва ли будет летать, хотя Сергей Павлович обещает, что технологический (беспилотный) «Союз» полетит в мае 1963 года.

Полеты космонавтов принесли нашей Родине небывалый триумф, а пуски на Марс и Венеру остались почти незамеченными, хотя каждый из них стоил значительно дороже пуска корабля с космонавтом. К тому же пуски на Марс и Венеру не имеют никакого военного значения. В этой обстановке было бы целесообразно все усилия сосредоточить на дальнейшем освоении полетов человеком, на создании орбитальных станций и освоении Луны. Я пробовал говорить на эту тему со Смирновым и Келдышем, оба они, как мне показалось, правильно мыслят, но их склоняет багаж ранее принятых планов и одобренных предложений. Они очень осторожно высказывают свои соображения, но я доволен уже хотя бы тем, что Королев, Смирнов и Келдыш согласились на строительство еще нескольких кораблей типа «Восток». Главный противник этого дела – министр обороны маршал Р.Я. Малиновский, и переубедить его очень трудно.

Перед вылетом из Москвы я узнал, что маршал Гречко вернул наш заказ на «Востоки» с резолюцией: «Отложить». Малиновский и Гречко тормозят развитие космонавтики, и оба они уверены в своей правоте. Их высокие воинские звания и военная бюрократия мешают близкому общению с ними и лишают нас возможности воздействовать на принимаемые ими решения. Руднев, Смирнов, Келдыш и Королев лучше понимают оборонное значение космоса, чем наши самые высокие военные руководители. Обидно за последних, но это факт. По возвращении в Москву нужно будет подготовить письмо Хрущеву за подпись космонавтов – может быть, этот шаг хоть немного расшевелит Генштаб и нашего министра.

30.08.62 г. Вся четверка героев космонавтов вчера посетила Сергея Павловича Королева. Он лежит в кремлевской больнице на улице Грановского. Состояние здоровья Сергея Павловича неважное: очень ослаблено сердце, до предела расшатаны нервы. Раньше чем через два месяца едва ли он сможет вернуться к работе.

Как рассказали ребята, Королев интересовался планами ВВС на заказы «Востоков» и проектами заданий на очередные космические полеты. Он рекомендовал принять «Востоки» на вооружение ВВС, заказать их целую серию и начать силами ВВС регулярные учебные и исследовательские полеты в космос.

3.09.62 г. Звонил генерал А.Г. Карась, он передал, что вторая наша попытка запустить АМС на Венеру также закончилась неудачей. Первые три ступени ракеты, как и при пуске 25 августа, сработали отлично и вывели четвертую ступень со станцией на орбиту вокруг Земли, но четвертая ступень снова не сработала – АМС просуществует несколько дней как искусственный спутник.

Итак, две ракеты из трех, предназначенных для пуска на Венеру, не выполнили задания. Мало надежд на отличный результат и при третьем пуске. Я не хочу злорадствовать: неудача Родины – это и моя неудача. Но нельзя не видеть, что эти неудачи закономерны и что я был прав, когда предлагал не увлекаться Марсом и Венерой, а глубже осваивать то, что по плечу современному состоянию нашей космической техники. Путь к планетам лежит через Луну и орбитальные станции. Все попытки стартовать к планетам прямо с Земли в ближайшие 5–10 лет не принесут

большого успеха, и даже в более отдаленном будущем этот успех проблематичен.

Американцы кричат сейчас на весь мир о неудачных запусках советских АМС на Венеру: «Наши радары в Турции засекли, как гигантская советская ракета развалилась в космосе на три части, обломки которых носятся теперь вокруг Земли». В этом сообщении есть доля правды: третья и четвертая ступени действительно при выходе на орбиту разделились. Правда и то, что четвертая ступень не могла послать АМС по направлению к Венере и она ходит по орбите вокруг Земли. В обоих этих запусках есть одна большая удача – вывод на орбиту спутника весом более семи тонн, но есть и две крупные неудачи – отказ в работе четвертой ступени и отказ средств связи. Наша излишняя засекреченность пусков сейчас бьет по нам. В обоих случаях можно было бы сообщить о выводе на орбиту семитонных спутников в экспериментальных целях.

4.10.65 г. На совещании по программе полетов на «Восходах» все основные предложения военных были очень вежливо, но решительно отвергнуты представителями ОКБ-1. Цыбин, под руководством которого проходило совещание, сказал, что для реализации заявок Министерства обороны нужно строить десятки кораблей, и предложил ограничиться обсуждением программы полетов на пятом, шестом и седьмом кораблях серии «Восход». На двух из них предлагается провести в основном эксперименты с системой искусственной тяжести и минимум медико-биологических и военных исследований. С нашей, военной точки зрения, испытания системы искусственной тяжести не являются первоочередной задачей (ее можно было бы решать на два-три года позже), но корабли с этой системой почти на выходе и менять цель их полета уже нецелесообразно. Главная причина малого числа военных экспериментов в космических полетах заключается в том, что Малиновский запрещал и запрещает закрывать корабли для Министерства обороны: он ждет, что кто-то когда-то построит ему идеальный военный космический корабль и тогда он закажет серию из таких кораблей. Но Келдыш и Королев решают в первую очередь чисто научные и технические проблемы. АН СССР и ОКБ-1 не должны и не могут разрабатывать военную космическую программу – это дело Министерства обороны, в котором, к сожалению, до сих пор нет единого органа, предназначенного для решения этой большой и важной проблемы.

Час назад у меня был Гагарин – к 16.00 его вместе с Вершининым вызывает маршал Гречко. Я советовал Гагарину рассказать маршалу о наших трудностях, напомнить о предложениях ВВС по заказам космических кораблей и военным исследованиям, а также о письме Малиновскому с просьбой «передать космонавтику» из ракетных войск в ВВС. Главком хотел взять с собой и меня, но Гречко распорядился иначе: «Я не знаю, какие вопросы будет поднимать Гагарин. Возможно, что присутствие Каманина будет его смущать. Пусть Каманин находится у телефона, если потребуется – вызовем».

Я не жду больших результатов от предстоящей беседы. И все же такие встречи нужны. Более того, в создавшейся обстановке необходимы встречи космонавтов с самыми высокими руководителями партии и правительства.

5.10.65 г. Сегодня узнал от Главкома о

результатах вчерашней встречи с маршалом Гречко. Выслушав Гагарина, говорившего (как я ему и рекомендовал) главным образом о нашем отставании от США в военных исследованиях на пилотируемых космических кораблях, Гречко заявил: «Передача ракетным войскам заказов на строительство космических кораблей является ошибкой... Я все время считал, что ЦУКОС находится в ведении ВВС...»

Такая неосведомленность не делает чести маршалу Гречко – она лишний раз свидетельствует о крайне низком уровне руководства «военным космосом» со стороны министра обороны и его первого заместителя. Слабо проявляется в этом деле и роль Главкома Вершина. Когда в прошлом году мы готовили проекты «объединения космоса» под эгидой ВВС, маршал Бирюзов неоднократно говорил нам, что наши предложения поддерживают Епишев и Гречко и Главком знал об этом. Но он ни разу не переговорил с нами по данному вопросу и «сдался» при первом же окрике Малиновского.

И все же итоги вчерашней встречи обнадеживают: Гречко приказал заместителю начальника НТК Генштаба генералу Трусову подготовить в ноябре заседание Военно-научного совета для рассмотрения наших предложений. После ухода Гагарина беседа Вершина с Гречко продолжалась еще около часа. Заместитель министра обещал внимательно разобраться в космических делах и поддержать позицию ВВС.

Вчера стартовала к Луне автоматическая станция «Луна-7». Пока полет проходит нормально, и если станция прилучится мягко, то это будет нашим большим успехом.

7.10.65 г. Позавчера в конце рабочего дня был в НТК Генерального штаба. В предварительном порядке обсуждались задачи заседания Военно-научного совета Министерства обороны. Маршал Гречко предложил заслушать краткие сообщения о ходе освоения космоса у нас и в США и о наших недостатках. Он просил также присутствующих высказаться по вопросу о том, где должен быть ЦУКОС – в ракетных войсках или в ВВС?

Генералы Трусов и Юрышев в ходе дискуссии пытались объяснить все наши трудности чисто техническими причинами, но я в своем выступлении сказал, что гвоздь проблемы в организации дела. Оставлять ли существующую дряблость и распыленность усилий по освоению космоса или сосредоточить эти усилия в единой организации? Так и только так ставится вопрос. К сожалению, обсуждение этого вопроса показало, что надеяться на поддержку НТК Генштаба у нас нет оснований...

Сегодня я рассказал маршалу Руденко о моем намерении попытаться с помощью космонавтов склонить к защите наших позиций Главкома ВМФ адмирала Горшкова, Главкома ПВО маршала авиации Судца, заместителя начальника Генштаба генерала армии Батицкого и даже Главкома ракетных войск маршала Крылова. Руденко одобрил мой план, но посоветовал обсудить его с Вершининым. Конечно, реализовать этот план будет непросто, хотя идея его очень заманчива: космонавт потребуется – вызовом».

Я не жду больших результатов от предстоящей беседы. И все же такие встречи нужны. Более того, в создавшейся обстановке необходимы встречи космонавтов с самыми высокими руководителями партии и правительства.

5.10.65 г. Сегодня узнал от Главкома о

ты должны авторитетно, со знанием дела и молодой энергией попросить «старых дядей» не мешать им осваивать космос.

8.10.65 г. Главком благословил меня на тщательную подготовку «битвы за объединение космоса». Правда, я не сказал ему (как и Руденко) о намерении, кроме «обработки» военных руководителей, обратиться и к Первому секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. Наверняка Вершинин и Руденко будут против обращения в ЦК, и я не хочу связывать себе руки предварительным разговором с ними по этому вопросу.

Очередная попытка мягкого прилунения окончилась неудачно – сегодня «Луна-7» шлепнулась на лунную поверхность. Если бы средства, затрачиваемые на запуск лунников, переключить на постройку обитаемых спутников, мы могли бы уже осуществить многосторонние полеты экипажей.

14.10.65 г. Передал Гагарину написанный мною проект письма к Брежневу. Гагарина несколько смущают резкие по форме выражения в адрес министра обороны Малиновского, но с содержанием письма в целом он полностью согласен. Договорились, что подготовку к встрече космонавтов с Главкомами видов Вооруженных Сил будут проводить Гагарин, Nikolaev, Komarov и Leonov.

11.11.65 г. День за днем, месяц за месяцем неумолимо приближают старость – все чаще чувствуется груз прожитых лет. Но сдаваться рано: мне хочется быть активным организатором полетов людей на Луну. Вероятно, облет Луны состоится в 1967 году, а еще года через два-три земляне смогут и побывать на своем вечном спутнике. Я всегда верил, что первый человеком, ступившим на поверхность Луны, будет советский космонавт. Но теперь у меня нет былой уверенности. Американцы, развернувшие грандиозные силы для освоения космоса, кое в чем уже опережают нас. Мы выделяем на космос меньше средств и, главное, очень неразумно их используем.

О наших недостатках в подготовке космических полетов я и космонавты написали письмо на имя Первого секретаря ЦК КПСС: «ЦК КПСС товарищу Брежневу Л.И. Дорогой Леонид Ильич!

Мы обращаемся к Вам по вопросам, которые считаем очень важными для нашего государства и нас.

Всем хорошо известны успехи Советского Союза в освоении космоса, нет надобности перечислять наши победы. Они есть, они останутся в истории и всегда будут гордостью нашего народа. Народ, партия и наши руководители всегда справедливо связывали успехи в космосе с успехами строительства социализма. «Социализм – лучшая стартовая площадка для полетов в космос». Эта крылатая фраза облетела весь мир. Эти слова с гордостью произносили советские люди, в них верили народы социалистических стран, сотни миллионов людей за рубежом по нашим космическим успехам познавали азбуку коммунизма. Так было.

Мы, космонавты, много раз выезжали за границу, мы тысячу раз были свидетелями того, как горячо многомиллионные массы людей различных стран приветствовали успехи Советского Союза в космосе.

Но за последний год положение изменилось. США не только догнали нас, но и в некоторых областях вышли вперед. Полеты космических аппаратов «Рейнджер-7», «Рейнджер-8», «Маринер-4», «Джемини-5» и некоторых других космических аппаратов являются серьезным достижением американских ученых.

Это отставание нашей Родины в освоении космоса особенно неприятно нам, космонавтам, но оно наносит также большой ущерб престижу Советского Союза и отрицательно скажется на оборонных усилиях стран социалистического лагеря.

Почему Советский Союз теряет ведущее положение в космических исследованиях? На этот вопрос чаще всего отвечают так: США развернули очень широкий фронт исследовательских работ в космосе, на космические исследования они выделяют колоссальные средства. (За пять лет они израсходовали более 20 миллиардов долларов и только за 1965 г. – семь миллиардов долларов.) Этот ответ в основном правильный. Хорошо известно, что США расходуют на космос много больше, чем СССР.

Но дело не только в средствах. Средств и Советский Союз на освоение космоса выделя-

ет немало. Но у нас, к сожалению, много недостатков в планировании, организации и руководстве этими работами. О каком серьезном планировании космических исследований можно говорить, когда у нас нет никакого плана полетов космонавтов. Кончается октябрь месяца, до конца 1965 года осталось немного времени, а ни один человек в Советском Союзе не знает, будет ли в этом году очередной полет человека в космос, каково будет задание на полет, какова продолжительность полета. Такое же положение было и во всех предыдущих полетах кораблей-спутников «Востоков» и «Восходов», что создает совершенно ненормальную обстановку в период подготовки космонавтов к полету, не позволяя заблаговременно в спокойной обстановке готовить экипажи к полету.

Мы знаем, что в стране есть планы создания космической техники, знаем решения ЦК КПСС и правительства с конкретными сроками изготовления космических кораблей. Но мы знаем также, что многие из этих решений не выполняются совсем, а большинство выполняется с большим опозданием по срокам.

Космические полеты людей становятся все более сложными и длительными. Для подготовки таких полетов нужно много времени, нужна специальная аппаратура, учебные корабли и тренажеры, которые сейчас создаются с большим запозданием кустарным способом. Короче говоря, нужен государственный план космических полетов людей, в котором планировались бы задача полета, дата, состав экипажа, продолжительность полета, срок готовности корабля, тренажера и другие наиболее важные моменты подготовки полета.

До настоящего времени полеты пилотируемых кораблей проводились по планам Академии наук СССР, а непосредственное управление и техническое обеспечение организовывалось представителями промышленности и Министерством обороны СССР. Военные вопросы в программу полета включались довольно относительно, что можно объяснить тем, что внутри Министерства обороны нет организации, которая занималась бы комплексно вопросами освоения космоса.

Космосом занимаются все: ракетные войска, ВВС, ПВО, ВМФ и другие организации. Такая раздробленность усилий и средств на освоение космоса мешает делу, много времени уходит на согласование планов и решений, на решениях часто отражается ведомственный подход к делу.

Существующее положение с организацией космических исследований противоречит духу решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС и должно быть изменено.

В 1964 году начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Бирюзовым была создана специальная комиссия. Комиссия, обстоятельно изучив организацию работ по освоению космоса, пришла к выводу о необходимости объединения всех космических работ на базе Военно-Воздушных Сил. Это предложение поддержали Маршал Советского Союза Бирюзов С.С., генерал армии Епишев А.А. и Маршал Советского Союза Гречко А.А. Но после трагической гибели Маршала Советского Союза Бирюзова эти разумные предложения отбро-

сили и организовали ЦУКОС при ракетных войсках. Но создание этой организации ничего не изменило. Осталась ведомственность, раздробленность и несогласованность.

Командование ВВС и мы, космонавты, неоднократно обращались в Генеральный штаб, к министру обороны и в Военно-промышленную комиссию с конкретными предложениями по строительству и оборудованию космических кораблей, способных решать задачи боевого применения. Наши предложения, как правило, не поддерживались руководством ракетных войск. Мы получали резолюции: «Востоки» военного значения не имеют, заказывать их нецелесообразно», «Заказывать «Восходы» не будем, нет средств».

В 1961 г. мы имели два «Востока».

В 1962 г. мы имели два «Востока».

В 1963 г. мы имели один «Восток».

В 1964 г. мы имели один «Восход».

В 1965 г. мы имели один «Восход».

(Американцы в 1965 г. запустили два корабля «Джемини» и предполагают запустить еще два до конца этого года.)

Почему для полетов космонавтов не строили корабли? Во всяком случае, не из-за недостатка средств. Это происходит потому, что руководители ракетных войск больше верят спутникам-автоматам и недооценивают роль человека в космических исследованиях. Стыдно признаться, но это факт – в нашей стране, первой пославшей человека в космос, четыре года ведутся дискуссии на тему «Нужен ли человек на борту военного космического корабля?». В Америке этот вопрос твердо и окончательно решен в пользу человека, а у нас и сегодня многие ратуют за автоматы. Только этим можно объяснить, что у нас на 30–40 спутников-автоматов строятся 1–2 обитаемых корабля. Многие спутники-автоматы стоят много дороже обитаемого корабля, многие из них не достигают цели.

«Востоки» и «Восходы» с человеком на борту полностью выполнили программу научных исследований и вместе с тем принесли для страны большой политический эффект.

Мы не собираемся умалять значение автоматических космических аппаратов. Но увлечение ими по меньшей мере вредно. На «Востоках» и «Восходах» можно было бы провести большой комплекс очень нужных военных исследований и довести продолжительность полета до 10–12 суток. Но у нас нет кораблей, не на чем летать, не на чем выполнять программу космических исследований.

Кроме изложенного есть и другие недостатки в организации наших полетов, устранить которые своими силами мы не можем. У нас в стране нет единого штатного пункта управления космическими полетами. В процессе полета космический корабль не имеет связи с командным пунктом в промежуток времени от 6-го до 13-го витка каждого суток.

На полигоне не созданы условия для поддержания натренированности и хорошего отдыха космонавтов.

У нас есть еще другие вопросы, которые ждут своего решения. Многие вопросы можно было бы решить и без обращения в ЦК КПСС. Мы неоднократно обращались к министру обороны по этим вопросам. Нам известны обращения командования ВВС в

Министерство обороны и правительство, но эти обращения в большинстве не достигали цели. Мы много раз встречались с министром обороны, но, к сожалению, это были недовольные встречи. И сегодня у нас нет уверенности, что поднимаемые нами вопросы могут быть решены в Министерстве обороны.

Дорогой Леонид Ильич! Мы знаем Вашу большую занятость и тем не менее просим Вас познакомиться с нашими космическими делами и нуждами.

Приближается 50-летие Великого Октября. Нам очень хотелось бы для этого великого праздника добиться новых больших побед в космосе.

Мы глубоко убеждены в том, что решение вопроса об объединении военного космоса на базе ВВС, продуманное планирование космических исследований и создание космических кораблей для решения задач боевого применения пилотируемых космических летательных аппаратов в значительной мере укрепит оборонную мощь нашей Родины.

Летчики-космонавты СССР: Ю. Гагарин, А. Леонов, П. Беляев, Г. Титов, А. Nikolaev, В. Быковский.

22 октября 1965 г.

Несколько дней назад Юрий Гагарин лично вручил наше послание одному из помощников Брежнева. Прошла неделя, но Леонид Ильич даже не ознакомился с содержанием письма. Он находит время заниматься делами Алжира, Замбии и другими «срочными» проблемами, но не может выкроить одного часа, чтобы поинтересоваться причинами нашего отставания в космосе. Надежды на маршала Гречко также минимальны: он не пойдет против позиции Малиновского. Наши «космические усилия» продолжают оставаться разъединенными, плохо управляемыми.

3.11.65 г. Спутник «Протон-2» успешно выведен вчера на орбиту ракетой-носителем УР-500. Эта ракета, созданная в ОКБ Челомея, уже вторично выводит в космос груз весом более 12 тонн. Американцы еще не могут запускать такие тяжелые спутники, а мы их запускаем, но с минимальным, по сути дела, практическим эффектом, поскольку у нас пока нет пилотируемого корабля подходящего веса. Это лишний раз свидетельствует о несовершенстве наших планов развития космонавтики: создали главный и самый дорогостоящий компонент космической системы – ракету грузоподъемностью 12 тонн – и «забыли» (подготовить соответствующую ей полезную нагрузку). А ведь при четком планировании можно было бы уже иметь многоместный космический корабль с продолжительностью полета до 30 суток, способный маневрировать на орбите.

15.11.65 г. В конце прошлой недели получил от Гречко документ, из которого следует, что письмо космонавтов наконец возымело действие – Брежnev переслал его Смирнову с резолюцией: «Космонавты поднимают очень важные вопросы. Разберитесь, подготовьте предложения для рассмотрения в ЦК КПСС». Письмо Смирнов оставил у себя, а перечень затронутых в нем вопросов послал министру Афанасьеву и маршалу Гречко с просьбой лично рассмотреть их в десятидневный срок и представить свои предложения. На этом документе Гречко написал: «Крылову, Захарову, Вершинину, Судзу, Горшкову. Ознакомиться, имея в виду рассмотрение этого вопроса на Военно-техническом совете МО».

Сегодня я вызвал к себе генерала Кузнецова и космонавтов Гагарина, Титова, Николаева, Комарова и Леонова (Гагарин не приехал – у него простуда). Больше двух часов мы вели разговор о предстоящих «боях за объединение космоса», наметили тезисы выступлений на ВТС МО Гагарина, Комарова и Титова. От меня космонавты поехали к маршалу Судзу, чтобы выяснить его позицию. Часа через два они возвратились и доложили, что первая «разведка боем» оказалась неудачной: Судец высказался за предоставление руководящей роли в военных космических исследованиях командованию ПВО.

Итак, есть уже три претендента на руководство военной космонавтикой – ракетные войска, ВВС и ПВО. Я сознаю, что мы беремся за очень трудную задачу. У ВВС будет много противников, и мы можем и не добиться желаемой цели, но неплохо уже и то, что по моей инициативе этот вопрос будет рассмотрен в МО, МОМ, Совете Министров и ЦК КПСС. Обсуждение письма космонавтов в высоких инстанциях может оказаться полезным для всех заинтересованных сторон в активизации их деятельности по освоению

космоса.

16.11.65 г. Рассказал о вчерашней встрече космонавтов с маршалом Судцом Глав-кому Вершинину и Руденко, реакция обоих была одинаковой: «А чего ты хотел? Ведь это же Судец! Если бы космонавты предложили «объединить космос» на базе ПВО – вот тогда можно было бы ожидать, что он выскажется против этого предложения...»

Сегодня Николаев, Титов и Леонов были у первого заместителя Главкома ВМФ адмирала Касатонова (Главком Горшков в отпуске). Моряки остаются верными своей позиции – они полностью поддерживают ВВС. Сегодня же космонавты собирались поехать к Епишеву, но оказалось, что он болен. К маршалу Крылову решили пока не ездить.

18.11.65 г. Вчера Николаев, Титов и Леонов были у маршала Москаленко. Маршал очень любезно побеседовал с ними и сказал, что он давно поддерживает идею о передаче военной космонавтики в ведение ВВС. Одновременно Москаленко высказал сомнение в том, что этот вопрос может решить Министерство обороны, и рекомендовал обратиться в ЦК к Устинову. Маршал, по-видимому, не знает о письме космонавтов к Брежневу, а его рекомендация насчет обращения к Устинову совершенно несостоятельна: Устинов – старый друг ракетчиков и противник авиации, и обращаться к нему мы не будем.

На послезавтра назначено заседание Военно-технического совета Министерства обороны, на котором по поручению командования ВВС предстоит выступить генералу М.Н. Мишку и мне. Я подготовил тезисы своего выступления на совете:

«Хорошо известно, что США тратят на космос базисловые средства – это золотой дождь оказывает благотворное влияние на результаты проводимых ими космических исследований. Но главная причина нашего отставания не только и не столько в том, что Америка расходует на космос больше средств, чем мы. Главная причина нашего отставания – в плохой организации дела.

1. У нас плохое планирование. Осуществление длительных (до 30 суток) космических полетов – очень сложное дело. Их готовят десятки крупных организаций, а планы полетов нет. Когда состоится очередной пилотируемый полет? Этого не знает ни один человек в стране.

2. У нас нет пилотируемых космических кораблей. Начиная с 1961 года космонавты и командование ВВС десятки раз просили построить серию кораблей «Восток» для отработки длительных (до 15–20 суток) полетов и для проведения военных исследований. На наших ходатайствах писали резолюции: «Корабли типа «Восток» военного значения не имеют, заказывать их не будем». (Подобные резолюции писали царские генералы лет 60 тому назад на просьбах о постройке самолетов.) «Востоки» и «Восходы» могли бы дать нам возможность провести ряд ценных военных исследований, но эти корабли Министерство обороны не заказывало, ссылаясь на отсутствие средств. Но средства были, только расходовали их не на строительство обитаемых космических кораблей, а на создание автоматических устройств, запускавшихся к Луне, Марсу и Венере. На пуски этих автоматов израсходовано в десятки раз больше средств, чем на полеты «Востоков» и «Восходов», а полученные при этом результаты не идут ни в какое сравнение с итогами полетов космонавтов.

3. За последние пять лет в СССР не построено ни одного принципиально нового космического корабля. За эти годы лишь гагаринский «Восток» был превращен в «Восход» ценой резкого снижения надежности корабля. Ответственные товарищи из ракетных войск (Семенов, Мрыкин, Керимов) еще в 1961 году уверяли нас, что «Востоки» не нужно строить потому, что уже в 1962–1963 годах мы будем иметь космические корабли «Север» и «Союз». Этих кораблей у нас нет до сих пор, как нет теперь и «Востоков».

4. Почему мы не имеем корабля «Союз», обещанного нам еще в 1962 году? Главная причина – неверие в человека: считали, что стыковку космических кораблей можно доверить только автоматам. Три года труда ОКБ-1 пропали почти впустую, и только в 1965 году поняли, что главным звеном при осуществлении стыковки должен быть не автомат, а космонавт. (При разработке системы стыковки пренебрегали опытом, накопленным в авиации по дозаправке самолетов в воздухе.)

5. Почему на наших пилотируемых косми-

ческих кораблях, по существу, не проводятся военные исследования? Во-первых, потому, что мало кораблей, а во-вторых, потому, что совершенно неправильно составляются программы полетов. В настоящее время «Восход-3» готовят в основном для эксперимента с «искусственной гравитацией», которая могла бы и подождать два-три года. В программе полета «Восхода-3» почти нет военных исследований – даже для такой важной аппаратуры, как «Свинец», места на борту корабля не нашлось.

6. Фото- и киноаппаратура, визиры и другое оборудование космических кораблей за пять лет ничуть не улучшены. По-прежнему отсутствует радиосвязь между командным пунктом и кораблем на 6–13-м суточных витках полета.

Все эти наши недостатки объясняются слабостью влияния Министерства обороны на науку и промышленность. В Межведомственном научно-техническом совете по космическим исследованиям при АН СССР, возглавляемом Келдышем, есть и представители Министерства обороны. Но этот Совет уже более двух лет не собирается, а военные молчаливо одобряют его бездеятельность.

Из шестнадцати членов Госкомиссии по пускам пилотируемых космических кораблей девять являются военными. Такой состав Госкомиссии мог бы обеспечить проведение линии Министерства обороны, но фактически среди военных нет единого мнения даже по принципиальным вопросам, и нередко они выступают с противоположных позиций (Керимов, Мрыкин, Булычев).

Для более успешного освоения космоса и выполнения экипажами космических кораблей военно-исследовательских работ необходимо объединить на базе ВВС подготовку и проведение пилотируемых космических полетов. Для решения этих задач ВВС имеют ЦПК, Центр по разработке космической техники, ЦНИИ-30, ГКНИИ, Институт авиационной и космической медицины, две академии и службу поиска».

22.11.65 г. В субботу 20 ноября был на заседании Военно-технического совета МО.

Космическая свадьба (Валентина Терешкова, Анриан Николаев, Р.Я. Малиновский с женой, С.П. Королев

Присутствовали Гречко, Захаров, Главкомы видов Вооруженных Сил, председатели соответствующих НТК и несколько генералов из Генштаба. Все докладчики и выступавшие, кроме генерала Мишука и меня, высказались против объединения и централизации руководства космонавтикой на базе ВВС. Космонавты не были приглашены на совещание, Гречко разрешил присутствовать только Гагарину, да и то «забыл» предоставить ему слово.

В своем выступлении я указал на причины отставания в освоении космоса, связанные с недооценкой значения пилотируемых полетов, – отсутствие перспективного плана полетов, недостаточное внимание к разработке новых космических кораблей и совершенствованию устанавливаемых на них систем

связи, жизнеобеспечения и другого обо-рудования. Но меня не поддержал даже наш Главком, побоявшийся выступить против «стенки» ракетчиков и других представителей наземных войск. Маршал Гречко одобрил мнение большинства.

Итак, мы потерпели еще одно сокрушительное поражение. Но борьбу прекращать нельзя, хотя у нас и мало надежд на ЦК КПСС и Совет Обороны – туда уж тем более не пригласят космонавтов и задавать тон там будут Устинов, Смирнов, Малиновский, Гречко и другие «знатоки космоса» и «друзья авиации».

23.11.65 г. Космонавты Гагарин, Беляев и Леонов возмущены итогами совещания у маршала Гречко и намереваются добиваться личной встречи с Брежневым. Я рекомендовал им не горячиться: прежде чем бросаться в очередную атаку, надо еще многое обдумать и наметить четкий путь к достижению наших целей. Пока мы всецело зависим от ракетчиков с их неповоротливыми спутниками. А

может, решение проблемы следует искать в создании орбитальных, воздушно-космических самолетов и самолетов-разгонщиков? Такой путь хотя и представляется долгим, но он вполне реален, и именно в нем я вижу будущее практической космонавтики.

20.12.65 г. «Джемини-6», а затем и «Джемини-7» благополучно приводнились в Атлантическом океане. США в 1965 году выполнили в космосе все, что планировали, и даже больше. Мы за этот год произвели в полтора раза больше пусков, чем за предшествующий, но обитаемым кораблям мы безбожно отстали – в нашем распоряжении был всего один корабль «Восход-2». Несколько решений Совета Министров и заверения С.П. Королева о постройке трех «Восходов» и нескольких «Союзов» остались на бумаге: кораблей у нас пока нет. Последнее решение ВПК обязывает Королева обеспечить полет двух «Восходов» и двух «Союзов» до ХХIII съезда КПСС.

31.12.65 г. Кончается 1965 год. Лично для меня он был хорошим годом – родился внук, в моей семье все здоровы, я много и с интересом работал. Но результатами работы я неудовлетворен. Я и космонавты не сумели убедить министра обороны и руководителей государства в необходимости пересмотра организации работ по освоению космоса. Советский Союз семь лет лидировал в космических исследованиях, но в 1965 году вперед решительно вырвались Соединенные Штаты, и они, конечно же, будут делать все возможное, чтобы укрепить свое лидерство.

В наступающем, 1966 году нам предстоит большая работа: планируется выполнить пять-шесть полетов космонавтов, должна быть осуществлена стыковка кораблей на орбите, пройдут испытания самой мощной нашей ракеты Н-1. Этот год будет решающим для подготовки облета Луны и высадки экипажа на ее поверхность. У нас еще есть все возможности первыми облететь Луну в 1967 году, а в 1968–1969 годах высадить на Луну человека. Но сейчас у меня нет уверенности, что мы выполним свои планы, – много времени мы теряем впустую.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

**ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД. СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.**

ВІДКРИТО ПЕРЕДПЛАТУ НА 2020 РІК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

РАЗМИНКА ЗАКОНЧИЛАСЬ ИГРА

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА»
ІНДЕКС 35257
3 міс. - 37,77 грн.
6 міс. - 75,54 грн.
12 міс. - 151,08 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК»
ІНДЕКС 49056
3 міс. - 32,07 грн.
6 міс. - 64,14 грн.
12 міс. - 128,28 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періоду та пенсіонерів)
ІНДЕКС 37104
3 міс. - 35,34 грн.
6 міс. - 70,68 грн.
12 міс. - 141,36 грн.

Ф. СП-1 **Міністерство транспорту та зв'язку України**
АБОНЕМЕНТ на журнал **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**
(найменування видання)
на 2020 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куди (поштовий індекс) (адреса)
Кому: (прізвище, ініціали)

ДОСТАВКА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ
на журнал **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**
(індекс видання)

(найменування видання)
Вартість передплата на 2020 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

поштовий індекс
код вулиці
буд. корп. кв.

місто село область район вулиця
прізвище, ініціали

ТАЙНЫ НА ОРБИТЕ

Владимир ДОБИН

Обозреватель «Совершенно секретно»

На вопросы специального корреспондента «Совершенно секретно» Владимира Добина отвечает дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Георгий ГРЕЧКО.

— Георгий Михайлович, в «Совершенно секретно» был опубликован отрывок из книги американского журналиста Джеймса Оберга «Раскапывая советские катастрофы». Публикация вызвала, как любят выражаться наши парламентарии, неоднозначную реакцию. Попросту говоря, Оберга обвиняют в неточностях, а то и в преднамеренной лжи. Ваше мнение?

— С Обергом я встречался. В Америке. Он настоящий профессионал. И ради сенсации готов на все. Но... Он может чего-то не знать. Может о чем-то догадываться. Может, наконец, как сделал это в книге, из которой вы опубликовали отрывок, излагать чужие рассказы, версии и даже просто слухи, чего никогда не позволил бы себе учений. Но на фальсификацию, мне кажется, он не способен.

— И тем не менее вы отрицаете то, о чем Оберг рассказывает в главе «Смерть на орбите»?

— Ничего этого не было. Это все выдуманные слухи...

— Долгов-то был?

— Был, но он не летал на космическом корабле. Долгов был парашютистом и действительно погиб. Но совсем не так, как это описано у Оберга, а во время парашютного прыжка. Они двое тогда прыгали: Петр Долгов и Евгений Андреев, — с 25 километров, из стратосфера. Долгов прыгнул вторым, и неудачно — у него разгерметизировался скафандр, и он практически сразу погиб. Но парашют сработал в автоматическом режиме, раскрылся, и Петр Долгов плавно приземлился, мертвый.

Что касается Владимира Ильюшина, сына известного авиаконструктора, то он не терпел аварии при возвращении на космодром. Он летчик-испытатель. Разбился однажды действительно страшно — это факт, но не в космосе, а в автомобильной катастрофе. Долго лежился. Сегодня жив-здоров.

Слухи, слухи... Однажды, помню, я летел в самолете, и со мной разговорился пилот. Рассказывал, что как-то встретил человека, который якобы был космонавтом до Гагарина и разбился на приземлении где-то в горах. Очень убедительно звучала легенда. Оказалось, обычный самозванец...

Токов (Как выяснила редакция, муж Л.В. Токовой Владимир Токов к космосу отношения не имел и в 1967 г. был жив), Дедовских... я о них не слышал.

Бондаренко... Это был первый из группы космонавтов, который погиб. Маршал Малиновский своим приказом возвел его в ранг космонавта, хотя он еще в космос не летал. У нас, знаете, космонавтом называют человека после сдачи экзаменов, когда он готов для полета, а после полета прибавляют слово «летчик»: летчик-космонавт Бондаренко был космонавтом, и на его семью распространяли льготы, и правильно сделали — перед смертью все равны.

Космический корабль у нас навсегда в космос уходил, но пустой. Произошло это до полета Гагарина. После не случалось.

Как никто еще из космонавтов, слава тебе, Господи, не погиб, когда ракета взрывалась на стартовой площадке. Ракеты взрывались, но уже без космонавтов.

Впрочем, Оберг сам уточняет, что пересказывает слухи. Это все слухи — и больше ничего.

— Георгий Михайлович, а вы не допускаете, что о каких-то полетах (тем более о катастрофах) можете и не знать? Ведь многое было, наверное, засекречено?

— Я с 54-го года в Подлипках работал у С.П. Королева, рассчитывал все траектории полетов ракет и космических аппаратов, и чтобы при этом ничего не знал о космонавтах? Я могу абсолютно уверенно сказать: до Гагарина в космос никто не летал.

Что ж касается секретности... В космическом пуске задействованы несколько тысяч человек, и чтобы никто за двадцать лет не проговорился? Неужели вы в это можете поверить? Не зря говорится: секрет — если его знает один человек, ценность секрета уменьшается вдвое, если его знают два человека, и секрет ничего не стоит, если его знает хоть одна женщина. О таких полетах знали бы сотни женщин и тысячи мужчин.

— Откуда же все-таки взялись все эти легенды и слухи? Ведь Оберг пишет о зафиксированных радиолюбителями и специалистами переговорах в космосе, ссылается на показания свидетелей, якобы видевших космонавтов?

— Как рождались легенды? Может быть, так... До полета Гагарина мы неоднократно запускали корабли. Сначала пустые, затем с собаками на борту. По давней авиационной традиции запускали корабли с Иваном Ивановичем — манекеном, на котором укреплены необходимые датчики.

Были случаи, когда при приземлении корабля с Иваном Ивановичем где-нибудь в расчетном месте его первыми находили местные жители. Удивительно ли, что, обнаружив в кабине манекен, они могли принять его за мертвого человека? Тем более сквозь остекление скафандра. Вот вам и объяснение того, как появлялся слух о человеке в космосе — да еще о погибшем.

Мы знали об этом. В конце концов стали даже укреплять на скафандре Ивана Ивановича трафарет «Манекен».

— А голоса в космосе, а сердцебиение, крики о помощи?

— Каждый — в том числе и беспилотный полет — это масса исследований. Чтобы отработать двустороннюю связь с кораблем, находящимся в космосе, на беспилотный косми-

ческий корабль устанавливался магнитофон. Он передавал на Землю определенный текст, чтобы можно было обеспечить в полете максимальную слышимость. Эта запись представляла собой определенную комбинацию слов и цифр. Легко допустить, что радиолюбители могли зафиксировать эту передачу и принять ее за «мольбу о помощи».

А если «сложить» манекен и эту запись — вот и получится легенда о гибели космонавта на орбите.

— Но ведь на магнитофоне никак не мог быть записан сигнал гибнущего корабля?..

— Пусть они напишут, как представляют себе этот самый мифический сигнал гибнущего корабля. Там были какие-то слова: допустим, сено, собака; цифры: один, два, три, четыре; целые фразы...»

— А когда Гагарин летал, устанавливался на борту магнитофон?

— Разумеется. Выведение на орбиту и спуск записываются на магнитофон.

— А весь полет не записывается?

— У Гагарина записывали весь, а на современные никакой пленки не хватит...

— И все-таки, Георгий Михайлович, всегда найдутся люди, которые уверены: дыма без огня не бывает. Да и вы же не будете отрицать, что наши официальные лица скрывали правду, и не раз. Вы сами рассказывали мне о Гагарине: что он вернулся на Землю не в космическом корабле, а перед посадкой катапультировался — но об этом не сообщили, даже пытались этот факт отрицать.

— Да, он на самом деле катапультировался. Ведь в 1961 году еще не было на корабле системы мягкой посадки — вот и все. Но кто-то захотел улучшить его полет. Ну, скажите, кому и зачем нужно было улучшать полет Гагарина?

— А были еще случаи вранья, такого вот, очевидного?

— Помню такой, например. Мы послали ракету, которая должна была попасть на Луну. И в ней были пятиконечные вымпелы, которые должны были рассыпаться на Луне и остаться там навечно. Но тогда системы мягкой посадки на Луну еще не существовало. Ракета встретилась с Луной на скорости около одного километра в секунду, это страшная скорость, и было непонятно, как сохранить вымпелы. Если их просто положить в ракету, то при ударе они могли быть покорежены.

Кто-то придумал: взять сколько-то взрывчатого вещества, такой вот шарик, размером с грейпфрут примерно, и обложить его вымпелами. Расчет был остроумный: при ударе шарик взорвется, и, хотя вымпелы, которые к

Луне направлены, от удара точно разобьются в лепешку, скорость тех, которые окажутся с другой стороны, станет почти равна нулю, и они мягко упадут на поверхность Луны. Все так и было сделано.

Но случилась промашка. Ракета на Луну не попала, ушла мимо, на орбиту вокруг Солнца, и стала искусственной планетой. Об этом шарике с вымпелами в наших газетах написали так: мол, он просто символ искусственной планеты, а о взрывчатке умолчали. Когда же потом, с другой попытки, вымпелы все-таки забросили на Луну, об этом написали правду — и не стыдно было тем самым признать, что в первый раз мы соврали.

Должна быть выгода. Мы тогда опережали американцев, а остальных вообще еще в космосе не было. Мы делали замечательные вещи, которых никто не умел делать, а их «улучшали», лгали, и это принижало наши достижения, заставляло людей сомневаться и во всем остальном.

— Пожалуйста, вернемся на Луну. Разрабатывался ведь лунный проект, что с ним?

— И я был в одном из экипажей на облет Луны. Но американцы сели, а мы еще только собирались облететь Луну. А тогда рассуждали так: если бы опередили американцев — стоит лететь, раз отстали — не стоит. Это еще одна разновидность лжепропаганды, которая нам, космонавтам, ракетчикам, всем специалистам, дорого обошлась.

Или возьмем аварию на старте, когда чуть не погибли космонавты Стрекалов и Титов. Действительно, был взрыв. Но за несколько секунд до него сработала аварийная система и ребята остались живы. Об этом взрыве в Венгрии, на конференции по астронавтике, всему миру сообщили, но ни одна советская газета о нем не написала. Советский народ, считалось, можно дурить.

— Георгий Михайлович, одна из самых трагических страниц советской космонавтики — гибель Владимира Комарова. Оберг пишет, что «Комаров знал о своей обреченности, еще будучи на орбите, и американцы записали все его душераздирающие разговоры с женой, Косыгиной...». Насколько это соответствует действительности?

— Не знал и не мог знать Комаров о том, что он погибнет, потому что гибель его произошла на спуске, когда начали выходить парашюты, оставалось около пяти километров до Земли. Вышел тормозной парашют, он должен был вытащить основной, но основной застрял. В чем было дело?

Космический корабль долго, месяц, может

быть, полтора, ждал старта. Старт все откладывали, и возможно, что довольно плотно, с усилием сложенный в контейнер парашют начал понемножку разбухать. И расклинился. Силы тормозного парашюта не хватило, чтобы вытащить основной. Вот, по-моему, причиной гибели Комарова.

Там был еще запасной парашют, который, казалось бы, должен был спасти. Но, спускаясь под тормозным парашютом, корабль крутился, и, хотя запасной парашют вышел вовремя и хорошо, он обкрутился вокруг тормозного. Парашюты переплелись, и корабль ударился о землю. Скорость его вот этими, не до конца раскрывшимися парашютами уменьшилась не настолько, чтобы корабль оставался целым. Поэтому удар был очень сильный, корабль разрушился и сгорел. Этого не мог никто предугадать: ни Комаров, ни Королев, никто абсолютно. Это случилось не на орбите, а на последних пяти километрах.

— ...а то, что Оберг пишет про жену и Косягина?

— Полная чушь! Когда раскрылся парашют и когда Комаров, возможно, понял, что он гибнет, ему оставалась, может быть, одна минута. Где взять жену? Где взять Косягина? Он, видимо, понял, что снижается быстрее, чем нужно, но уже на последней минуте. Он мог что-то крикнуть, конечно, но с женой и Косягиным никак не мог успеть поговорить.

Кстати, после гибели Комарова несколько увеличили объем контейнера, ввели еще какие-то усовершенствования. Например, такой механизм: если основной парашют не вышел, то сначала отстrelивался тормозной, а потом уже выводился запасной. Если бы это догадались сделать раньше, Комаров бы не погиб. Но задним умом мы все сильны...

— Георгий Михайлович, еще один вопрос из той же серии — по книге Джеймса Оберга. Правда ли, что у космонавта Васютина в полете развилась тяжелая инфекция?

— У Васютина была болезнь, которую, по-видимому, он скрывал, обычная в общем болезнь, что-то с железой...

— А что, вас так плохо проверяли перед полетами, что не смогли ее обнаружить?

— Медицина тоже не всесильна. Есть такая мрачная шутка: вскрытие покажет.

— Это был как раз ваш совместный полет?

— Мы с ним стартовали вместе, потом мы с Джанибековым вернулись, а он остался. Видимо, на орбите у него произошло обострение. Начались боли. Но толком не знали отчего, решили не рисковать космонавтом и посадили корабль раньше времени.

Когда они спустились: Волков, командир корабля, Савиных, бортинженер, и Васютин, то на него врачи набросились. Врачей было много, Васютин был один, и на всякий случай врачи начали обследовать и остальных по тому же поводу. А процедура предстояла не очень приятная. Рассказывали, что, когда они лежали на обследовании рядом, Савиных повернулся и сказал, конечно, в шутку: «Ну, Васютин, я тебе этого никогда не прощу».

— А описанный Обертом случай с Георгием Ивановым?

— Это было. Только двигатель не взрывался, он прогорел.

— И это, конечно, тоже скрыли?

— Верно. Нас же, космонавтов, превратили в каких-то суперменов, у которых никогда ничего не случается. Помните: «Аппаратура работает normally, космонавты чувствуют себя хорошо»? Об американцах чего только не писали: это не раскрылось, то не закрылось. Был случай, они отправились парами ядовитого горючего. Страффорд сразу понял, в чем дело, достал маски, надел на себя, на своих товарищей. Как выглядят в этом деле американские астронавты? Прекрасно! Находчивыми людьми, профессионалами, которые спасают товарищей. У нас же, что бы ни случилось, «аппаратура работает normally, космонавты чувствуют себя хорошо». И так из года в год. Эта фраза превратилась в свою противоположность, а нас превращала в каких-то роботов. Поэтому и удивлялись люди: «За что же им награды дают, если всегда все normally?»

А у каждого из нас что-то было в полете. Тяжелые случаи, неприятности, переживания. И борьба с ними. Все лакировалось, розовой водичкой поливалось, припудривалось. Но дураков-то нет. Люди-то понимали: если у американцев что-то не так, а у нас все хорошо — так быть не может.

— По-моему, Георгий Михайлович, сейчас самое время перейти от, так сказать, общетехнических вопросов к личным. Вы трижды

летали в космос. В вашей космической биографии случались такие чрезвычайные происшествия, о которых вы знаете, а мы — нет?

— Разумеется... Скажем, у нас с Юрий Романенко (мы были первыми испытателями новых скафандр) люк не открылся, стыковочный, через который мы должны были выйти наружу. Дело в том, что этот люк не предназначен для выхода в пустоту. Но нам надо было через него все-таки выйти, чтобы осмотреть торец станции и окрестности люка. Заранее предусмотрели это, дали нам фомку... титановую... И я ею крышку люка приоткрыл на несколько сантиметров, а дальше она не шла. Вот... Положение такое было — достаточно неприятное. Мы ее все же открыли, но уже по-русски, на раз-два: я схватился за крышку люка, Юра — за мои ноги, дружно рвали и открыли.

А потом несколько призадумались. Выйдем наружу, все сделаем, а вдруг люк не закроется? Когда я об этом потом рассказывал, мне говорили: «Что за чушь, как это люк не закроется?» А вот так и получилось в 1990 году, когда вышли космонавты наружу, потом вернулись, а люк не закрылся. Такая ситуация и у нас могла случиться.

— Вы закрыли, у вас все было благополучно?

— Да. Но мы-то не знали заранее, чем все закончится, и надо было решать. Мы же не авантюристы. Если бы люк не закрылся, нас бы обвинили в том, что мы не подумали: мол, коли он не открывался, а мы его вырвали, он мог — соответственно — и не закрыться, израс-

какой, интересно, была реакция Земли?

— Реакция Земли? Вам никогда в жизни не угадать. Реакция Земли...

Я докладываю, что мы вышли, осмотрели узел, он не поврежден, можно послать теперь корабль и стыковаться к этому узлу. Мы тем самым задание выполнили.

А нам говорит оператор связи: «У вас имеется два варианта доклада о вашей работе. Сделайте доклад по второму варианту». Смотрю второй вариант. А там — совсем не то, что было на самом деле, не что мы вышли, проверили, убедились, что все в порядке, и вошли, а что мы вышли, обнаружили повреждение стыка, отремонтировали и вернулись.

Да... Самое трудное в космическом полете — это не то, что тебе пережало скафандром руку и два-три часа терпишь боль, как у Юры было. А вот положеньице...

Я сначала подумал, что меня просто не поняли. Я повторил: «Да нет, ребята, какой второй вариант? Мы ничего не чинили. Там все исправно!» А оператор снова: «Сделайте доклад по второму варианту». Я уже сердito: «Узел не поврежден». Они опять: «Сделайте доклад по второму варианту».

— Для геройства не хватило чуть-чуть?

— Нам хватило и того, что было. Это им не хватило. А Юра — человек военный. Для него приказ есть приказ. Не то что я — профсоюз... Когда-то мне предлагали военизироваться. Но я не пошел в армию, хотя мне говорили, что и зарплата будет выше, и полковничья должность. А я сказал, что не могу. Когда в

ходовали зря кислород. Мол, надо было не выходить, а закрыть тут же дверь и доложить на Землю.

— Нештатная ситуация...

— Нештатная... Причем эта ситуация решения стопроцентного не имела. Ведь, если бы мы закрыли этот люк и вернулись на станцию, нам бы сказали: «Что ж вы, испытатели, вы, космонавты, струсили? Вместо того чтобы смело пойти выполнить задание, вы испугались?» Понимаете?

Но в чем у нас еще была опасность? Если бы люк не закрылся, нам пришлось бы разгерметизировать всю нашу станцию. У ребят на станции «Мир» просто лишний отсек разгерметизировался, а мы бы разгерметизировали всю станцию. Мы были первым экипажем, и мы могли стать последним экипажем, потому что в эту станцию уже нельзя было бы никому войти. Мы с Юрий были бы виноваты, что так получилось.

— А почему на Земле этого не предусмотрили?

— Для выхода в космос у нас был специальный люк. Но... До нас была предпринята стыковка, которая удачей не завершилась, а соприкосновение того корабля со станцией было зафиксировано. А что такое соприкосновение семитонного корабля с девятнадцатitonной станцией? От такого соприкосновения все могло быть. А там же, на торце станции, около стыковочного люка, и электроразъемы, и гидроразъемы. Причем электроразъем можно в перчатках пальцем повредить, а не то что семитонным кораблем. Поэтому возникла необходимость выйти именно через этот люк.

Мы недаром говорим, что нас на Земле готовят к ста нештатным ситуациям, а случается всегда сто первая...

— И когда вы сделали все, что следовало,

какой, интересно, была реакция Земли?

— Реакция Земли? Вам никогда в жизни не угадать. Реакция Земли...

Я докладываю, что мы вышли, осмотрели узел, он не поврежден, можно послать теперь корабль и стыковаться к этому узлу. Мы тем самым задание выполнили.

А нам говорит оператор связи: «У вас имеется два варианта доклада о вашей работе. Сделайте доклад по второму варианту». Смотрю второй вариант. А там — совсем не то, что было на самом деле, не что мы вышли, проверили, убедились, что все в порядке, и вошли, а что мы вышли, обнаружили повреждение стыка, отремонтировали и вернулись.

Да... Самое трудное в космическом полете

— это не то, что тебе пережало скафандром руку и два-три часа терпишь боль, как у Юры было. А вот положеньице...

Я сначала подумал, что меня просто не поняли. Я повторил: «Да нет, ребята, какой второй вариант? Мы ничего не чинили. Там все исправно!» А оператор снова: «Сделайте доклад по второму варианту». Я уже сердito: «Узел не поврежден». Они опять: «Сделайте доклад по второму варианту».

— Для геройства не хватило чуть-чуть?

— Нам хватило и того, что было. Это им не хватило. А Юра — человек военный. Для него приказ есть приказ. Не то что я — профсоюз... Когда-то мне предлагали военизироваться. Но я не пошел в армию, хотя мне говорили, что и зарплата будет выше, и полковничья должность. А я сказал, что не могу. Когда в

армии положено говорить «Есть!», я спрашивал: «А зачем?»

Так и здесь... Юре приказали сделать доклад по второй форме, он должен ответить: «Есть». И тогда я ему рассказал про историю с приземлением Гагарина. Я ему говорю: «Вот мы сейчас скажем, что отремонтировали, а через год-два все равно ведь напишут, что ничего мы не ремонтировали, значит, мы наврали, себе приписали работу, которую не сделали». Я говорю: «Уверяю тебя, то, что нам приказывают, забудут, но что мы сами себе приписали лишнюю работу, этого нам не забудут. Но и это еще не самое страшное. Ведь что такое сказать: отремонтировали? Это значит — было повреждение, а стыковка-то предыдущая не получилась у наших друзей. Значит, тем самым мы обвиним их в том, что они повредили станцию. Так можем ли мы уступить этому приказу?» И мы стояли «насмерть», отказываясь?

— А платят?

— От пяти до пятнадцати тысяч. Десять — пятнадцать — за рекордный полет. Я за первый полет получил пять, за второй — это был рекорд мира — десять, а за третий — снова пять.

— По нынешним временам не очень-то

большие деньги... Но ведь присваивают еще и звание Героя Советского Союза?

— Это смотря какой по счету полет. Раньше был «порядок» такой. За первый полет — Звезду Героя, за второй — вторую Звезду, за третий — орден Ленина. Это было неправильно. Возможно, за какой-то полет можно было

дать орден Ленина, а за какой-то — более спо-

койный — орден Красной Звезды, например. Теперь старую иерархию заменили новой, столь же, по-моему, порочной. Сейчас так: за

первый полет — Звезду, за второй — орден Ленина, за третий — орден Октябрьской Революции. Иерархия — это в принципе неправильно. Надо смотреть, что за полет, что человек делал, как себя вел. Я, скажем, категорически не согласен с тем, что за пятый

полет Володе Джанибекову не дали Героя.

Джанибеков с Савиных состыковались с неработающей станцией, что почти невозможн

о, они в темноте, в холода, при замерз-

шей воде чинили станцию, оживили, потом

они ее убрали, высушили, отремонтировали.

Когда я прилетел, не мог отыскать ни единого

следа аварии. Я даже пошутил: «Ребята, при-

знайтесь, что вы придумали эту аварию».

И за эту аварийную работу Джанибекову не дали Звезду Героя. Потому что она была бы

третьей. Брежневу, если бы он дожил, уверен,

и шестую, и седьмую дали бы. А вот космо-

навту не положено.

— И вы так спокойно говорите...

— Если это все каждый раз переживать, то

уж давно бы неврастеником стал. Я себя за-

нее приучаю: что бы ни сделал, никогда не дол-

жен ждать благодарности. Надо работать. Вот

мне уже шестьдесят, а я еще слетать хочу... ■

Интервью 1991 года.

документ. И все... От нас отстали.

— Для чего, собственно, все это было сдела-но?

— Оказалось, на телевидении была подготовлена демонстрация инструментов, которые у нас были с собой для ремонта. И уж так им хотелось выглядеть лучше, чем на самом деле.

— Журналисты, стало быть, виноваты?

— Нет, не журналисты... Это восхищенным журналистам сообщили бы некоторые руководители нашего полета.

Надо оставаться человеком. Надо уметь идти на неприятности. Я понимал, что мне это не простится.

— И действительно бывали неприятности? На каком уровне?

— На уровне сектора ЦК партии. Обидные такие неприятности... Помог я, скажем, японцам снять фильм о советской космонавтике — был ведущим этого фильма. Он получил в Японии при лучшего документального фильма года, Большую золотую медаль. Фирма, которая сделала фильм, тут же пригласила меня в Японию. Но, чтобы выехать за границу, тогда нужно было решение ЦК. И меня не пустили — японцам ответили, что я занят по работе. А я в это время находился в отпуске.

ЛЕГЕНДЫ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН»

Дмитрий ЛИХАНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Десятого июня 1984 года экспериментальная ракета-перехватчик, запущенная американцами в рамках проекта СОИ с атолла Кваджалейн в Тихом океане, бесшумно достигнув высоты 150 километров, буквально разнесла в куски боеголовку межконтинентальной баллистической ракеты-мишени «Мини-тмен».

Это казалось фантастикой! Перехват ядерных боеголовок противника был заветной мечтой ученых и военных обеих сверхдержав и означал только одно: победу в «холодной войне».

И лишь девять лет спустя четверо сотрудников рейгановской администрации признались, что испытания ракеты-перехватчика были сфальсифицированы.

«Мы потеряли бы миллионы долларов в конгрессе, если бы не провели испытания успешно, – сказал один из них. – Это было бы катастрофой. Чтобы обеспечить видимость успеха, мы сфальсифицировали испытания путем установки на ракете-цели радиомаяка, работавшего на определенной частоте. На ракете-перехватчике установили приемник. Попадание в цель выглядело блестящее. Так что у конгресса вопросов не возникло».

С другой стороны, подчеркивают анонимные представители администрации Рейгана, фальсификация испытания в июне 1984 года была лишь частью глобальной программы дезинформации, которую проводили в Пентагоне для экономического подрыва СССР. Иными словами, фальшивый запуск с атолла Кваджалейн должен был заставить Советы потратить несколько миллиардов рублей на создание и испытания аналогичной ракеты. Но этого не произошло.

«Мы догадывались, что они нас обманывали...» Такое сенсационное заявление сделал в беседе со мной бывший заместитель начальника советской военной разведки (ГРУ) отставной генерал Георгий Михайлов. По его словам, в день запуска суперперехватчика в акватории Тихого океана находились несколько советских научно-исследовательских судов, которые отслеживали информацию об испытаниях для Генштаба ВС СССР. По возвращении кораблей в порт приписки – Владивосток и обработки информации в техническом управлении ГРУ военной разведке стало ясно: испытания ракеты были искусно подстроены. Сообщение Михайлова подтвердил и бывший начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР генерал армии Валентин Варенников. «Когда американцы запустили антиракету из акватории Тихого океана, – говорит он, – наша разведка за это схватилась и сообщила вскоре, что на ракете был поставлен радиомаяк. Эту информацию нам передало ГРУ в 1984 году». Таким образом, то, что стало предметом служебного разбирательства в американском конгрессе в 1993 году, Советам было известно уже девять лет назад. И не они нас, а мы их «поставили» на несколько миллионов «зеленых».

Ответный удар империи

«Офицеры, которые были заняты разработкой программ дезинформации, говорят, что в 80-е годы эти программы приобрели популярность в Пентагоне как способ под-

СОИ: обман десятилетия

рыва СССР, – сообщила осенью 1993 года газета «Нью-Йорктаймс». – Первоначальная цель дезинформации о программе противоракетной обороны заключалась в том, чтобы помешать Советскому Союзу получить правдивую технологическую информацию о в высшей степени экспериментальном проекте, – так говорят бывшие деятели администрации Рейгана. По их словам, она развилась в программу, вовлекавшую Советы в растрачивание средств, в стратегию форсированного самоистощения коммунистической империи вплоть до ее гибели.

«Действительно, американцы не раз пытались ввести нашу страну в неоправданное расходы с помощью дезинформации, –

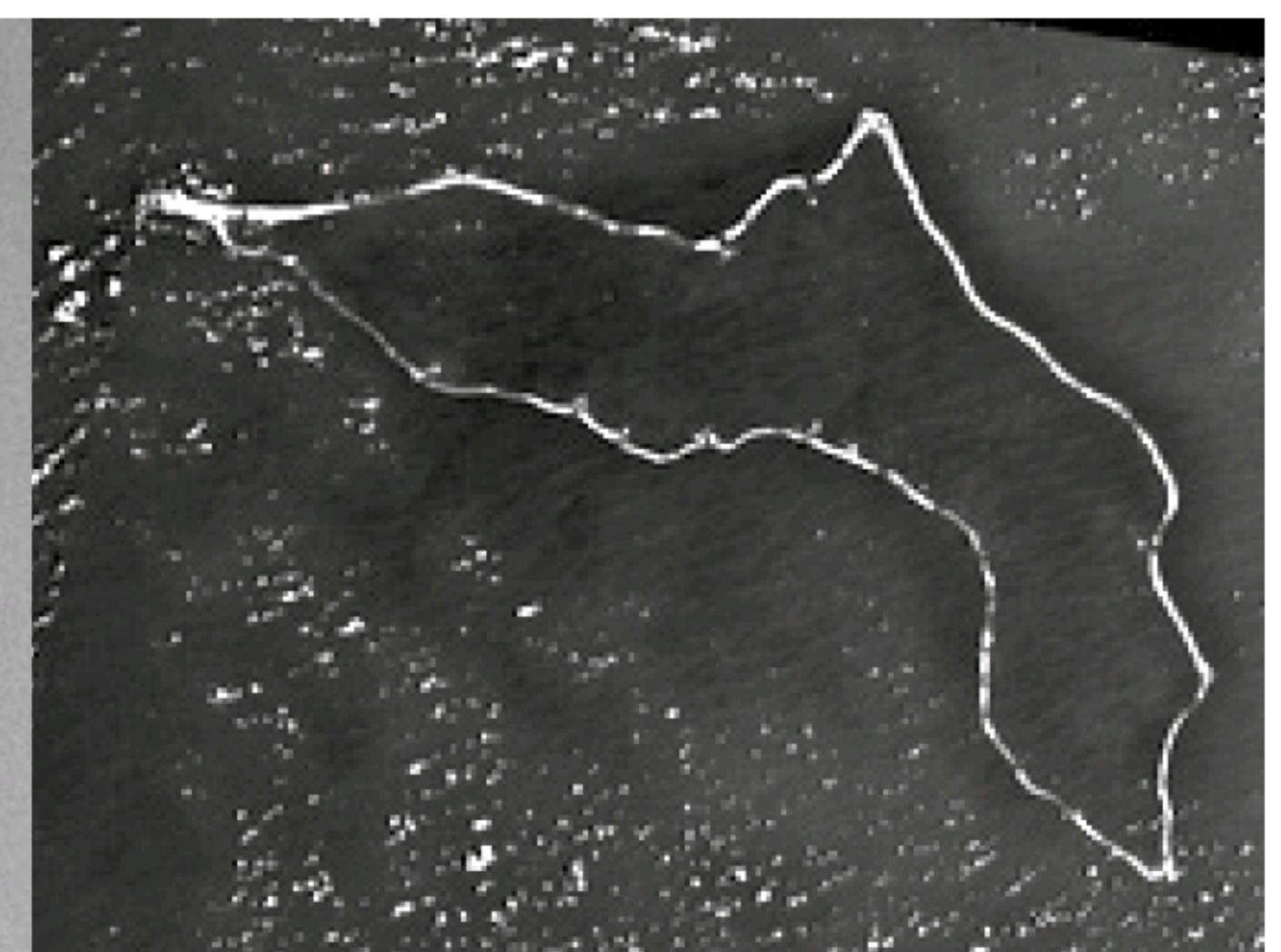
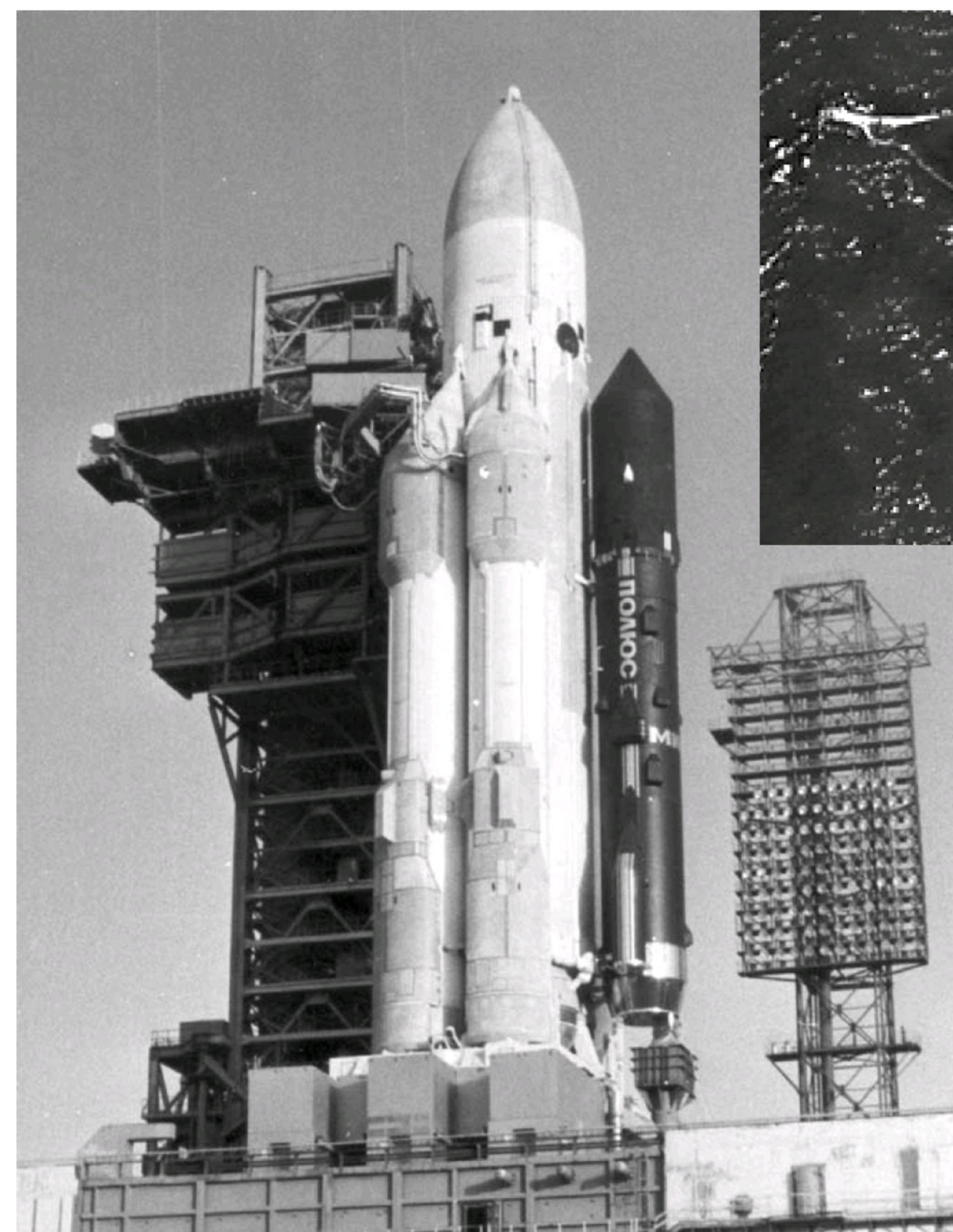
соглашается генерал армии Варенников, – В конце семидесятых годов, например, они забросили к нам «дезу» о том, что намерены создать подвижной комплекс для тяжелых ракет, базирующийся по принципу автодрома. Американцы инсценировали атмосферу сверхсекретности вокруг этого проекта и вместе с тем периодически подбрасывали дезинформацию как по линии ГРУ, так и по линии КГБ». По словам генерала Варенникова, Генеральному штабу, а также главнокомандующему ракетными войсками маршалу Толубко стоило огромных усилий переубедить министра обороны Дмитрия Устинова не подписывать решения о создании такой системы в советских войсках. Подобная же ситуация, по мнению Варенникова, сложилась и с разработками газотурбинных двигателей для последнего поколения наших танков. Однако на этот раз дезинформация американцев достигла своей цели. На разработку двигателя ушло слишком много денег, но при всей привлекательности самой идеи он оказался неэффективным и потреблял слишком много горючего. «Ну а что касается программы СОИ, – подчеркивает Валентин Иванович, – то тут мы на их удоочку не клюнули».

Идея СОИ родилась в Москве

В 1976 году, то есть за целых семь лет до того, как президент США Рональд Рейган выступил с идеей стратегической оборонной инициативы, больше известной как программа «звездных войн», генеральный директор закрытого московского института ЦНПО «Комета» академик Анатолий Савин – человек, чье имя было известно только в кругах ВПК и всяческим образом засекречивалось для потенциального противника, – выдвинул идею, которая коренным образом перечеркивала всяческие представления о проблеме противоракетной обороны. Система, предложенная ЦНПО «Комета», позволяла держать на прицеле все ядерные боеголовки американцев, включая даже те, которые базировались на подводных лодках и бомбардировщиках. Эта система должна была базироваться в космосе и поражать ядерные ракеты американцев еще до их старта.

«Собственно говоря, – вспоминает Анатолий Иванович, – ту стратегию, которую предложил Рейган в 1983 году, мы разработали до деталей намного раньше. На основе наших предложений Устинов дал команду разработать технические предло-

Вид атолла Кваджалейн из космоса.
Этот атолл – самый крупный в мире. Он входит в состав Маршалловых островов и находится в центральной части Тихого океана. Его тонкие коралловые рифы длиной 283 километра, закругляясь, образуют лагуну площадью 2850 квадратных километров.

Первый полет ракеты-носителя «Энергия» осуществился 15 мая 1987 года («Энергия» на старте)

жения. Над этой задачей наше объединение работало в течение нескольких лет».

ЦНПО «Комета» разрабатывало нашу СОИ до 1983 года. Речь, конечно же, не шла о создании суперлазеров или космических эскадронов из американских кинобоевиков. Проработка программы шла всего лишь на теоретическом уровне, о чем говорит само ее название: «Научно-техническая реализация стратегии сдерживания глобальной ракетно-ядерной войны. Политика развития глобальных оборонительных и наступательных вооружений». В обиходе эту программу часто называли ЕГСПСР. В то время проблему ЕГСПСР Савин предлагал сформулировать как первоочередную проблему обеспечения национальной безопасности.

«Обеспечение национальной безопасности страны, – писал он в одном из своих

секретных докладов, – может базироваться на двух основных стратегиях развития вооружения: построение системы уничтожения всего ядерного боезапаса противника за заданное время и построение системы, обеспечивающей поддержание стратегического равновесия на основе стратегии своевременного и эффективного ответного удара (удара «возмездия»). И далее: «Стратегические оборонительные системы уничтожения всего ядерного боезапаса противника могут выполнять свою задачу в том случае, если они будут объединены в автоматизированную систему, способную за располагаемое время 5–25 минут уничтожить 10 000 ядерных зарядов, распределенных между всеми видами стратегических наступательных сил и сосредоточенных перед запуском в пяти типах носителей (...), обеспечив суммарную вероятность поражения не менее 0,99%».

Однако к концу 70-х годов, по словам Савина, ему стало ясно, что уничтожить весь ядерный потенциал американцев на всех видах носителей за 25 минут возможно лишь только теоретически. И делает решительный вывод: «В настоящее время полный комплекс систем, позволяющих уничтожить весь ядерный потенциал противника, не создан, и создание его в ближайшие несколько десятилетий невозможно по научно-техническим и экономическим причинам».

Таким образом, к апрелю 1983 года, когда Рейган огласил намерение США приступить к программе СОИ, нашим ученым и военным было известно: осуществить такую программу невозможно даже в США, американцы блефуют.

Об этом Савин написал в своем секретном докладе на имя тогдашнего председателя военно-промышленной комиссии Смирнова.

«Необходимо отметить, – говорилось в нем, – что вопросы целесообразности и возможности создания системы широкомасштабной многоэшелонной противоракетной обороны были проработаны в ЦНПО «Комета» еще в 1975 году и затем в 1981-м.

Было показано, что система широкомасштабной ПРО решает лишь частную проблему ведения современной ядерной войны, что для эффективного ведения войны необходимо создание системы уничтожения всего ядерного запаса противника, имея в виду в том числе и носители ядерного оружия всех видов. Было также показано, что создание такой системы нереально.

Несмотря на развернутую в США кампанию по созданию системы широкомасштабной ПРО, эти выводы сохраняются и сегодня».

Второй пункт савинского доклада: создание собственной системы, которую он окрестил СПСР – системой поддержания стратегического равновесия.

«В противовес реализации в США программы ПРО ШМ (читай: СОИ - Д.Л.), – пишет учений, – в нашей стране более предпочтительным с экономической и военно-политической точек зрения является обеспечение дальнейшего совершенствования системы предупреждения о ракетном нападении, ускоренного создания и развития и информационно-разведывательных систем и особенно системы перехвата и уничтожения космических систем противника (прежде всего -ПРО ШМ США) – антиПРО, которая в данном случае, явившись наступательным оружием, может быть создана в значительно более короткие сроки и с меньшими затратами, чем ПРО ШМ».

По расчетам Савина и его «Кометы», следуя по пути, «подкинутому» американцами, мы неизбежно будем вынуждены потратить десятки лет кропотливого труда и триллионы рублей из государственного бюджета. В то время как затраты на создание СПСР не превышали бы 4–5 миллиардов.

Кроме этого, в своем докладе на имя Смирнова академик Савин предлагал военно-промышленной комиссии никоим образом не мешать американцам следовать по ложному пути и таким образом заманить их в технологическую ловушку:

«Такое решение не только гарантирует нашу безопасность, – утверждал Савин, – но и заставит США наряду со стоимостью ПРО ШМ затратить огромные суммы на разработку целого комплекса мер по защите и дублированию спутниковых систем и созданию специальной системы наблюдения за

космосом. Вместе с тем создание ПРО ШМ, решающей эффективно, кроме основной задачи, еще задачи собственной защиты, в ближайшем обозримом будущем практически невозможно».

К аналогичным выводам пришли и другие институты ВПК, во главе которых стояли такие «звезды» военных технологий, как академики Басистов, Гусев и Глушко.

В результате высшее военное и политическое руководство страны не пошло по тому пути, который предлагали американцы.

Охотники за технологиями

И все же неверно было бы считать, что программа СОИ от начала до конца – всего лишь политический трюк Вашингтона.

Буквально в первые же месяцы после заявления Рейгана в ВПК поступили сведения о том, что при научно-исследовательском центре в Лос-Аламосе создано специальное секретное подразделение, в котором начали работать перспективные специалисты в области высоких технологий. В этом подразделении и рождалась программа СОИ.

Чем заняты лаборатории Лос-Аламоса? Какого рода эксперименты и теоретические исследования ведутся в других институтах и университетах США? Все это предстояло выяснить.

Сбор научно-технической информации в самой главной области – в сфере обороны – в начале восьмидесятых годов координировалась военно-промышленная комиссия (ВПК), которая при Горбачеве получила статус Государственной комиссии военно-промышленного комплекса. Комиссия работала под председательством одного из заместителей премьер-министра и координировала деятельность по сбору данных пяти организаций: ГРУ, управления Т (технического) ПТУ КГБ, Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ), секретного отдела Академии наук и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям (ГКЭС). Военно-промышленная комиссия, по сути дела, была той последней инстанцией, где давалась оценка тому или иному вопросу, связанному с обороноспособностью СССР, а ее председатель входил в состав Совета Обороны страны.

С появлением программы «звездных войн» В ЦК создает секретный аналитический центр, который предназначен для тщательной фильтрации всех поступающих сюда сведений по проблеме СОИ как из открытых, так и из закрытых источников. А раз в квартал уже «очищенная» информация о новых разработках американцев в этой области ложилась на стол к председателю ВПК.

Кроме этого, по всем разработкам американцев в области СОИ были получены экспериментальные заключения ведущих ученых «оборонки» и Академии наук СССР. Это было еще одно сию для дезинформации, которую могли не заметить чиновники, но сразу определяли специалисты.

«Примерно к 1986 году, – вспоминает тогдашний председатель ВПК Юрий Маслюков, – нам стали известны базовые данные американской СОИ. Не на уровне рейгановских рассуждений, где, конечно же, в основном была «липа», а на уровне Объединенного комитета начальников штабов, на уровне технической документации».

Генерал Варенников также подтверждает, что уровень информации, поступавшей в те дни в Генеральный штаб ВС СССР от КГБ и в особенности от ГРУ, был достаточно высок и наши военные доподлинно знали о том, что происходило на секретных совещаниях в Пентагоне.

Именно разведка, по мнению многих моих собеседников, сыграла решающую роль в тайной войне за обладание секретами СОИ.

Космические деньги

«Когда о программе СОИ стало известно официально, – говорит Варенников, – министр обороны Устинов был настроен на то, чтобы действовать адекватно. На это, собственно, американцы и рассчитывали. Однако коллегия настояла на том, чтобы изучить вопрос противодействия СОИ.

Была создана специальная комиссия во главе с академиком Велиховым. Меня назначили его заместителем. В эту комиссию так-

же входило много ученых, представители ВПК и ведущих оборонных министерств – радиоэлектронной промышленности и общего машиностроения. Дело было зимой. А работа комиссии проводилась в обстановке строжайшей секретности. Для этой цели нас вывезли за город в специальный подземный бункер, в котором были отключены все системы связи. Здесь мы жили и работали несколько дней.

После этого совещания в бункере машина, что называется, заработала. Были даны задания министрам Плещакову и Бакланову. Научно-исследовательские институты этих министерств начали так называемую глубокую проработку проблемы. Главным результатом этой работы было окончательное решение: не создавать систему, аналогичную американской. Это был исключительно важный стратегический вывод для страны».

«Если бы мы пошли на прямое копирование работ американцев, – соглашается Юрий Маслюков, – это покрыло бы наш годовой национальный доход, который составлял в то время от 450 до 500 миллиардов рублей. Что же касается нашей программы противодействия СОИ, то она увеличила военные расходы всего лишь на семь процентов».

По свидетельству Юрия Маслюкова, основная часть этих денег пошла на проведение фундаментальных теоретических исследований в области СОИ и предназначалась в основном научно-исследовательским институтам оборонного комплекса и Академии наук.

«Спасибо Рейгану, – говорит в связи с этим Жан Зинченко, который возглавлял тогда научное объединение «Агат», – после его заявления по СОИ совместным постановлением ЦК и Совмина на фундаментальную науку были отпущены очень серьезные деньги. И именно тогда наши спецы в области высоких технологий сделали заметный рывок вперед».

Говоря о малых деньгах для СОИ, впрочем, не следует забывать, что в военном бюджете СССР в то время уже были зарезервированы миллиарды рублей под космические программы (около трех миллиардов), совершенствование лазерной техники, систем предупреждения о ракетном нападении и ПРО, которые, конечно же, на самом деле использовались с прицелом на «звездные войны», а вместе с семипроцентным «довеском» составляли довольно внушительную сумму. Однако тот факт, что мы потратили на СОИ меньше американцев, – неоспорим. Как неоспорим и тот факт, что могли бы потратить больше. А страну пустили «по миру».

Крушение звездной мечты

К 1988 году отец американской водородной бомбы профессор Тейлор начал регулярные испытания своего нового детища – рентгеновского лазера с ядерной накачкой, во времена которых ему удалось получить первые кратковременные излучения. В случае устойчивой работы этой штуковины американцы планировали вывести лазер в космос и оттуда поражать советские ядерные бомбовозы.

Испытания лазерного оружия тем временем проводились и в СССР на военном полигоне в районе озера Балхаш под руководством сына министра обороны Николая Устинова. Наши лазерные технологии в те годы, по общепринятому мнению, были лучше американских, а мощность лазерных установок позволяла не только взрывать макеты ядерных ракет, но и доставать до космических далей.

А там, в космосе, уже шла своя война. В августе 1970 года Советский Союз впервые в мире провел испытания своего «охотника за спутниками», который на высоте несколько сот километров вывел из строя спутник-мишень. А всего через девять лет – 1 июля 1979 года – комплекс по уничтожению вражеских спутников уже поставил на боевое дежурство.

Американцы смогли испытать своего «охотника» только в 1987 году, однако еще до того времени по решению Андропова советский комплекс прекратил свое существование в одностороннем порядке.

Начиная с восемидесят пятого СССР активно приступает к проработке систем «космос – земля», «космос – море» и «космос – космос», в апреле 1987-го производит

запуск «Энергии» с имитатором лазерной установки – такого ракетоносителя еще не знала мировая космонавтика, и даже американцы, которые вовсю «швыряли» в космос свои «шаттлы», смотрели на «Энергию» с нескрываемым восхищением – ведь в модернизированном варианте она была способна вывести на околоземную орбиту до двухсот и более тонн груза.

Несмотря на более чем скромные затраты и непрекращающиеся попытки американцев завести нашу программу анти-СОИ в технологический тупик, СССР явно лидировал во второй колониальной войне за овладение космическими океанами и материками.

Удар по советской программе был нанесен, откуда его меньше всего ждали.

«В 1985 году Горбачев посетил некоторые фирмы. А после этого состоялась наша встреча на Старой площади, – вспоминает бывший секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Олег Бакланов. – Я провел с ним наедине около трех часов, рассказывая о перспективах освоения космического пространства и ракетной техники. Вместе с собой я привез проработки научно-технического совета в области противодействия СОИ. Горбачев в основном слушал, задавал вопросы. Однако по тем вопросам, которые он задавал, я понял, что он не ориентируется в проблеме. Но в целом проблема СОИ его живо интересовала. Итог этого разговора был таков: Горбачев просил продолжать разработки в этой области и стараться обойти американцев. Я воспринял его поддержку тогда за чистую монету».

После этого разговора Горбачев попросил Бакланова все дела, связанные с нашей программой анти-СОИ, держать в строжайшем секрете. Однако на ближайшем съезде партии Михаил Сергеевич, к изумлению всего военно-промышленного комплекса, заявляет на весь мир о существовании советской программы «звездных войн».

«После того как в 1988 году меня избрали секретарем ЦК по оборонным вопросам, – продолжает Бакланов, – я стал посещать заседания Политбюро и увидел, что все не так просто, как мне прежде казалось. Примерно месяц я присматривался, а потом доложил Горбачеву, что мне непонятна позиция Шеварднадзе в области разоружения. Я ему прямо сказал, что Шеварднадзе предает национальные интересы нашей страны. Горбачев произнес тогда странную фразу: «Ты в это дело не лезь». И только потом я понял, что позиции Шеварднадзе и Яковleva были согласованы с Горбачевым. Собственно говоря, Горбачев их просто прикрывал».

С начала девяностых годов наши программы противодействия СОИ начали сворачиваться одна за другой, а после развода Союза этот процесс принял необратимый характер. Главная стартовая площадка страны – Байконур оказалась на территории Казахстана и всего за несколько лет пришла в полнейший упадок; за кордоном России оказались мощные радарные станции слежения за космическим пространством, сотни заводов и научно-исследовательских институтов; в 1992 году для американцев был открыт наш сверхсекретный национальный лазерный центр; упали на Запад тысячи самых перспективных разработок в области высоких технологий, а вместе с ними сотни ученых – в особенности молодых, которые в будущем, без преувеличения, составили бы элиту отечественной науки.

«Если бы сегодня пришлось заново браться за нашу программу, – с грустью констатирует Юрий Маслюков, – то на то, чтобы только собрать вместе прежние коллективы и организовать их работу, ушло бы как минимум 15 лет. Наше отставание от американцев в этой области идет в геометрической прогрессии. Если год, мы отстаем на 3 года, то за 2 года – на 10, лет, а за 3 года – на 20 лет».

Русская СОИ, на которую в течение десятков лет работали тысячи ученых, военных, конструкторов и шпионов – людей, посвятивших этой программе не только время, знания, но порой и всю жизнь, – рухнула в космическую бездну. И произошло это не по злому умыслу дезинформаторов, как пытаются сегодня представить дело американцев, а от тщеславия и продажности собственных вождей – податливых и недалеких.

ТРИ СМЕРТИ ЮРИЯ КОНДРАТЮКА

Марк ПОПОВСКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

После того как американцы на своих межпланетных кораблях «Аполлон» трижды облетели Луну, советские газеты опубликовали в качестве отклика цитату из американского источника, которая звучала так: «Ранним мартовским утром 1969 года, когда на мысе Канаверал я с изумлением наблюдал взлет ракеты, которая должна была вывести «Аполлон» напрямую к Луне, я подумал о неизвестном русском по фамилии Кондратюк. Это он открыл путь, по которому теперь человек впервые летел на Луну». Автора цитаты тогда советские газеты не называли, но суть ее сводилась к тому, что, хотя, дескать, американцы и опередили нас в полетах на Луну, теоретическую основу этих полетов создал все-таки наш русский гений. Позднее, после высадки на Луне, советские журналисты продолжали ту же линию. Они сообщили русским читателям, что успех проекта «Аполлон» в значительной степени связан с тем, что американцы воспользовались книжкой Юрия Кондратюка, которая вышла в 1929 году в Новосибирске. Среди прочего в книжке высказана была блестящая идея, как организовать посадку на лунную поверхность. Для этого вовсе нет нужды сажать ракету, она может продолжать вращение на окололунной орбите, а добраться до поверхности можно, используя модуль – небольшую «небесную тележку», которая после завершения обследования Луны снова взлетает, догоняет ракету и воссоединяется с ней.

**Кто же он,
это удивительный Кондратюк?**

Хотя мы и привыкли не доверять советской пропаганде, на этот раз сообщение в советской прессе оказалось вполне справедливым. Ученые из НАСА – американской организации, осуществляющей космические проекты, действительно использовали ряд ярких идей русского исследователя; и это помогло им разрешить при постройке и эксплуатации межпланетных кораблей несколько весьма сложных проблем. Но кто же он, этот удивительный Кондратюк? Профессор? Академик? Лауреат премий? Строитель советских ракет?

Я заглянул в последнее издание Большой Советской Энциклопедии и был поражен тем, как мало там сказано о человеке, которого энциклопедия называет «одним из пионеров разработки основ космонавтики». Вся биографическая информация сводится к тому, что Юрий Васильевич Кондратюк родился в июне 1897 года и умер в 1942-м (без числа и месяца). В 1916 году он окончил Полтавскую гимназию, а в 1917-м «заинтересовался проблемами межконтинентальных сообщений». Где и у кого он учился, где работал и вообще как провел 26 лет своей жизни между 1916-м и 1942-м – энциклопедия не сообщает. Говорится лишь, что в 1919 году Кондратюк завершил рукопись о межпланетных путешествиях, а в 1929 году в Новосибирске вышла его книга «Завоевание межпланетных пространств».

Не странно ли? О нашем современнике, о человеке, который сыграл такую важную роль в эпоху Космоса, известно гораздо меньше, чем об Аристотеле, Аттиле или, скажем, о вожде ацтеков Монтесуме, жившем в XV столетии.

Юрий Васильевич Кондратюк. Наиболее распространенное фото

Почему же БСЭ замалчивает жизнь того, кто является гордостью советской науки? Чтобы разобраться в этих вопросах, я предпринял собственные розыски. Напечатал о Кондратюке статью в русскоязычной газете, издающейся в Нью-Йорке, и призвал недавних эмигрантов из СССР сообщить, что именно они знают о нем. Устные и письменные отклики, которые я получил, позволили восстановить историю жизни, поистине удивительную.

Ученик полковника Лашинского

Зачином послужил рассказ русской дамы, эмигрантки первой послереволюционной волны, о двух ее родственниках, которые приняли участие в жизни Юрия Кондратюка. Дама эта, профессор истории в одном из американских университетов, рассказала следующее.

Дед ее, полковник царской армии, по

образованию инженер, преподавал в Киевском пехотном юнкерском училище. Звали его Иван Андреевич Лашинский. Талантливый изобретатель, он был одержим идеей межпланетных сообщений. Идея его, очевидно, были не пустыми мечтаниями, потому что портрет Лашинского украшает Музей космонавтики в Звездном городке близ Москвы.

Вторым участником «дела Кондратюка» был отчим моей собеседницы, военный врач в отставке Вячеслав Вячеславович Радзевич. Он тоже жил перед революцией в Украине, в городе Смела, где его и застала Гражданская война. Доктор Радзевич, по словам падчерицы, относился к тем российским интеллигентам, которые готовы были помогать всем и каждому. До революции он лечил без разбора богатых и бедных и не брал гонораров с

неимущих пациентов. Во время Гражданской войны, когда власть в городе Смела несколько раз переходила из рук в руки, доктор Радзевич и его жена, верные своим принципам, помогали всем раненым, независимо от их национальности, политических убеждений и военной принадлежности.

Очевидно, в середине (или в конце) 1919 года, во время отступления армии Деникина, в доме нашли приют красный командир и молодой деникинский офицер, три назад окончивший Киевское пехотное юнкерское училище. Офицер этот был учеником полковника Лашинского и поклонником его идеи относительно полетов на другие планеты. Звали офицера Александр Шамрай, родом он был из Шамраевки, имения, что располагалось неподалеку от станции Фастов.

Но главные переживания доктору и его жене доставлял не этот сравнительно легко раненный юноша, а тяжело, по существу, безнадежно раненный красный командир, лежавший в другой комнате докторского дома. Радзевичи делали все, чтобы спасти командира, но он в конце концов погиб. В город в это время уже вступили красные. К врачу пришел брат покойного, тоже красный командир, и сказал примерно следующее: «Вы хороший врач и хороший человек. Мне хотелось бы поблагодарить вас за все, что вы с опасностью для жизни сделали для моего брата. Но знаю – подарков вы не берете. Знаю я и о том, что в доме своем вы скрываете белого офицера. Ради вас мы его не тронем. Вот документ для него, пусть немедленно убирается из города. Второй раз мы его не пощадим». С этими словами красный командир положил перед врачом документ на имя мещанина Юрия Васильевича Кондратюка, родившегося в Полтаве в июне 1897 года. Нетрудно догадаться, что подлинный Юрий Кондратюк был одним из противников Советской власти, которого красные незадолго перед тем расстреляли. Так или иначе, белый офицер и российский дворянин Александр Шамрай воспользовался спасительной бумагой. Так началась вторая жизнь Юрия Кондратюка.

«Тем, кто будет читать, чтобы строить»

Больше ничего о судьбе этого молодого человека моя собеседница не знала, но нашлись другие, которые продолжили ее рассказ и внесли новые факты.

В пору, когда одна половина России с энтузиазмом резала и расстреливала вторую, мысли молодого Кондратюка (будем его называть теперь так) были обращены не к политике, а к межпланетным путешествиям. Перебиваясь случайной работой, он в 1919 году написал уже упоминавшуюся нами рукопись, которую, возможно, рассматривал как свое завещание. Он и назвал ее соответствующим образом: «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Очевидно, сам и не слишком надеялся, что ему доведется когда-нибудь строить межпланетные корабли, и спешил в кровавой сутолоке Гражданской войны передать бумаге свои главные мысли и расчеты.

В этом труде Кондратюк дал схему и описание четырехступенчатой ракеты, работающей на кислородно-водородном топливе, описал камеры сгорания будущего двигателя, турбонасосный агрегат, который станет подавать топливо в двигатель, изложил систему управления ракетой. В той же работе он изложил идеи, которые 45–50 лет спустя использовали ракетостроители США и Советского Союза. Рукопись 1919 года опубликована не была, но, очевидно, Кондратюк посыпал ее ученым в

Москву. Десять лет спустя, в 1929-м, он выпустил свою первую и последнюю книгу «Завоевание межпланетного пространства», в которой, по словам Большой Советской Энциклопедии, «определен последовательность первых этапов освоения космического пространства... и сделан ряд дополнительных предложений: ракетно-артиллерийское снаряжение искусственных спутников с Земли, использование в качестве ракетного топлива некоторых металлов с высокой теплотой сгорания и так далее».

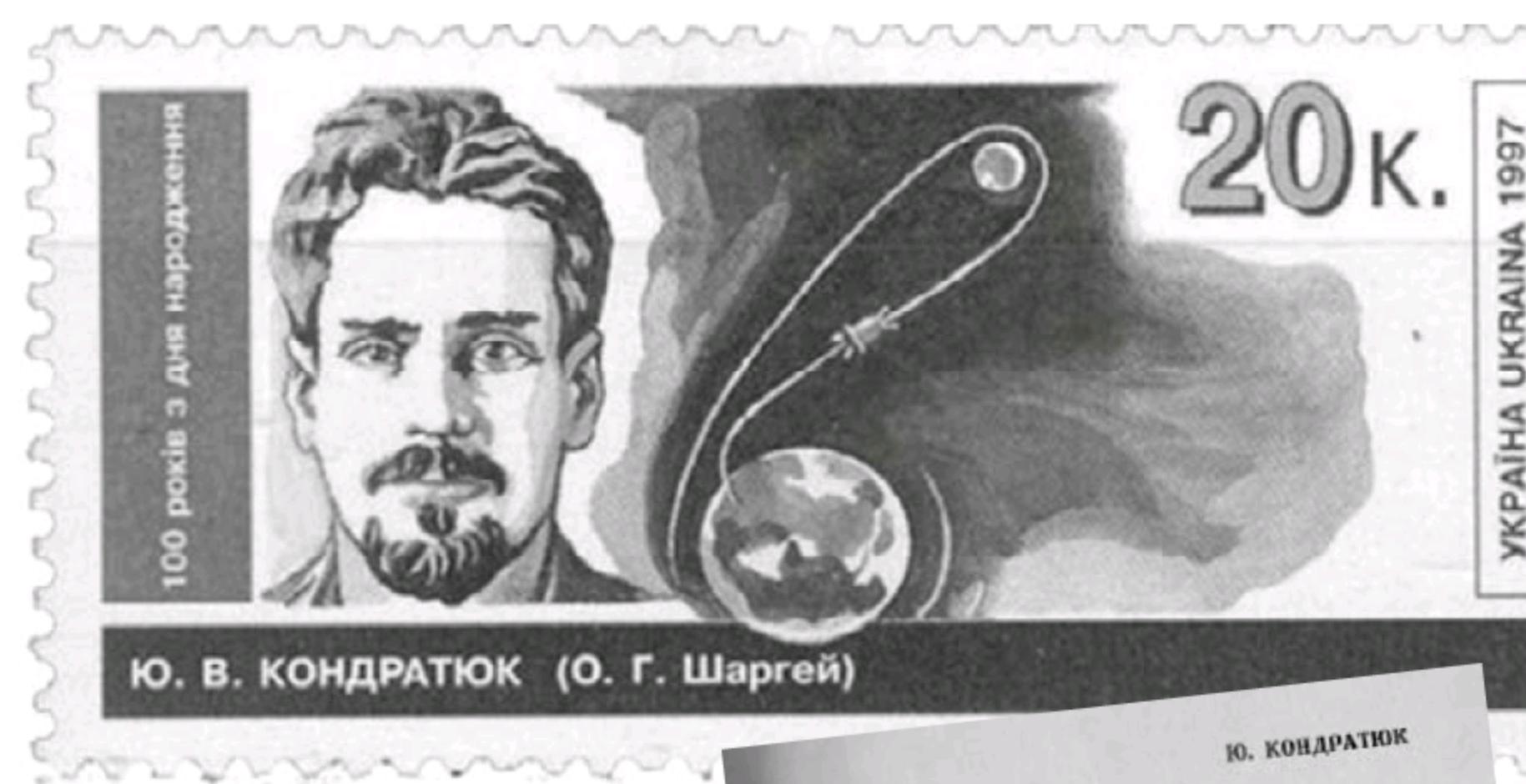
Одно несомненно – он был неутомим...

но как жил этот странный мечтатель все эти годы? В одном из писем от русского эмигранта, поселившегося в Чикаго, я узнал, что высшего образования Кондратюк не получил, так как боялся поступать в университет, чтобы его не разоблачили как белого офицера. По свидетельству другого эмигранта, в 20-е и 30-е годы Кондратюк часто менял место жительства, жил то на Украине, то в Западной Сибири, в районе Новосибирска. Работать ему приходилось в каких-то сельскохозяйственных ремонтных мастерских. Он даже получил премию за изобретение в области сельскохозяйственного машиностроения. Есть свидетельство, что денежную часть премии он истратил на издание своей единственной книги.

Мы ничего не знаем ни о вкусах, ни о характере Кондратюка. Любил ли он кого-нибудь или что-нибудь помимо своих надзвездных мечтаний? Был добр или суховат? Сильно отретушированный портрет в Большой Советской Энциклопедии изображает веселого и общительного вида юношу с усами и аккуратно подстриженной черной бородкой, какие в 30-е годы никто уже не носил. Портрет этого самого Шамрая-Кондратюка или подделка? Одно несомненно: как изобретатель и строитель он был неутомим.

Есть основания полагать, что в свободное от работы время Кондратюк пытался строить модели жидкостных ракет. В начале 30-х годов в стране получили распространение группы инженеров-любителей, изучающих реактивное движение – ГИРД. Сначала это были организации общественные. Группы, работавшие в Баку, Новосибирске, Харькове и Москве, были военизированы, а затем из их членов был создан Реактивный научно-исследовательский институт, попавший под надзор Генерального штаба Красной Армии. Я полагаю, что Юрий Кондратюк в штате этого института не работал, опять-таки опасаясь разоблачения. Однако, когда в 1936 году весь штат института был арестован, схватили и Кондратюка. Обвинения, которые в те годы следователи НКВД предъявляли своим жертвам, были довольно однообразны: шпионаж, диверсия. Впрочем, как удалось дознаться, Юрию Кондратюку повезло, прошлое его следователи не раскопали, а обвинили «всего лишь» в украинском национализме. Новоявленного националиста (кстати сказать, русского по крови) выслали в глухой район Средней Азии.

Известен эпизод (за достоверность которого, впрочем, трудно ручаться), который дает хоть какое-то представление о жизни Юрия Кондратюка в ссылке. Нарком тяжелой промышленности старый большевик Серго Орджоникидзе объезжал среднеазиатские республики. Грязные улички и глинянитые строения без окон делали похожими азиатские кишлаки на поселения XVII столетия. Но в одном поселке нарком Орджоникидзе вдруг обнаружил водопровод, мельницу и даже ветряную электростанцию. Все это построил ссылочный Кондратюк. «Поедешь со мной!» – решительно заявил нарком и увез Юрия Васильевича в Москву. Однако очень скоро Кондратюк лишился высокого покровителя. В том же, 1937 году Орджоникидзе вступил в конфликт со Сталиным и то ли покончил с собой, то ли был убит. Он не успел дать каких-нибудь распоряжений относительно талантливого изобретателя. По всей видимости, Кондратюк так никогда и не получил места в научном учреждении. Это было невозможно в стране, где только диплом об окончании высшего учебного заведения открывает двери лабораторий. Так что «пионер советского ракетостроения» и «гордость советской науки», вероятно, проживал между 1937 и 1941 годами в качестве техника на каком-нибудь заводе, а то,

может быть, и просто работал механиком в автомобильных мастерских. Жилья у него в Москве, скорее всего, не было. Значит, жить приходилось в каких-нибудь рабочих общежитиях в комнате на четырех, на шестерых.

Летом 1941 года Кондратюк в армию почему-то не взяли (возможно, у него была заводская бронь), но тем не менее на фронте он оказался: осенью пошел добровольцем в ополчение. Ополчение было создано на скорую руку, когда немцы осенью 1941 года подошли вплотную к Москве. Неб обученные и скверно вооруженные ополченцы, состоявшие в основном из немолодых, а часто и нездоровых людей, должны были остановить танковые колонны немецкого генерала Гудериана.

Вторая смерть Кондратюка

насколько мне известно, Юрий Кондратюк не погиб под Москвой, как погибли в те годы сотни художников, писателей, ученых, деятелей кино и театра. Есть сведения, что он оказался в плену. Немецкое командование держало пленных ополченцев некоторое время на оккупированной территории. Дальнейшие события как будто сложились следующим образом. Советская сторона дала команду местным партизанам разыскать Кондратюка и выкрасть его из лагеря. Это решение возникло после того, как стало известно о работах немецких ученых над боевой ракетной техникой. В Москве испугались, что лаборатория знаменитого немецкого изобретателя и строителя ракетного оружия Вернера фон Брауна получит в лице Юрия Кондратюка хороший подарок. Рассказывают, что партизаны разыскивали ученого и пытались устроить ему побег. Но он отказался, ссылаясь на то, что в лагере находится большой мальчик, за которым нужен уход. Мальчик вскоре умер, но вслед за тем заболел и сам Юрий Васильевич. По донесению партизан, он умер в лагере в том же, 1942 году. Так, через 23 года после своей первой смерти человек, носивший имя Юрия Кондратюка, почил вторично...

Другой вариант биографии

На этом, однако, его история не кончается. В номере от 3 декабря 1982 года израильский журнал «Джерузелем Пост Мэгэзин» опубликовал статью Зеева Вольфсона, которая имела необычное название «Затмение Кондратюка».

Оказывается, автор статьи, эмигрант из СССР, тоже занимался судьбой Кондратюка и в своих розысках пришел к совершенно другим выводам. По мнению Вольфсона, под именем Юрия Кондратюка скрывался Самуил Яковлевич Шингер.

Согласно версии израильского журнала, Шингер во время отступления белых на Украине вышел к красному командованию с бумагами белого офицера Юрия Кондратюка. Следующие годы Самуил Шингер метался по стране, опасаясь ареста и изобличения. Его несколько раз приглашали в штат научно-исследовательских институтов, но он уклонялся от того, чтобы работать в научном учреждении, где кадровый контроль был достаточно жесток. Вместо этого он предпочитал работу механика на элеваторе и другие подобные службы. Автор «Джерузелем Пост Мэгэзин» считает, что Шингер погиб под Москвой. В тех свидетельствах, которые я получил от недавних советских эмигрантов, а также в статье «Джерузелем Пост Мэгэзин» есть одна повторяющаяся и многозначитель-

Юбилейная марка с портретом Юрия Васильевича Кондратюка и книга, изданная за счет автора

ная деталь. Оказывается, в 1977 году была сделана попытка отметить 80-летие Юрия Кондратюка. Власти распорядились поставить ему монумент, выпустить о нем книгу, создать на Украине мемориальный музей. Партийные пропагандисты принялись разыскивать исторические материалы, имеющие отношение к личности ученого; в газетах и журналах заготовлены были статьи о нем. И вдруг все рухнуло – пропагандисты обнаружили не то, что хотели: ни деникинский офицер, ни еврей из Полтавы в качестве национального героя тогдашних хозяев Советского Союза не устроил. Торжества отменили. Юрий Кондратюк был похоронен в третий раз...

Лунный модуль «Аполлона» на поверхности Луны

Вместо послесловия

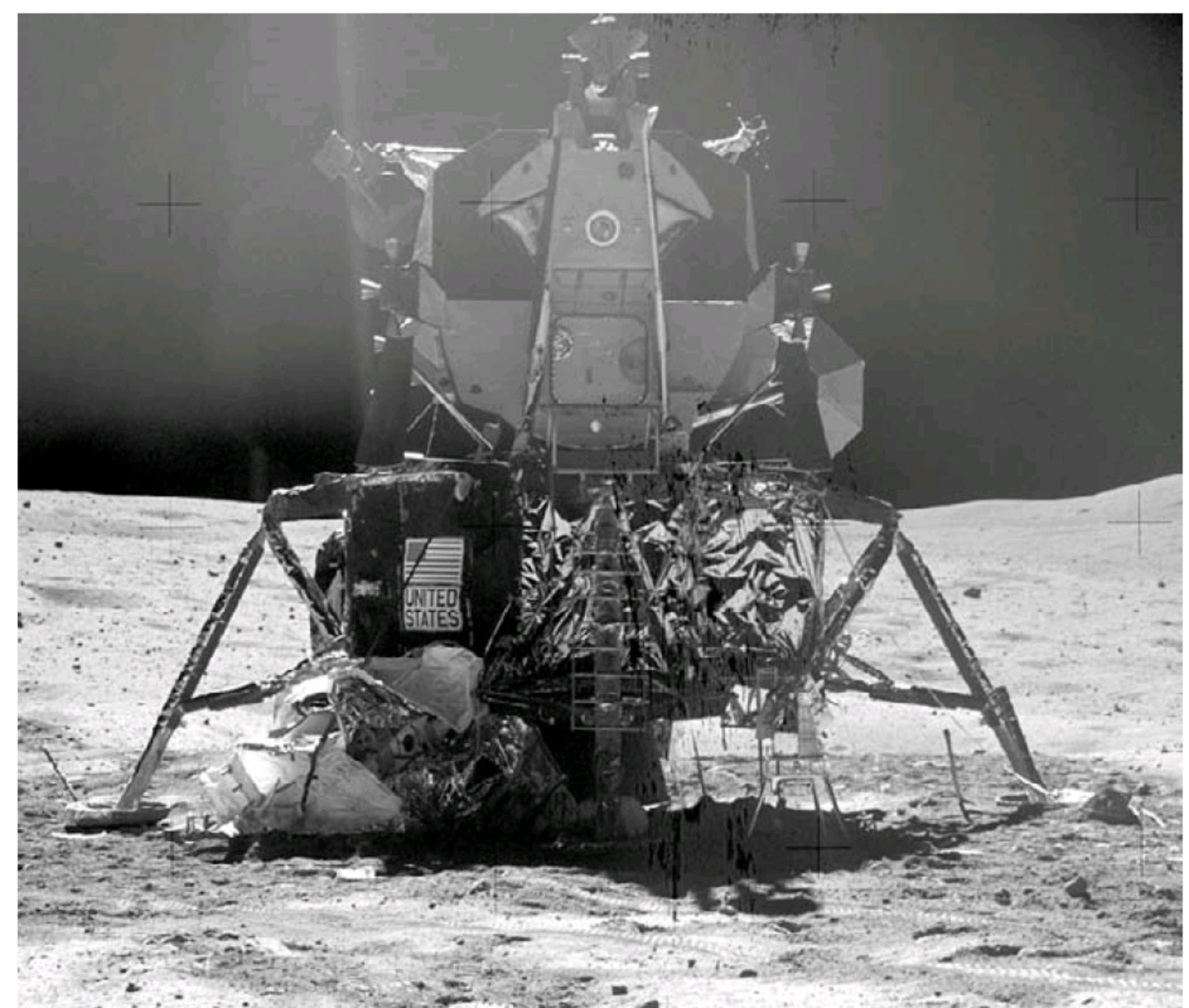
«Три смертят Юрия Кондратюка» – так называется статья Марка Поповского, но, видимо, точнее отражало бы истину название «Три смерти и ограбление Юрия Кондратюка».

Трагедия жизни этого русского гения усугублялась интеллектуальным ограблением, которому он подвергся после смерти. Замалчивание идей Юрия Кондратюка, попытки искоренить саму наимять о нем вызваны были, думаю, не только и не столько «политической неопределенностью» его фигуры, сколько нежеланием «отцов» советского космоса признать: многие идеи, легшие в основу будущих космических полетов, мягко говоря, «позаимствованы» у какого-то безвестного и подозрительного Кондратюка. Могу это утверждать как бывший цензор бывшего Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит).

В шестидесятые–семидесятые годы не только весь аппарат космических ведомств, отвечающий за публикации по этой тематике в открытой печати, был мобилизован на «борьбу» с Юрием Кондратюком, но и Главлит со всем его региональным аппаратом был привлечен к этому делу. Нам давались указания: «запрещается публиковать в открытой печати материалы, в которых говорится, что в основу теоретической разработки космических полетов легли идеи Ю. Кондратюка»; «запрещается публиковать в открытой печати сведения о выдающейся роли Ю. Кондратюка в разработке идей космических полетов». Все публикации, где упоминался Кондратюк, следовало направлять на экспертизу в Главкосмос или другие ведомства, занимающиеся космической тематикой, где, как правило, профессионально, со «знанием фактического состояния дел» публикация очищалась от этого раздражающего, неугодного «фактора».

Я уверен, что если бы не вездесущие западные журналисты, которые широко ввели в космический обиход фамилию Кондратюка, то ни в момент полета «Аполлона», ни сейчас мы бы ничего не знали о жизни и смерти нашего гениального соотечественника. В его судьбе нашел наиболее яркое отражение столь распространенный до недавнего времени процесс «безвоздушного отторжения интеллектуальной собственности», выражаясь путанным языком юриспруденции, а попросту говоря – беззастенчивое присвоение чужих идей и извлечение из этого больших моральных и материальных благ.

Прав автор статьи, говоря о необходимости подробного журналистского расследования обстоятельств жизни и смерти Ю. Кондратюка. Ведь еще живы люди, работавшие и служившие с ним в армии. С этим нужно торопиться: время, летит неумолимо, и очень жаль, если оно навсегда сотрет правду об этом человеке.

Потаенный Кондратюк

Ярослав ГОЛОВАНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Если посмотреть биографии всех пионеров мировой космонавтики, то во всех этих жизнеописаниях окажется меньше «белых пятен», чем в одной – биографии классика ракетной техники и космонавтики Юрия Васильевича Кондратюка.

В предыдущей статье (статья Марка Поповского «Три смерти Юрия Кондратюка») мы уже рассказывали о его жизни. Однако новые факты заставляют вернуться к этой теме еще раз.

С троего секрета замечательных российских ракетчиков-сочетников, наши идеологические вожди понимали, что огромное и щедро плодоносящее научно-техническое древо космонавтики безымянным рasti не может, а потому были предложены и затверждены такие правила игры: есть три (!) отечественных классика космонавтики – Циолковский, Цандер и Кондратюк. Это корни, несущие соки великих идей ветвистой кроне – ученым, конструкторам, инженерам и рабочим, которые воплощают их в славные, всему миру на удивление, дела. В такую игру мы играли многие годы. Однако при кристальной прозрачности данной установки вскоре обнаружилось в ней некое замутнение, создающее ряд неудобств. Речь идет о фигуре Юрия Кондратюка.

В конце 70-х годов я засел за большую книгу «Дорога на космодром», в которой решил рассказать всю историю космонавтики – от мифа об Икаре до Гагарина. За работой моей долягивали специальные космические цензоры из так называемой «консультативной группы ТАСС». Античность, средние века, изобретатели XIX века, обожествленный Циолковский – эти главы действовали на цензуру, как снотворные порошки. Но однажды они встрепенулись.

Цензоры подняли ушки топориком, когда стали читать главы книги, в которых упоминался Кондратюк.

С Кондратюком происходило нечто странное. Известны две его фундаментальные работы по космонавтике: «Тем, кто будет читать, чтобы строить» (1918–1919 гг.) и «Завоевание межпланетного пространства» (1929 г.). Но совершенно неизвестно, что он за человек, как жил, с кем? Где родился, где, кроме гимназии, учился, как очутился в Новосибирске? Нет ничего.

Работая над книгой, я узнал о нем очень немного. Кондратюк переселился с Украины в Сибирь, работал там на элеваторе, увлекся ветроэнергетикой, переехал в Харьков, затем в Москву. Погиб в боях под Москвой. Короче, ни о ком из классиков не написано в моей «Дороге на космодром» так скучно и неинтересно, как о Кондратюке.

Честно сказать, я ничего не понимал. С одной стороны, Кондратюк – признанный пионер отечественной и мировой космонавтики, которым мы гордимся, его портреты на всех космических выставках, на марках и открытках, именем его крещен кратер на Луне, с другой – это какой-то человек-невидимка, ничего толком о нем неизвестно. И вроде бы ничего не запрещалось, не вычеркивалось, но докопаться до истины было очень трудно. Наконец, в «космической» цензуре как старому знакомому мне довери-

Портрет в музее Кондратюка в Новосибирске

тельно объяснили, что Кондратюка «попрощали», поскольку не совсем ясно, при каких обстоятельствах он погиб на фронте, и погибли вообще. А может быть, он сдался в плен? А может быть, помогал немцам в создании дальнобойных ракет ФАУ-2, работал с Вернером фон Брауном?

Подобные объяснения звучали дико. Не надо было быть сверхпроницательным, чтобы понять, что дело не только в обстоятельствах смерти Юрия Васильевича Кондратюка. Есть что-то в его жизни, мешающее рассказать всю правду о нем. Но десять лет назад я не мог ответить на этот вопрос!

В основу публикации в «Совершенно секретно» взят очерк Марка Поповского «Юрий Кондратюк – в трех зеркалах», опубликованный в журнале «Границы» № 149 в 1988 году. Надо заметить, что вне зависимости от достоверности самого очерка самим тоном своим производит он впечатление неприятное, поскольку автор все время старается нас (тогда «советских») уязвить. Впечатление такое, будто он боится, что его

Классики отечественной космонавтики – Фридрих Артурович Цандер и Константин Эдуардович Циолковский (справа)

могут заподозрить в неких просоветских симпатиях. Ну да Бог с ним, с тоном и идеологическими уколами, обратимся к фактам.

Марк Поповский утверждает, что в 1956 году в Москве во время работы над книгой «Полет на Луну», одним из десяти соавторов которой он был, и позднее, в 1957 году, когда был запущен первый в истории искусственный спутник Земли, «никто не вспоминал Кондратюка». «Мы (соавторы – Я.Г.) ни разу не слышали имени Кондратюка. О нем совершенно никто ничего не знал».

Такое единодушное невежество десяти соавторов, задумавших книгу о космонавтике, удивительно. Изданная в 1929 году в Новосибирске, книга Кондратюка в 50-х годах была, бесспорно, библиографической редкостью. Я сам никогда ее не видел. В том же 1929 году немецкий энтузиаст-ракетчик Ладсман, которого знал и ценил Циолковский, напечатал рецензию в «Журнале полетной техники и моторного воздухоплавания». Конечно, журнал этот тоже отыскать было нелегко. Да вряд ли его и искали: шла дикая кампания утверждения русского первенства во всех областях науки и техники, девиз которой придумали злые журналисты: «Россия – родина слонов».

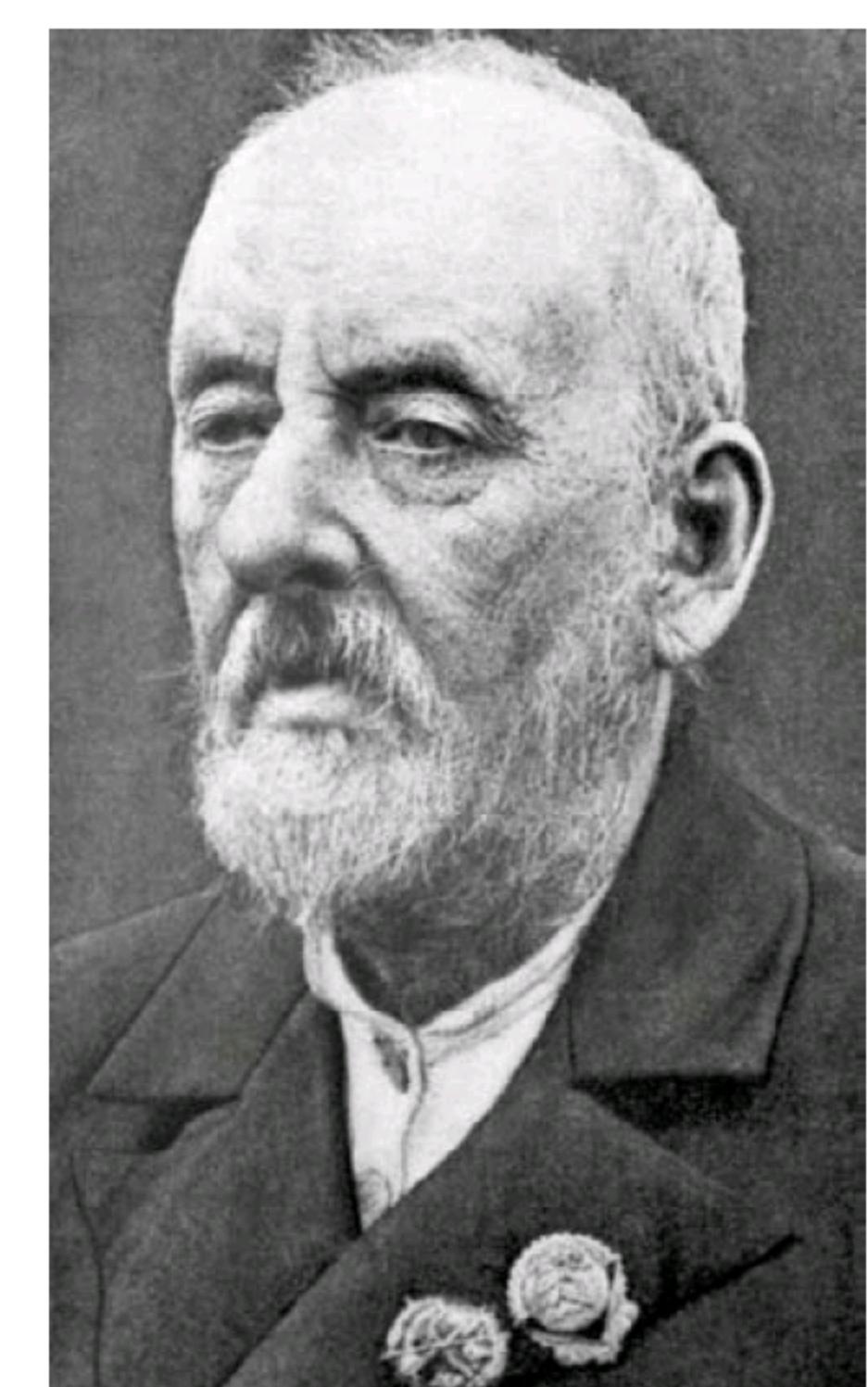
В 1930 году фрагменты письма Кондратюка публикуют в своей книжке «Научная этика» К. Э. Циолковский. Можно признать раритетом и знаменитое издание профессора Н.А. Рынина «Межпланетные сообщения» (1928–1932 гг.). Издание действительно редкое, но знаменитое, известное, мимо которого автором «Полета на Луну» никак нельзя было пройти.

Ну раритеты, ну поленились копаться в библиотечной пыли. Но ведь в 1947 году книгу Кондратюка переиздал Оборонгиз и ее найти было не столь сложно. В 1951 году большой знаток и пропагандист ракетной техники Б.В. Ляпунов рассказал о работах Кондратюка в брошюре «Проблема межпланетных путешествий в трудах отечественных ученых». В основе брошюры – стенограммы публичных лекций, которые читал тогда Борис Валериевич. Упоминается Кондратюк и в книжке «Путешествие в космос», изданной в 1955 году Михаилом Васильевым (Хвастуновым), заведующим отделом науки «Комсомольской правды», где мы и познакомились с Марком Александровичем. Нет, соавторы были просто невнимательны и недостаточно усердны в изучении.

Даже до полета первого спутника те, кто интересовался ракетной техникой и, тогда еще только теоретической, космонавтикой, Кондратюка знали.

Но в чем совершенно и неоспоримо прав М. Поповский – широкую известность имя его получило именно благодаря Джону Хуболту.

В всемирно популярном журнале были приведены слова одного из ведущих специалистов программы «Аполлон». Он «думал о никому не ведомом русском по имени Кондратюк (неужели Хуболт не понимал, что коли он знает о Кондратюке, то и нам он

«ведом»?! – Я. Г.), который разработал ту самую трассу, по которой человек впервые летел к Луне». Журнал объяснил, что именно Кондратюку первому пришла в голову мысль высаживать на Луну космонавтов с помощью легкой кабины – посадочного модуля, в то время как основной корабль остается на орбите спутника Луны.

Наши вожди тех лет понимали, что высадка американцев на Луну означает конец советскому первенству в космосе. Знали они, что наша лунная программа облета вокруг Луны и высадка одного (!) космонавта на Луне завалилась. Видели, что попытки доставить на Землю пробы лунного грунта с помощью автоматов раньше, чем эти пробы привезут американские астронавты (что неизбежно вызвало бы во всем мире сомнения в целесообразности их догостоящего и рискованного путешествия), окончились полной неудачей.

Поэтому, чтобы хоть как-нибудь принизить престиж «Аполлонов», ухватились за признание Хуболта. Марк Поповский пишет об этом с нехорошим сарказмом, но по сути верно. Но коль уж мы проводим исследование, здесь необходим краткий комментарий.

При всем уважении к Кондратюку сказать, что он «соавтор» программы «Аполлон», мне представляется все-таки неверным. Приходилось читать, что при выборе схемы посадки на Луну американские специалисты «остановились в конечном счете на схеме, предложенной в свое время Ю.В. Кондратюком». Давайте будем точными: не специалисты «остановились», а беспристрастный компьютерный анализ различных вариантов этой схемы их «остановил». Не сделал Кондратюк своего открытия, к этой схеме все равно бы пришли. К ней нельзя не прийти; если следовать оптимальным рекомендациям математики. Нельзя говорить: не будь Кондратюка, и американцы не слетали бы на Луну. Другое дело, что гениальный мозг Кондратюка без всяких компьютеров впервые выбрал именно это решение за 40 лет до первой высадки землян на Луну. Кондратюк «соавтор» программы «Аполлон» в той же мере, в какой, скажем, Циолковский «соавтор» ракет Королева. Между идеей и ее воплощением лежат годы огромной и разнообразной работы тысяч людей. Сам Циолковский, кстати, отлично это понимал. «Без последователей, работающих теоретически и практически, и мои труды оказались бы бесплодны», – писал он в декабре 1929 года. Мне кажется, что и Кондратюк – реалист в гораздо большей степени, чем Циолковский, не мог думать иначе.

Тем не менее даже это международное признание не смогло закрасить «белые пятна» в биографии Кондратюка. Такие попытки предпринимали в разные годы разные авторы: О. Кулик (Зоря Полтавщины. 1982. 14 апреля), Н. Григоренко (Комсомолец Полтавщины. 1979. 25 августа; 1983. 12 апреля), О. Булгакова (Советская Россия. 1986. 15 июня), В. Прицепа (Земля и Вселенная. 1987. № 5), А. Иващенко (Известия. 1987. 18 и 19 июля). Последняя публикация особенно разгневала автора «Граней», который, нарушая законы критики, упрекает известинца главным образом не в том, что он написал, а в том, чего он не написал. Между тем все эти попытки разобраться в вопросе следовало бы только приветствовать, ибо каждая из них – пусть небольшой, но шаг к истине. Марк Поповский в «Гранях» выдвигает свою оригинальную версию биографии Кондратюка. Версия г-жи Л. Б. о докторе В.В. Радзевиче и его белогвардейском офицере выглядит убедительной. И автор делает выводы:

– Ясно, откуда у молодого человека столь сильный интерес к космонавтике: уже в юные годы он пишет классическую работу «Тем, кто будет читать, чтобы строить», – от полковника Лашинского.

– При всей новизне идей той работы, расчёты, в ней приведенные, по плечу выпускнику военного училища. Впрочем, и талантливому гимназисту, пожалуй, тоже: дальше квадратных корней теоретический раздел работы не идет.

– Опасаясь, что «красные документы» ему не помогут, Кондратюк даже не пытается поступать в университет, где непременно стали бы докапываться до его происхождения и предков.

– Он часто меняет адреса по той же причине.

www.academ.info

Одно из немногих фото Кондратюка в молодости

– Замкнутый, потаенный образ жизни боявшегося разоблачения мнимого Кондратюка объясняет скучность биографических сведений.

Итак, я бы не позволил себе просто отмахнуться от рассказа г-жи Л. Б., и М. Поповский не отмахнулся. Он обратился через русскую газету в США к бывшим соотечественникам и попросил сообщить, кто что может добавить к рассказу г-жи Л. Б. Опираясь на полученную информацию, М. Поповский продолжает строить собственную версию, но эти построения выглядят менее убедительно. Судите сами.

Высказывается мысль, что положительный отзыв на работу Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств» пионера космонавтики, первого русского дипломированного авиационного инженера профессора Владимира Петровича Ветчинкина – фальсификация. Почему? Какие тому доказательства?

Этот отзыв, написанный 12 апреля (День космонавтики!) 1926 года, впервые опубликован в 1964 году. Оригинал этого отзыва можно увидеть в Мемориальном музее Н.Е. Жуковского в Москве. Установлено, что 13 апреля ГИЗ (Государственное издательство) официально предлагает Ветчинкину редактирование книги Кондратюка. Если Ветчинкин считает книгу слабой и порочной, зачем он на это соглашается? Наконец, если опубликованное за подписью Ветчинкина – фальсификация, что мешало уважаемому, признанному ученыму (заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Сталинской премии) возмутиться, поднять скандал, ведь время для этого у него было: Владимир Петрович умер в 1950 году. И зачем, коли Ветчинкин ни при чем и отзыв его фальсификация, Кондратюк посыпал ему свою книгу с надписью на титульном листе: «Уважаемому Владимиру Петровичу от автора с глубокой благодарностью. Ю. Кондратюк? За что благодарность-то? А главное, почему Ветчинкин – широко образованный инженер, автор работ по ракетной технике – «не

оценил» блестящей работы Кондратюка? Единственный довод, который приводят «Граны» в пользу «фальсификации», – отсутствие ссылок на этот отзыв в статье А. Иващенко в «Известиях». Но ведь это, простите, несерьезно.

Когда в работе М. Поповского говорится о том, что напечатать свою работу Кондратюку помогла премия за изобретение в области сельхозмашиностроения, – верю, тем более что ГИЗ Кондратюка обманул: обещал издать и не издал. Когда предполагается, что Кондратюк возглавлял Новосибирскую Группу Изучения Реактивного Движения (ГИРД), – верю с трудом. Дело в том, что ГИРДы, которых было множество по всей стране, хотя и подчинялись ОсоАвиахиму – организации добровольной и общественной, были, тем не менее, полуофициальными. Во всяком случае, в московской ГИРД у С.П. Королева были и пропуска, и секретность. А это уже не могло не насторожить Кондратюка, коль скоро он скрывался под чужим именем. И, скорее всего, насторожило. По воспоминаниям московских гирдовцев, Королев принимал Кондратюка в своем легендарном гирдовском подвале на Садово-Спасской улице и уговаривал его продолжить работы в области ракетной техники. Королев обладал, по свидетельству всех, знавших его, фантастическим даром убеждать, но здесь он потерпел поражение: уговорить Кондратюка не удалось. Он якобы объяснил Королеву, что охладел к ракетной технике и увлечен ветроэнергетикой. Если все так, то непонятно, почему Кондратюк упорно, несмотря на страшные уговоры Королева, не пожелал работать в самой сильной в стране московской ГИРД, а организовал новосибирскую?

Ошибочны и утверждения автора «Граней» (правда, он ссылается на Большую Советскую Энциклопедию), что «ГИРДы были слиты позднее в Реактивный Научно-исследовательский институт, работавший под командованием Генерального штаба Красной Армии». РНИИ – результат слияния лишь двух организаций: московской ГИРД и ленинградской Газодинамической лаборатории (ГДЛ), которые ни до слияния, ни после не имели никакого отношения к Генеральному штабу: москвичами командовал ОсоАвиахим, ленинградцы находились

в распоряжении начальника штаба Начальника вооружений РККА. И хотя под приказом об организации РНИИ (№ 0113 от 21 сентября 1933 г.) стояла подпись заместителя народного комиссара по военным и морским делам М.Н. Тухачевского, 15 ноября существовавший пока еще только на бумаге РНИИ уже передали в ведение Народного комиссариата тяжелой промышленности: наркому Ворошилову очень хотелось спихнуть эти непонятные, совершенно не похожие на тачанки ракеты Серго Орджоникидзе.

И далее у Марка Поповского снова нелепицы: «Весь штат Реактивного НИИ был арестован... Был арестован и Кондратюк. Очевидно, это произошло году в 1933-м». Еще раз повторю: в 1933-м РНИИ существовал только на бумаге. К организациям, его образовавшим, – ГИРД и ГДЛ Кондратюк никакого отношения не имел. Аrestы в РНИИ начались после расстрела его «идеального отца» Тухачевского осенью 1937 года и коснулись, по счастью, не «всего штата», а нескольких человек, в основном из числа лидеров РНИИ (И.Т. Клейменов, Г.Э. Лантемак, В.П. Глушко и С.П. Королев).

Почему я уделяю столько внимания публикациям М. Поповского в «Гранях» и в «Совершенно секретно»? Чтобы обидеть автора, доказывая его неосведомленность? Вовсе нет. Мы занялись журналистским расследованием судьбы действительно потаенной, загадочной. И именно М. Поповский, несмотря на все ошибки, довольно близко, как выясняется, подошел к истине. Правда ли, что Кондратюк – не настоящая фамилия человека, который ее носил? Да, правда. Правда ли, что он был безвинно репрессирован? Тоже правда.

Но было-то все не так! И получается уже не правда, а полуправда. А это опасно. Немецкий писатель XVIII века Теодор Готлиб фон Гиппель очень тонко подметил: «Полуправда опаснее лжи: ложь легче распознать, чем полуправду, которая обычно маскируется, чтобы обманывать вдвойне».

Такова же и полуправда Зеева Вольфсона, тоже бывшего нашего соотечественника, опубликованная в газете «Джерузэлем Пост Мэгэзин» в декабре 1982 года, а затем в расширенном виде появившаяся в израильском журнале «Кинор». По сути, версии Поповского и Вольфсона близки. Вся разница в том, что у Поповского знаменитый пионер космонавтики – это украинский дворянин и помещик Александр Шамрай, а у Вольфсона – еврейский интеллигент Самуил Шингер. В дальнейшем все идет по известной (и очень близкой к истине!) программе: белая армия, победа большевиков, страх наказания, заставивший изменить фамилию. Разнятся детали: был или не был в армии Деникина, подавал или не подавал документы в ЦАГИ. И детали в биографии человека столь замечательного важны, разумеется. Но прежде деталей надо расследовать самое главное, получить ответ на вопрос: «Кто вы, Юрий Кондратюк?»

Я узнал много интересного о Фридрихе Цандере от людей, с ним работавших. Но ведь Кондратюк пережил Цандера почти на девять лет, а значит, вероятность встречи с людьми, знавшими Кондратюка, возрастает. Теоретически так, а на практике ничего не получалось. Ни в каких организациях, связанных с ракетной техникой, Кондратюк не работал. Часто менял место жительства, да и, судя по всему, действительно вел довольно замкнутый образ жизни. В последние годы увлекся ветроэнергетикой, которую у нас не жаловали, точнее сказать, относились к ней крайне нервно: то поощряли и пропагандировали, то критиковали и высмеивали. Организации, занимавшиеся ветроэнергетикой, множество раз переходили из одного ведомства в другое, меняли названия, адреса, и кадровый их состав был довольно зыбким: энтузиастов, к которым относился и наш герой, можно было перенести по пальцам.

И все-таки человек, знавший Кондратюка, нашелся! Сам нашелся! На его и наше счастье он оказался живым мостиком от Кондратюка-космиста к Кондратюку-ветроэнергетику. А самое главное – был этот человек одержимым. Одержимым в самом благородном и высоком смысле этого слова. Клокотала в нем энергия и гудело жаркое пламя страсти к поиску. Он видел живого Кондратюка. Он работал с ним. И он

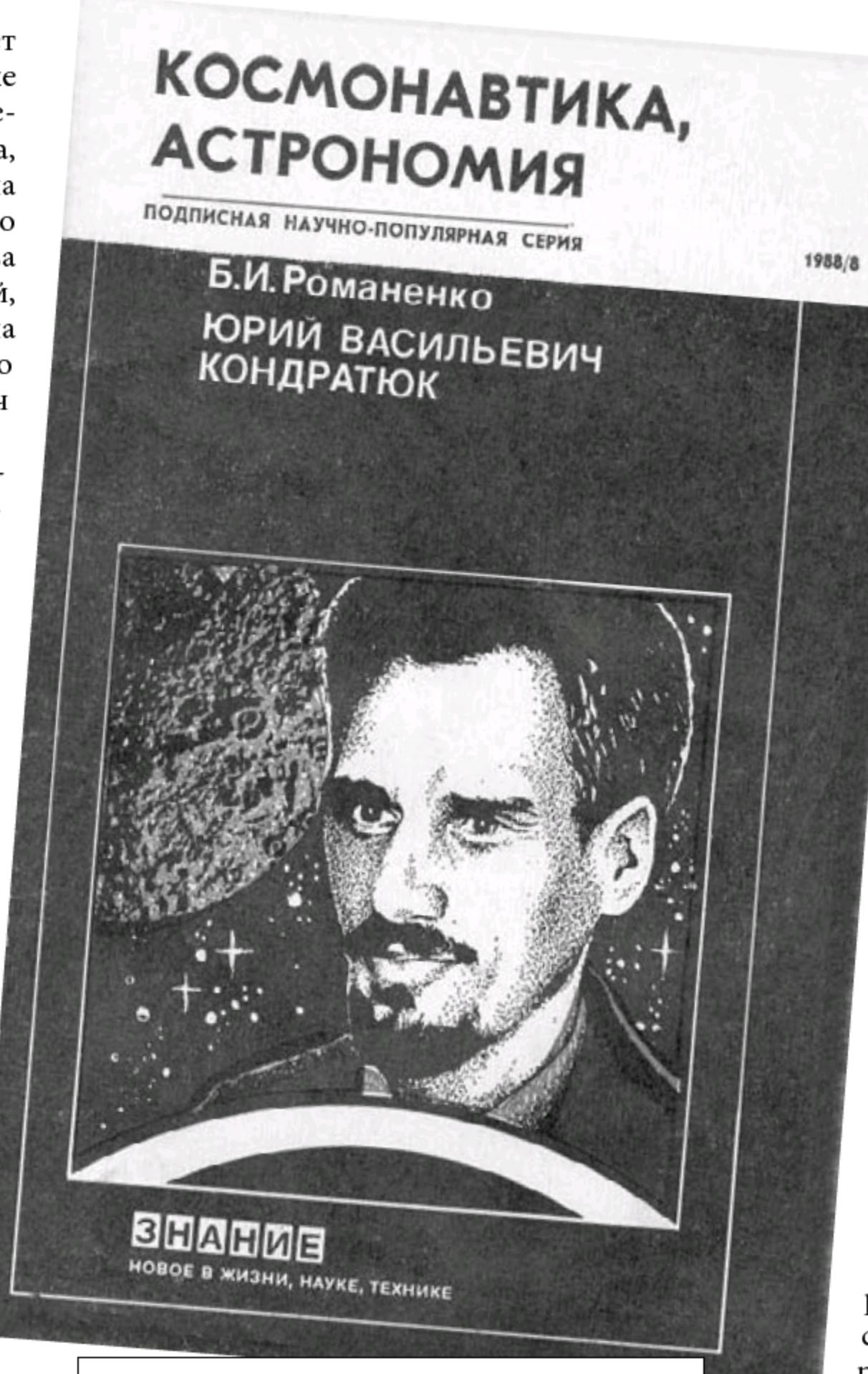
понял, что не успокоится, пока не узнает правду об этом человеке. Вот он провел уже не журналистское, а подлинно историческое исследование биографии Кондратюка, потратив на это 33 года жизни: ни одна редакция не может себе позволить такого исследования, да и не всякий журналист за него возьмется. Утверждаю: из всех людей, когда-либо живших и живущих сегодня на этой планете, больше всего и точнее всего о Кондратюке знает Борис Иванович Романенко.

Многолетнее расследование Романенко – это целая книга, и первый, брошюрный ее вариант вышел в издательстве «Знание» в 1988 году. Что же «раскопал» Романенко? Да, Кондратюк – не подлинное имя пионера космонавтики. Это выяснили еще сотрудники Института истории естествознания и техники АН СССР в 60-х годах. Его подлинное имя Александр Игнатьевич Шаргей. Родился 9 июня 1897 года в Полтаве. Отец, Игнатий Бенедикович, человек несостоявшийся, вечный студент. Учился в Киевском университете. Исключен за участие в демонстрациях. Учился в Высшей школе технических наук в немецком городе Дармштадте, недоучился, приехал в Петербург, поступил в Петербургский университет. Работал чиновником в ведомстве статистики. Мать, Людмила Львовна, убежденная революционерка. Арестовывалась и подвергалась жестоким допросам, которые в дальнейшем привели ее к тяжелой психической болезни. Последние годы жизни провела в психиатрической больнице, где и умерла в начале 10-х годов.

За год до смерти отец Александра вступает в гражданский брак с Еленой Петровной Кареевой, у которой рождается дочь Нина – сводная сестра Александра. Девочке было шесть недель, когда их отец умер. Саша в тринадцать становится круглым сиротой. Он живет в доме бабушки в Полтаве, учится в гимназии и заканчивает ее с серебряной медалью 28 мая 1916 года. Без экзаменов, а просто по собеседованию его принимают в Петроградский политехнический институт, а живет он теперь с мачехой и сводной сестрой, о которых трогательно заботится.

К высшему образованию Александр Шаргей лишь прикоснулся: уже 11 ноября 1916 года его призывают в армию и направляют в школу прапорщиков. Таким образом, М. Поповский и его информатор Л. Б. близки к истине, когда говорят о военном училище. После короткого обучения прапорщик Шаргей в Турции – на Кавказском фронте но и это лишь короткий эпизод его биографии. Грянул октябрьский переворот. Александр решает пробиться из Турции домой, в Полтаву, но по дороге его вербуют в белую армию, откуда он дезертирует и добирается до Полтавы, но не застает там родных: испуганные приходом немцев, они покинули город. В конце июня 1918 года он перебирается в Киев, где теперь живут его мачеха Елена Петровна Кареева и сводная сестра Нина. Именно от Нины Игнатьевны,

Шаргей Александр Игнатьевич

Обложка книги Бориса Ивановича Романенко

которую удалось разыскать в 70-х годах, Б.И. Романенко и узнал о молодых годах ее сводного брата. Потребовалось несколько секунд, чтобы прочесть последние несколько абзацев, и годы трудов, чтобы узнать все то, что в них сообщается.

А дальше начинается очистка зерен от плевел, сепарация слухов и центрифугирование вымыслов.

Итак, белый офицер, превратившийся в Кондратюка, был не Шамраем из Шамраевки, а Шаргаем из Полтавы. Окончил он не Киевское военное училище, а Петроградскую школу прапорщиков, и в 1919 году был не ранен, а здоров и именно тогда написал «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Утверждать, что на создание этой работы повлиял Иван Андреевич Лашинский, увлекавшийся космоплаванием, трудно, поскольку работа была написана, судя по всему, до встречи с ним. Однако он скоро появится...

Если кто и повлиял на Александра, то не

Иван Лашинский, а скорее Бернхард Келлерман (1879–1951) – немецкий писатель, знаменитый роман которого «Тоннель» юный Шаргей буквально «проглатывает» в 1914 году. «Впечатление от келлермановского «Тоннеля» было таково, – напишет он позднее, – что немедленно за прочтением я принялся обрабатывать, насколько позволяли мои силы, почти одновременно две темы: пробивка глубокой шахты для исследования недр Земли... и полеты за пределы Земли...» Или в письме к Циолковскому: «С 16-летнего возраста, с тех пор как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни».

Таким образом, я решительно не вижу ничего фантастического и невероятного в том, что свое первое «космическое» сочинение «Тем, кто будет читать, чтобы строить» высокоодаренный 22-летний молодой человек, серебряный медалист, написал вполне самостоятельно.

В том же достопамятном 1919 году в Киев входит Деникин и проводит тотальную мобилизацию. Александра Шаргеля и его друга Бориса Арабажина мобилизуют: второй раз он попадает в белую армию, в санитарно-тифозный вагон, из которого второй раз дезертирует – неподалеку от города Смела, где живут матер и отчим Бориса – врач В.В.

Радзевич. Наметились точки соприкосновения версии М. Поповского и исследования Б. Романенко. Неподалеку от Смели в местечке Малая Виска (ее упоминают и М. Поповский, и З. Вольфсон) жил хороший знакомый Радзевича – И.А. Лашинский (хотя и он появился!), который устраивает Кондратюка работать на мельницу, маслобойню, потом на сахарный завод – это позволяет посыпать с оказией продовольственные посылки мачехе и сестре в Киев.

В Киеве жили две дочери Лашинского. Через них мачеха и пересыпает Александру Шаргэю документы Юрия Васильевича Кондратюка, бывшего студента Киевского университета, 1900 года рождения, уроженца города Луцка, умершего от туберкулеза 1 марта 1921 года.

Мачеха умоляет Александра сменить имя. Победят красные – несдобровать прапорщику, служившему у Деникина. Да и родным не поздоровится. Возьмут верх белые – припомнят два дезертирства в трудные для отечества времена. Куда ни кинь –

всюду клин. С явной неохотой Александр идет на подлог. 15 августа 1921 года Александр Шаргей исчезает. Появляется Юрий Кондратюк.

Ну а дальше все происходит так, как мы и предполагали. Страшась разоблачения и обвинений в том, что за сменой фамилии таится нечто весьма серьезное, допустим тяжкое уголовное преступление, Кондратюк живет потаенно, в местах затененных, на должностях скромных. Более всего избегает он различных анкет, поскольку, по словам Б.И. Романенко, он даже не знал, как звали его «родителей», и разоблачить его ничего не стоило. А если учесть то время – время нарастания всеобщей подозрительности, – легко понять, в каком постоянном нервном напряжении жил Юрий Васильевич.

Многолетние изыскания Б.И. Романенко открыли еще один маленький, но яркий факт биографии классика космонавтики. Летом 1922 года он предпринимает попытку уйти (или уехать? Очевидно, было и то и другое) в... Данию! Помните, у А.С. Пушкина в «Полтаве»:

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь тесницы;
Сдается пылкий Шлипенбах.

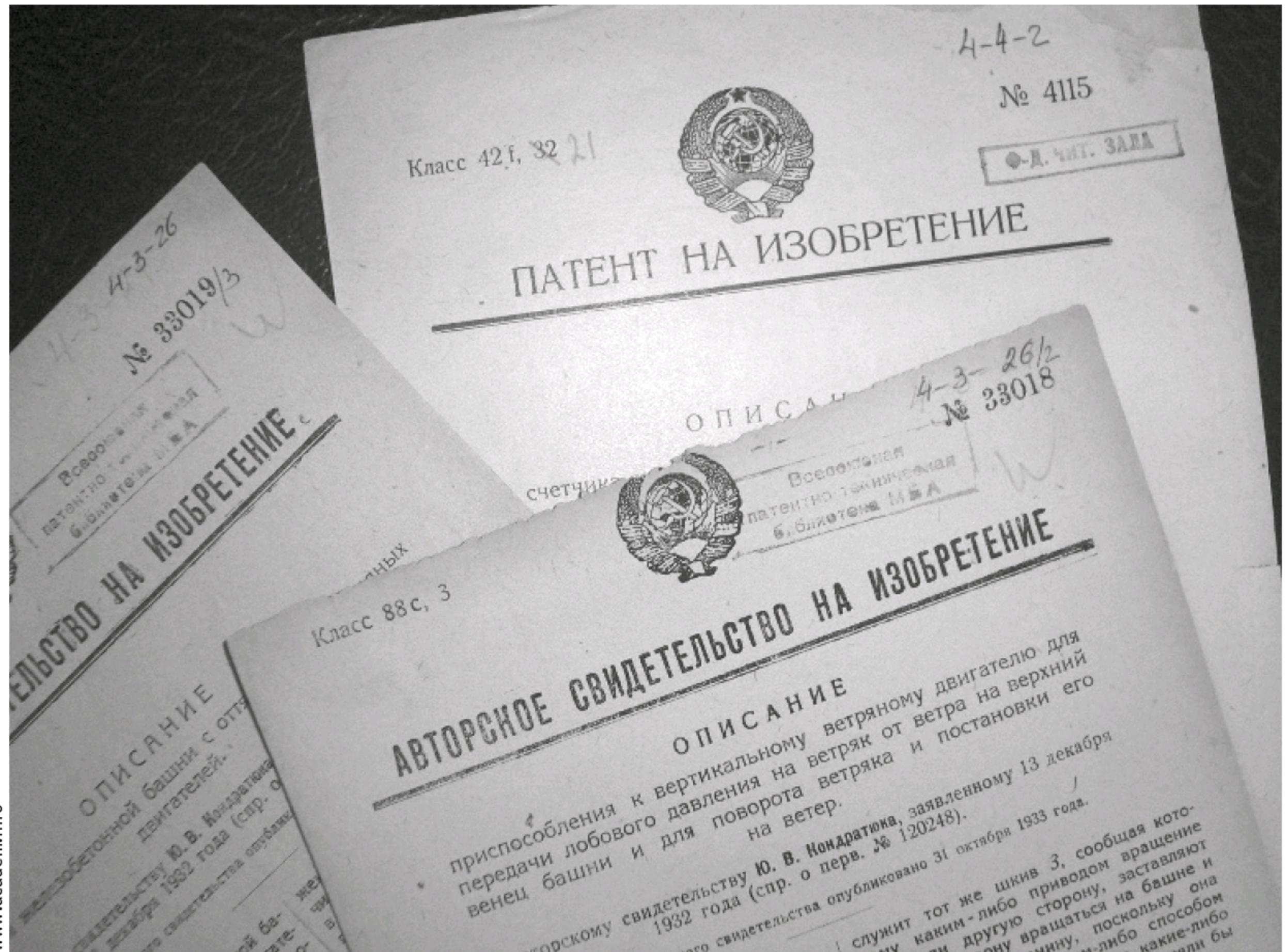
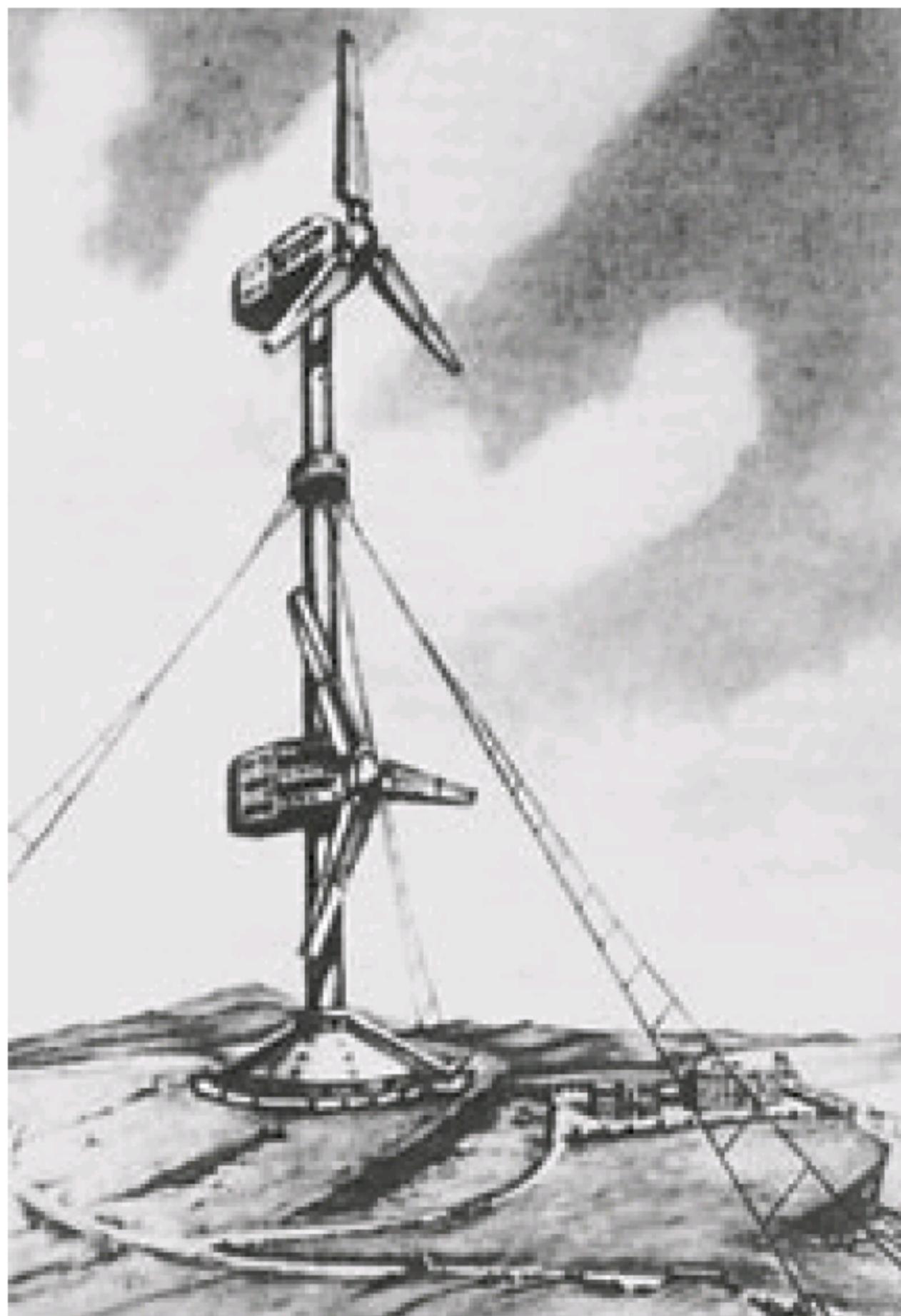
Так вот пылкий Шлипенбах – датчанин, состоявший на службе у шведского короля Карла XII, – сдался и осел в России, пустил корни. Родная мать Кондратюка – урожденная Шлипенбах – одна из ветвей шлипенбахова древа, и сын захотел увидеть прародину. До Дании он не добрался: подцепил по дороге сыпняк и через четыре месяца больной вернулся в Малую Виску.

Теперь о Кондратюке-«сисдельце». Он, повторяю, никак с московскими ракетчиками не был связан, не имел к ним никакого отношения, и арестовали его в Сибири.

По проекту Кондратюка в городе Каменя-на-Оби был построен огромный, емкостью на 10 тысяч тонн, амбар-зернохранилище. И построен без единого гвоздя! Поскольку гвоздей просто не было. А 31 июля 1930 года Кондратюка и еще нескольких работников Хлебстроя арестовали. И арестовали именно за то, что строители сумели обойтись без гвоздей: стало быть, вынашивали коварный план развалить зернохранилище и сгноить народное добро.

Получил Кондратюк три года. Потом лагерь заменили ссылкой в Сибирь. А он и жил в Сибири! Досрочно его освободили (и не без содействия Серго Орджоникидзе, тут М. Поповский прав. Просто удивительно, как чередуются у него были и небылицы!) 28 апреля 1932 года, то есть тогда, когда в РНИИ никого еще не сажали, поскольку РНИИ не существовало.

Слева: тот самый «Мастодонт» после пожара. **Вверху:** проект Крымской ветровой электростанции, которую разработала группа инженеров под руководством Юрия Кондратюка и патенты на изобретения

В том же 1932 году Кондратюк получает предложение участвовать в конкурсе проектов мощной электростанции в Крыму: нарком Орджоникидзе увлекся тогда ветроэнергетикой. С этого времени Кондратюк оставляет элеваторную механизацию и до конца своих дней работает в области ветроэнергетики. Конкурс на гигантскую ветроэнергетическую установку в Крыму он выиграл. После Новосибирска Кондратюк работал некоторое время в Харькове, с 1934 года – в Москве. На Ай-Петри уже начали было строительство, но погиб Орджоникидзе, и дело заглохло.

Борис Иванович Романенко в ноябре 1940 года после окончания института был направлен в ПЭК ВЭС – Проектно-экспериментальную контору Ветровых электрических станций. Непосредственным его руководителем оказался Ю.В. Кондратюк.

Романенко увлекался космонавтикой, но до 1940 года не знал, что один из ее классиков живет в Москве, равно как не знали об этом и его единомышленники. Даже В.П. Ветчинкин, поддерживавший, тесный контакт с ГИРД, никогда не упоминал имени Кондратюка, хотя знал, что тот живет в Москве. Романенко утверждает, что, отказавшись работать в ГИРДе в 1933 году, Кондратюк сознательно не стал поддерживать контакты с гирдовцами... Он сознательно ушел в тень. Знакомясь с Кондратюком, Борис Иванович даже спросил, поддерживает ли он связи с ГИРДом. «Нет, –

ответил он, – связи утеряны».

После начала войны, ко времени битвы за Москву, почти все сотрудники ПЭК ВЭС были зачислены в роту связи 62-го стрелкового полка дивизии народного ополчения Киевского района г. Москвы. («Изобретателя погнали в армию», – в свойственной ему манере комментирует это событие М. Поповский.) Романенко был назначен командиром огневого взвода того же полка. Последний раз он встретил Кондратюка 30 сентября 1941 года под городом Кировом Калужской области. И только в ноябре 1943 года узнал от однополчанина, что Юрий Васильевич убит. Где и когда?

Все годы после войны Романенко пытался установить это. «Официальная» версия: Кондратюк погиб 3 октября 1941 года в окрестностях поселка Заседский Кировского района Калужской области. Но никаких документов, подтверждавших это, не было. Лишь в 1988 году в случайном разговоре Романенко узнает адрес семьи, где хранятся фронтовые письма Кондратюка: поселок Протва, неподалеку от Обнинска. Действительно, ему показали три открытки, отправленные Кондратюком с фронта 6 августа и 5 декабря 1941 года и 2 января 1942 года.

3. Вольфсон пишет о Кондратюке: «Ни жены, ни женщины, ни детей. Единственная во всей жизни любовь, един-

ственная страсть – расчеты, связанные с космосом». Кондратюк много сделал в ветроэнергетике, которой был по-настоящему увлечен, так что говорить только о космосе – обеднить его вклад в науку и технику. Но и женщина любимая была! Только мы очень мало о ней знаем. Галина Павловна Плетнева – гражданская жена Юрия Васильевича. Ей адресовались открытки с фронта. Очень лаконичные, но все равно видно, что писались они человеку очень близкому. Вот последняя открытка: «Дорогая моя Галушенька! Меня очень беспокоит твое молчание. Напиши немедленно. Со мною, как всегда, все благополучно. Повторяю адрес: 968-я пол. п. СТ. 1281 стр. полк, 1-й батальон, взвод связи. Мне. Крепко, крепко целую и жду письма. 2-1-42 года. Юрий».

Галина Павловна Плетнева

фронт пришло письмо-треугольник, в котором сообщалось, что Кондратюк погиб. Письмо это не сохранилось.

Романенко разыскал денежные ведомости той части, где служил Кондратюк. В январском документе фамилия Кондратюка есть. Февральский – не обнаружен. В мартовском из старого списка взвода не осталось ни одной фамилии. Все погибли? Но ведь, может быть, кто-то был ранен и лежал в госпитале? Вместе с Кондратюком воевали телефонисты: Соколов Петр Иванович, Петров Андрей Степанович, Карапанов Алексей Лазаревич, Дергунов Сергей Кириллович, Кузнецов Иван Васильевич, Жмурков Сергей Иванович, Сметанин Федор Иванович. Романенко искал этих людей по московским телефонным справочникам. И нашел! Сергея Кирилловича Дергунова. Полковник в отставке. Да, был телефонистом, а помкомвзвода у него был Юрий Васильевич Кондратюк. О том, что это знаменитый ученый, Дергунов узнал только в 1964 году, увидев его портрет на почтовом конверте. Узнал сразу. Кондратюк был жив, когда раненый 22 февраля 1942 года Дергунов попал в медсанбат. Лежал там Сергей Кириллович с 22 по 25 февраля

и хорошо помнит, что именно там, в медсанбате, один из раненых телефонистов сказал ему, что Кондратюк убит...

Марк Поповский удачно назвал свою статью в журнале «Границы»: «Юрий Кондратюк – в трех зеркалах». Действительно, три зеркала: американское, израильское, русское. Не надо быть патриотом, надо быть только объективным человеком, чтобы убедиться, что русское зеркало наиболее полно, а главное, точно отражает облик гениального ученого. Образ трагический, ибо сколь щедра была к нему природа, столь жестоко общество. Не случись Гражданская война, не заставь она Александра Шаргейя сменить имя, не захлопни перед ним эта перемена двери в ракетную технику – короче, живи этот сверх меры одаренный человек в НОРМАЛЬНОМ обществе, неизвестно еще, как, по какому пути пошла бы наша и вся мировая космонавтика. Мы говорим о жертвах режима, подразумевая пули отечественные. Кондратюк погиб от немецкой. Но разве он не жертва режима? И одно только сладенько, жалкинько утешение чуть греет душу: все-таки узнали правду, соскобили накипь лжи, очистили ржавчину клеветы. Спасибо за это Борису Ивановичу Романенко и многим людям, которые ему помогали эту правду узнать.

Простите, Юрий Васильевич, за то, что все мы – ваши соотечественники – сделали это так поздно... ■

Джеймс ОБЕРГ

Отрывки из книги

Эти сенсации еще памятны многим. Раннее утро 20 сентября 1977 года, Петрозаводск... Тысячи людей видят над городом ярко светящуюся огненную тарелку. Инопланетяне? Ядерное нападение? Новость успевает даже попасть на страницы некоторых газет, журналисты бросаются на место события, и вдруг – тишина. Будто ничего и не было. В прессе ни слова, официальные лица, как водится, «no comments».

Калинин, 14 июня 1980 года.

НЛО снова появляется ранним утром, его же видят в Горьком, Казани, Рязани, даже в Москве. Паника, разговоры о конце света, но в прессе – ни туту.

15 мая 1981 года загадочный объект появляется прямо над столичным аэропортом Внуково.

Все эти инциденты не имели ничего общего с потусторонними тайнами, их причина была известна всему миру. Всему – кроме страны, в небе которой они приключились. Разгадка крылась в свистящем, странном для западного слуха названии «Ples-sets-sk». Именно так оно передано в оригинал публикуемой ниже с некоторыми сокращениями статьи известного американского исследователя космонавтики Джеймса Оберга, любезно предоставленной им для печати в «Совершенно секретно». Плесецк, небольшой городок в Архангельской области, помнит многое. И отважных новгородских землепроходцев, и строителей железной дороги, что соединила в конце прошлого века Архангельск с Москвой, и сражения Гражданской войны, в которых, кстати сказать, участвовали и земляки Оберга – солдаты 339-го пехотного полка, посланные американским правительством в помощь белым...

В 30-е годы Плесецк, как и многие города Севера, стал одной из провинций ГУЛАГа, а после войны как бы исчез с отечественных карт. По соседству с ним разместился один из самых засекреченных на нашей земле объектов: база ракет стратегического назначения.

В 1954 году, после смерти Сталина, большинство лагерей закрыли, а оставшихся в живых эзеков освободили. Бараки и заграждения из колючей проволоки остались гнить в тайге. Однако для Плесецка снова нашлось дело, и снова тайное. У русских появились баллистические ракеты с большой дальностью полета, способные за полчаса доставить ядерную боеголовку с зарядом в многие мегатонны в любое место планеты. Это были так называемые «семерки» – система R-7, которую американское ЦРУ обозначало «SS-6». Ракета, разработанная под руководством Сергея Королева, состояла из основной секции и навесных ускорителей, которые отбрасывались на траектории. Ее начали производить на ракетном заводе под Москвой. В 1957 году «семерки» были успешно испытаны на Байконуре, однако дальность их полета – около семи тысяч километров – все же не позволяла достигнуть объектов на территории Америки при старте из центра Азии. Требовалась площадка поближе к США, лучше всего – где-нибудь на Севере, неподалеку от железнодорожной магистрали, однако же в месте, позволяющем строго сохранять военную тайну.

Плесецк, координаты которого – 62,72 градуса северной широты и 40,3 градуса восточной долготы, расположенный в глухой местности, но рядом с дорогой Москва–Архангельск, оказался идеальным вариантом. Пущенная оттуда ракета без труда достигла бы не только Бостона или Нью-Йорка, но и Вашингтона. Местное население было малочисленным и приученным хранить секреты.

План строительства базы для пуска ракет был утвержден в январе 1957 года. До начала байконурских испытаний оставалось шесть месяцев. Сверхсекретный проект получил название «Объект «Ангара», Плесецку были присвоены кодовые почтовые адреса «Москва-400» и «Ленинград-300».

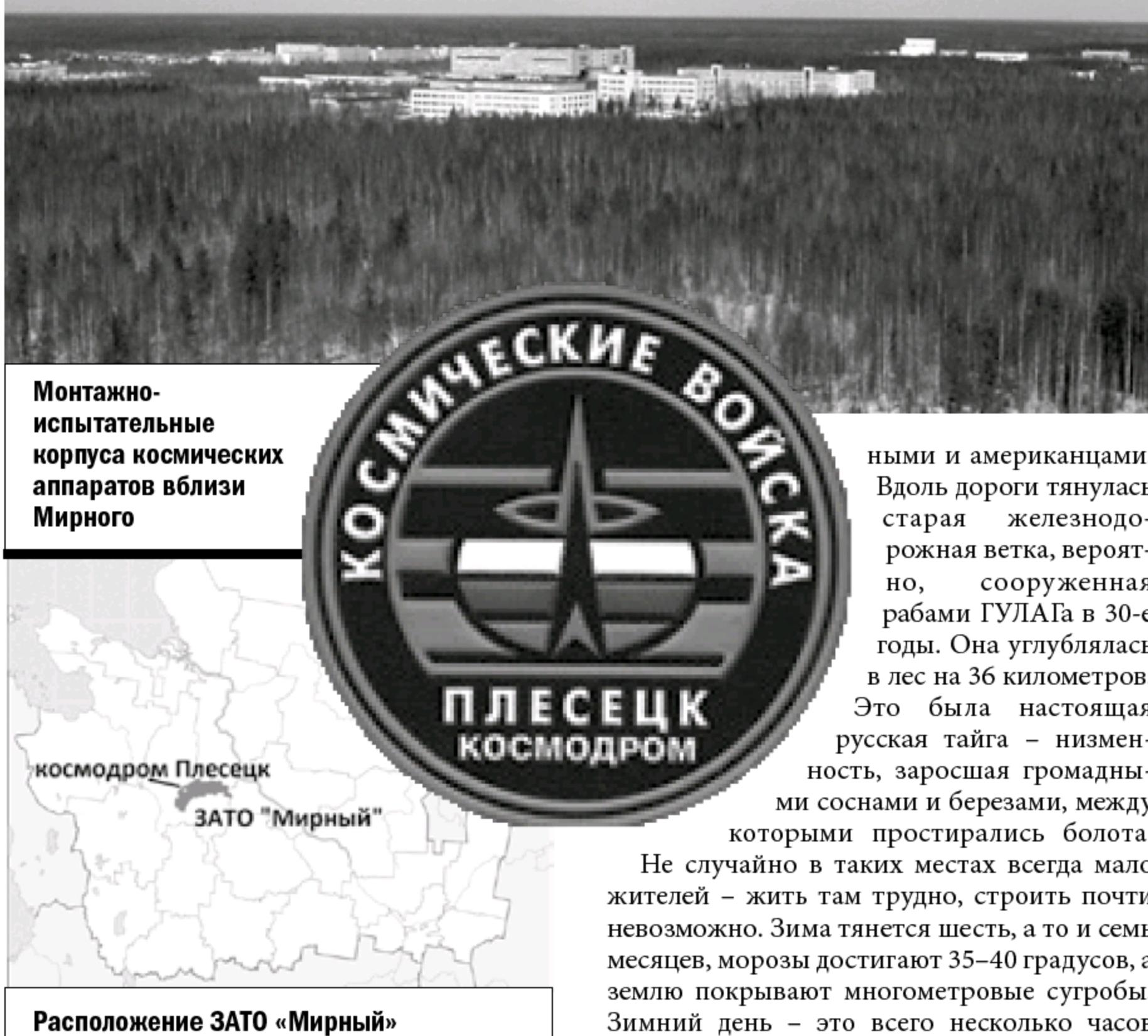
Стройка

Первый отряд военных строителей под командой полковника С. Беляева прибыл в Плесецк еще в разгар зимы. Тогда, в 1957

Подпольный космодром

Для запуска баллистических ракет с большой дальностью полета требовалась площадка поближе к США, где-нибудь на Севере, неподалеку от железной дороги, но подальше от людских глаз.

И такое место нашлось...

Монтажно-испытательные
корпуса космических
аппаратов вблизи
Мирного

Расположение ЗАТО «Мирный»
и космодрома Плесецк на карте
Архангельской области

году, весь город состоял из 56 деревянных домов, небольшой ремонтной мастерской, мельницы и склада фабрички. Однако очень скоро его населению суждено было стать многоликим и вырасти в десятки раз.

Вслед за командой Беляева прибыли полки строителей, транспортные батальоны и другие вспомогательные части. Многие инженерные службы состояли из ветеранов Второй мировой войны. Ими командовали И. Агеенков, Н. Майдан, Н. Колбасин, А. Фридлянд и другие офицеры, именами которых затем были названы многие улицы нового города.

Общее руководство работами было возложено на полковника Н. Степанченко, позднее – генерала, который остался в истории базы под почетным титулом Строитель. Условия были кошмарными, а задачи – титаническими. Предстояло переместить миллион кубометров грунта и уложить тридцать тысяч кубометров бетона, примерно столько же, сколько при строительстве средней руки гидроузла. В добавок все эти горы предстояло двигать, постоянно откачивая обильные грунтовые воды, среди гигантских валунов, от которых гнулись и ломались ковши экскаваторов.

Первой проблемой стала перевозка и хранение прибывающих грузов. Еже-дневно пригоняли от 400 до 800 вагонов, каждый нужно было быстро разгрузить и переправить доставленное к месту работы. Другие вагоны – в них размещались конторы, магазины, общежития – загоняли на спешно уложенные запасные пути. Дороги приходилось прокладывать по сплошным торфяным болотам глубиной до пяти метров, для чего вынимали весь торф до твердого грунта. Через каждый ручеек (а их там множество) – перекидывали мост. Поначалу мосты строили из дерева, потом заменили стальными.

Сам полигон строили в сорока километрах от Плесецка. К нему вела грунтовая дорога через деревушки Кочмас и Аида, а потом – вдоль берега речки Емца к деревне Кодиш, той самой, у которой зимой 1918/19 года разыгрались кровавые бои между крас-

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Хрущев объявил, что этой безумно дорогой, теперь уже бессмысленной затее пора перекрыть финансирование и немедленно прекратить все работы. Однако, когда совещание закрывалось, поднялся один из авторов проекта – Владимир Бармин и решил оспорить решение всесильного лидера. Когда он заявил, что считает принятное решение поспешным и ошибочным, в зале стояла мертвая тишина. Бармин утверждал, что работы завершены на 70 процентов и что база остро необходима. До сих пор неясно, почему Хрущев внезапно изменил свое мнение и согласился с ним.

Работы были энергично продолжены, несмотря на то что проект пришлось снова перекраивать: оказалось, что запланированные фундаменты не выдержат обновленные, более массивные сооружения. В самый тяжелый период Дмитрий Устинов, секретарь ЦК и глава советской оборонной промышленности, приезжал на стройку каждую субботу. Ему приходилось прилетать из Москвы, чтобы на месте утверждать новые планы работ, не задерживая их ни на минуту.

ЦРУ засекает ракеты

К 1959 году американская разведка поняла, что советские ракеты, нацеленные на США, должны располагаться где-то в северной части России. Из Норвегии стали посыпать стратосферные самолеты-разведчики U-2, которые фотографировали огромные территории по квадратам. Аналитики изучали добытый материал, предполагая, что любое новое строительство может означать появление ракетной базы. Заявил же Хрущев, что его заводы выпускают ракеты, «как сосиски», так где эта продукция? В Плесецке делали все возможное, чтобы скрыться от небесных шпионов. Посреди бетонных дорог устанавливали переносные пластмассовые деревья, перекрывали железнодорожные пути искусственными «травяными коврами», прятали сооружения среди густого соснового леса. Космодром стал совершенно невидимым с воздуха.

Тем не менее примерно в 1959 году из Плесецка были запущены первые ракеты. Это было зенитное оружие, нацеленное на появившийся в небе U-2. Сбить его не удалось, но запуск был засечен. Зенитные ракеты – верный признак наличия других, больших ракет, которые нужно защищать от воздушного нападения противника. Особенно в таком месте, как Плесецк, от которого до границы – всего около 500 километров.

В конце 1959 года была наконец обнаружена на крайней мере одна межконтинентальная ракета. База была, так сказать, официально выявлена. Но на самом деле там были лишь считанные боеголовки и минимум вспомогательного оборудования. Вот какой убийственный пассаж содержится в записках Олега Пеньковского, агента ЦРУ, который в 1961–1962 годах выдал американцам многие важнейшие секреты советской обороны: «Генерал Григорьев, командир бригады стратегических ракет, подчиненный маршалу Москаленко (бригада располагалась на дальнем Севере), говорил, что депо, в котором у него хранились ядерные боеголовки, было смыто наводнением и их пришлось перемещать в другую местность. В распоряжении Малиновского (министра обороны) – всего две пусковые установки, каждая из которых способна выпускать лишь по ракете в день». Григорьев, которому было 47 лет, загадочно погиб в 1965 году, служа в Плесецке.

На Западе не знали об этих специфических трудностях, и массивные сооружения Плесецка внушили самые отчаянные опасения. Полеты на U-2 становились все опаснее, но ракетные базы оставались самыми важными целями на территории Советского Союза. Наконец 9 апреля 1960 года удалось получить очевидные доказательства того, что база переходит в строй действующих. Руководство ЦРУ опасалось, что в один прекрасный день, когда работы будут завершены, камуфляж станет надежнее и они уже никогда не увидят эти ракеты.

Облачность позволяет надежно фотографировать Плесецк только с апреля по июль. Поэтому было решено рискнуть и послать еще один самолет 1 мая. Президент Эйзенхауэр дал разрешение на операцию... Это был злосчастный полет Г. Пауэрса, начавшийся в Пакистане. Предполагалось отснять байконурский центр, затем завод ядерного оружия в

На совещании в Кремле в 1958 году

Челябинске-40 и ракетную базу в Плесецке, а приземлился в Норвегии. Однако новые советские зенитные ракеты позволили Пауэрсу пролететь лишь половину намеченного маршрута, над Уралом он был сбит. ЦРУ осталось в неведении насчет того, что на самом деле происходило в Плесецке, и при самых мрачных опасениях. Аналитики гадали: уж не в этих ли глухих лесах таятся десятки ракет, обещанных Хрущевым?

Картина прояснилась лишь год с лишним спустя, в августе 1961-го, когда появились разведывательные спутники «Discoverer». Запускавшие их американские BBC подключились к разработанному ЦРУ проекту «Корона» и установили на спутниках камеры. То, что открылось на фотографиях Плесецка, утешало. Всего четыре пусковые площадки, да и из тех, возможно, часть – «манекены». То есть действующих носителей и боеголовок, вероятно, даже меньше. Пресловутое ракетное превосходствоказалось бестолковым советским блефом, который лишь подстегнул Америку в гонке вооружений, вынудив ее развернуть еще большие арсеналы межконтинентальных ракет. Ударное строительство Плесецка обернулось хуже, чем пустой тряской миллиардов (и жизней – по меньшей мере десятки рабочих, вероятно, погибли от аварий и невыносимых условий труда). Затем без всякой на то нужды напугала американцев, вызвала у них преувеличенную реакцию, из-за которой ядерное противостояние затянулось на десятилетия.

Смена курса

Тем временем жизнь на «Объекте «Ангара» потихоньку обрастала обычной рутиной. БОЛЬШИНСТВО строительных батальонов увезли оттуда в 1961 году, их сменили подразделения ракетчиков, прошедших выучку на Байконуре. ЭТИ ЛЮДИ уже приезжали с семьями, которые селились в новом городке Лесном, что вырос в нескольких километрах к северу от Плесецка. В мае 1959 года в семье Малаховых родился первый «абориген», жители стали увлекаться традиционно северными видами спорта, основали клуб «моржей»...

Между тем даже теперь будущее базы оставалось неясным. Новые, модернизированные стратегические ракеты устанавливались на базах в западной части страны, «семерки» все более устаревали. В 1964 году R-7 окончательно сняли с вооружения, а их пусковые площадки приспособили для других целей: пробных пусков новых образцов оружия, тренировки личного состава. Однако в полигон были вложены огромные средства, и ракетное начальство решило извлечь из него новую выгоду. Поскольку здесь можно было работать с большими ракетами, обычно запускавшимися с Байконура в военных или исследовательских целях, решено было приспособить Плесецк для выведения на орбиту спутников.

Спустя годы, когда начала фабриковаться официозная история северного космодрома, стали говорить, будто такое его расположение было изначально задумано специально для запуска объектов на полярные орбиты. Мол, чем ближе к полюсу, тем легче это получается. Эта логика полностью фальшивая. Как раз на полярную орбиту можно было пускать откуда угодно. Единственное что действительно имеет значение, – это азимут запуска, или траектория полета. Поскольку Байконур находится около Аральского моря, вывод на полярную орбиту отсюда означает полет ракеты над густонаселенными районами страны. А из Плесецка она летит в основном над пустынными лесами и болотами, что делает ее более скрытной...

Решение переоборудовать пусковые площадки Плесецка под запуск спутников было принято в мае 1964 года. В конце 1965-го состоялся так называемый пробный пуск R-7, при котором, возможно, на самом деле просто не удалось вывести на орбиту спутник. Затем, 17 марта 1966 года, был запущен первый разведывательный спутник, получивший, однако, название исследовательского и код «Космос-112». В будущем за ним последовали и многие другие.

Тем не менее военные функции Плесецка также сохранялись. Обновленные МБР, нацеленные на Северную Америку, дежурили здесь до начала 80-х годов. Плесецк стал специализироваться в основном на рутинных запусках, в то время как силы Байконура были сосредоточены на экспериментальных,

в частности на лунной программе. Вскоре Плесецк значительно превзошел своего знаменитого южного собрата по общему числу пусков, а начиная с 70-х годов с его стартовых комплексов выводилось более половины всех спутников в мире.

Секрет Полишиналя

Едва был запущен «Космос-112», американская разведка узнала, откуда он взлетел, но не спешила сообщать о своей осведомленности. Однако НОРД, Североамериканское командование аэрокосмической обороны, спокойно включило новое небесное тело в открыто издававшийся им указатель «неклассифицированных орбитальных треков». Несложный анализ опубликованных там данных позволял заключить, что «Космос-112» взлетел существенно западнее Байконура. Следующий шаг довелось совершиТЬ Джейффри Перри, рядовому учителю провинциальной английской школы. Он вместе с учениками увлекался «ловлей» ракетных запусков по радиопомехам, которые при них возникают. Эта компания любителей обратила внимание на непривычный характер помех в день старта «112-го». Затем,

лишь одно объяснение: это – инопланетные объекты. Военная цензура не допускала в печати ни малейших намеков на их возможное земное происхождение, хотя западные специалисты, прекрасно знавшие координаты Плесецка, ничуть не верили в «шпионов с Марса». Их публикации раскрывали истинные причины «НЛО-паники» –брос отработанных баков или ступеней ракет, неудачные запуски «Космосов» и каждый раз разоблачали неуклюжую советскую дезинформацию.

Наконец, 20 июня 1983 года в «Правде» появилась статья научного обозревателя Владимира Губарева с упоминанием Плесецка, в ней указывалось, что этот космодром «внес существенный вклад в легенду о летающих тарелках». С тех пор упоминания об этом объекте стали появляться в открытой печати все чаще. Лед тронул. Тем не менее местным, архангельским журналистам и в дальнейшем не позволяли писать, будто речь идет о здешнем, хорошо известном тамошнем народу Плесецк: это, мол, совсем другой Плесецк. Только в апреле 1987 года, в разгар горбачевской гласности, архангельским газетам наконец разрешили не скрывать и эту подробность. В 1990–1991 годах пошли статьи о работе космодрома, его истории и про-

Этому способствует и рутинный характер большинства запусков. Отсюда не посыпают корабли в дальний космос, и здесь нет оборудования для запуска сверхтяжелых «Протонов» и «Энергий», имеющегося только на Байконуре. На Байконуре же отрабатывают технику запуска всех новых носителей, которую лишь потом передают в Плесецк.

При ранних запусках автоматика взлета включалась из командного бункера поворотом металлического ключа. Отсюда и команда «ключ на старт», сохранившаяся по традиции. Теперь технология иная, но офицер, ответственный за пуск, все же поворачивает некий ключ, который затем становится его памятным трофеем.

Все ракеты здесь зовут «Танями». Сохранилось несколько версий происхождения этого нежного имени. По одной из них, Таней звали жену офицера, командовавшего каким-то давним запуском как раз в день ее рождения. По другой – был здесь командир по фамилии Татьянин. Согласно третьей версии, Таня – не жена, а дочь кого-то из здешних начальников. Так или иначе, традиция держится уже добрую четверть века.

Катастрофа-1980

Однажды, если верить преданиям ракетчиков, недосмотрели за исполнением всех церемоний, к которым привыкли «Тани», и подготовка к рутинному запуску R-7 18 марта 1980 года обернулась самой тяжелой аварией в истории космодрома. Топливо было уже залито, и специалисты собирались уходить, когда ракета взорвалась, убив на месте 45 человек. Еще пятеро умерли позже от ожогов. Впоследствии было установлено, что в одном из подвесных баков открылась течь, топливо загорелось и мгновенно последовала детонация 500 тонн керосина и жидкого кислорода.

Официальное расследование аварии возглавили высшие ракетные чины: шеф космической программы Валентин Глушко, главный конструктор космодромов Владимир Бармин, глава стратегических ракетных войск маршал Владимир Толубко. В комиссию входили и другие ведущие представители правительства и промышленности... Когда аналогичная авария, при которой погибли 165 человек, случилась в 1960 году на Байконуре, слухи о ней очень скоро просочились на Запад. Однако вокруг Плесецка был сооружен такой плотный занавес секретности, что об этом инциденте узнали лишь спустя десятилетие.

В 1980 году космодромом командовал 44-летний генерал Владимир Леонтьевич Иванов. С детства он мечтал стать морским инженером, однако в 1958 году был направлен в ракетные войска, изучил работу с R-7 на Байконуре и с тех пор служил в частях, обслуживающих Плесецк. Он глубоко переживал случившееся и добился полной реконструкции аварии по сохранившимся обломкам. Будучи не только знающим специалистом, но и командиром, разбирающимся в человеческих отношениях, Иванов разрешил семьям погибших приехать на место аварии, осмотреть космодром, однако попросил их не распространяться о подробностях. Он понимал, что это – лучший способ предупредить слухи, которые наверняка раздудли бы и без того немалые размеры катастрофы. И все же Иванов стал ее косвенной жертвой. Некий знакомый написал его старой матери, что ему грозит военно-полевой суд, и она через несколько дней умерла. Между тем Иванов не только избежал суда, но и был впоследствии назначен командующим космическими подразделениями Министерства обороны.

Ныне в южной части городка, около гостиницы «Орион», воздвигнут мемориал памяти героям, где горит Вечный огонь. Там написаны простые человеческие слова, без казенных ссылок на «Долг» и «славу». Здесь тоже, очевидно, не обошлось без генерала Иванова.

В 1989–1991 годах из Плесецка было совершено около 130 успешных запусков. Теперь уже далеко не все из них секретны: 17 шли по открытым программам «Ресурс», «Фотон», «Бион», 15 – спутники связи «Молния», три – по международному проекту «Надежда». Конечно, значительная часть программ Плесецка сохраняет оборонный характер, но все же в августе 1990 года на его объектах побывали специалисты НАСА.

Перевод с английского В. ЗЯБЛОВА

Запуск ракеты «Циклон-3»
с космодрома Плесецк

Монумент «Космос-2000» в Мирном

получив бюллетень НОРД, отметила, что и там зафиксированы некие отклонения орбиты объекта от обычных байконурских. Спустя несколько месяцев в Плесецке был запущен еще один спутник, с орбитой, наклоненной к экватору под иным углом. Учитель с детьми нанесли обе траектории на карту и отметили координаты точки их пересечения. Знакомый репортер, увидев эту школьную карту, без труда установил, что в указанной точке помещается неведомый миру город Плесецк. Секрет немедленно попал в газеты.

Тем не менее в СССР об этом объекте продолжали хранить строгое молчание. Запуски из Плесецка делались все чаще, и жители Северной России порой замечали в небе все более причудливые светящиеся тела. К концу 70-х годов разразилась «НЛО-паника». Но и для широкой публики, и для энтузиастов НЛО по всему свету официально давалось

чем, проходящем под рубрикой «теперь об этом можно говорить».

Как это делается

Секции ракет и прочее оборудование доставляют в Плесецк по железной дороге с заводов Москвы, Днепропетровска и Куйбышева, ныне Самары. Их собирают и испытывают в гигантских ангарах с двойными дверьми и особой системой контроля за температурой и влажностью воздуха. Ракеты вывозят в горизонтальном положении и затем поднимают. Это занимает несколько часов независимо от погоды. Стартовый комплекс включает передвигаемую по рельсам башню стометровой высоты с площадью основания около 200 квадратных метров; ее вес – 450 тонн. Космодром более автоматизирован, чем Байконур, и потому обходится втрое меньшим обслуживающим персоналом.

Джеймс ОБЕРГ

Отрывки из книги

Готовя к публикации отрывок из книги американского журналиста Джеймса Оберга «Раскапывая советские катастрофы», мы ознакомили с его содержанием летчика-космонавта СССР Георгия Михайловича Гречко. Он категорически не согласился с отдельными утверждениями автора, в частности, содержащимися в главе «Смерть на орбите».

Тем не менее мы решили опубликовать этот материал, в котором нетрадиционно, на наш взгляд, трактуются некоторые спорные страницы истории советской космонавтики.

Выписка из приказа, подписанного министром обороны СССР Р. Я. Малиновским 16 апреля 1961 года: Гриф «Совершенно секретно». «Семью ст. лейтенанта Бондаренко обеспечить всем необходимым, в чем она нуждается, как семью космонавта, на которую распространяются соответствующие льготы».

Пожар в барокамере

В 1982 году, спустя 12 месяцев после выхода в свет моей первой книги «Красная звезда на орбите», я получил от одного из моих московских коллег интересную фотографию. На ней А. Леонов держал в руках свою книгу, внимательно разглядывая фотографию шести потенциально первых будущих советских космонавтов. Заинтересовавшая его фотография была сделана в мае 1961 года, то есть через несколько недель после полета Ю. Гагарина. Под этой фотографией в книге располагалась более поздняя ее копия, с которой «исчез» один из шести кандидатов в космонавты. Советские официальные лица, которые занимаются космической программой, приложили много сил, чтобы скрыть некоторые неприятные для них эпизоды и имена нежелательных людей. В этом конкретном случае окончательно скрыть правду не удалось.

Десятилетиями никто, кроме лиц, непосредственно связанных с космическими исследованиями, не знал ничего о Григории Нелюбове. А был он молодым летчиком-реактивщиком. И, по-видимому, должен был стать одним из следующих космонавтов после Ю. Гагарина. Однако произошел непредвиденный инцидент. Нелюбова и еще двух его товарищей из группы космонавтов задержал военный патруль, когда они возвращались из воскресного увольнения. У них не было документов, необходимых для проезда в зону, кроме того, они были выпивши. Произошла ссора. Всех взяли под стражу, потребовали извинений. Но Нелюбов отказался извиняться (ведь он космонавт). В результате – рапорт начальству. Его уволили из группы космонавтов и отправили служить в авиацию куда-то на Дальний Восток. В конце концов он... спился и попал под поезд (то ли это был несчастный случай, то ли самоубийство). Его личность «вытравили» из всех списков и со всех фотографий. Еще двух его товарищей-космонавтов постигла аналогичная участь: их отчислили из состава «космонавтов-стажеров», и следы их в дальнейшем полностью потерялись.

Советы всегда представляли свои космические программы как сплошной успех «без сучка и задоринки». Все всегда шло по плану, все успешно выполнялось... На Западе же были слухи об обратном, еще до публикаций Голованова в прессе. В частности, говорилось даже о том, что в СССР существует отдельная могила для погибших космонавтов. Но на их родине все это категорически отрицалось. В 1986 году Голованов сообщил в «Известиях» о случае, когда погиб космонавт Валентин Бондаренко. Это случилось 23 марта 1961 года. Бондаренко было 24 года. Он являлся самым молодым в первой группе космонавтов. В газете было помещено его фото, сделанное за несколько дней до смерти. Валентин Бондаренко погиб при следующих обстоятельствах... К концу тренинга в барокамере после снятия медицинских параметров он отключил датчики и прорвал места их подключения ватой, смоченной спиртом. Затем небрежно бросил эту вату, и она попала на круг, нагретый электропластинациами. Произошла вспышка. В атмосфере камеры, насыщенной ионами кислорода, мгновенно воспламенился весь объем. Вспыхнула одеж-

Павшие

Несмотря на то что какую-то часть своих неудач в космосе Советы публично признавали, все же остается достаточно «белых пятен» в истории космонавтики для продолжения споров среди авторов

да космонавта. Дверь камеры открыть не удавалось (из-за разницы давления), а снижение давления заняло несколько минут. От шока и ожогов Бондаренко умер через 8 часов. Похоронен в Харькове. У него осталась жена Аня и 5-летний сын Александр.

Информация об этом случае уже давно не была секретом для западных служб и для западной прессы. Еще в 1982 году эмигрант С. Тикин сообщил в одном западногерманском русскоязычном журнале о сгоревшем в барокамере космонавте. В 1984 году «Martin's Press» выпустило книгу «Русский доктор», автором которой был эмигрант из СССР хирург Владимир Голяховский. Он тоже описал этот случай, подтверждая, что космонавт умер в Боткинской больнице. Он не смог ему ничем помочь в отделении неотложной медицины. В сообщениях Тикина и Голяховского отсутствовали детали происшествия. Но факт описывался достаточно объективно, многое совпадало. Подробности смерти Бондаренко дал Голованов в апреле 1986 года. В его статье, кроме того, были приведены и другие любопытные факты из советской космонавтики начальной стадии развития. Оказывается, из двадцати отобранных в марте 1960 года претендентов в финальную группу для первого космического полета вошли только шесть человек. Одного кандидата, Анатолия Карташова, забраковали после того, как у него открылось кожное кровотечение во время тренировок на центрифуге. Другой, Валентин Варламов, повредил шею после глупого случая (неудачно нырнул). Потом, спустя несколько лет, он умер. Еще один – Марс Рафиков – ушел из группы космонавтов по личным мотивам. Еще у одного, Дмитрия Заикина, в 1968 году обнаружили язвенную болезнь. Их фотографии никому незнакомы, потому что никогда не публиковались. Так как обо всем этом отсутствовала какая-либо информация, на Западе распространялись

всевозможные слухи, часто преувеличенные и ужасно искаженные.

Смерть на орбите

Я начал собирать материалы в 1972 году. Вскоре я уже знал немало слухов и рассказов. Вот некоторые из них. Так, летчик Ледовских погиб в 1957 году во время суборбитального полета на ракетной базе Капустин Яр в Поволжье.

Летчик Шиборин погиб в следующем году подобным же образом.

Летчик Митков погиб во время третьей попытки в 1959 году.

Неизвестный космонавт остался во Вселенной в мае 1960 года, когда его капсула, выведенная на орбиту, изменила направление полета и ушла в бездну.

В сентябре 1960 года другой космонавт (по слухам, Петр Долгов) погиб, когда ракета-носитель взорвалась на стартовой площадке.

4 февраля 1961 года загадочный советский спутник транслировал человеческое сердцебиение, которое затем перестало прослушиваться. (По некоторым сведениям, это была капсула с космонавтами. Назывались даже имена: Качур, Грачев.)

В начале апреля 1961 года летчик Владимир Ильюшин облетел три раза Землю, но потерпел аварию при возвращении на космодром.

В середине мая 1961 года в Европе были принятые слабые сигналы с просьбой о помощи, очевидно, от космического корабля с двумя космонавтами на борту.

14 октября 1961 года групповой космический корабль сошел с курса и пропал в космическом пространстве.

В ноябре 1962 года итальянские радиолюбители обнаружили сигналы гибнущего космического корабля. Некоторые полагают, что это был Белоконев.

19 ноября 1963 года второй полет женщи-

Одно из тех сочинских фото, на котором некоторые лица впоследствии исчезнут

ны в космос закончился трагически.

По меньшей мере один космонавт погиб в апреле 1964 года, согласно данным итальянских радиокоротковолнников, которые прияли сигналы бедствия.

Уже после пожара на «Аполлоне-1» в 1967 году (погибли три астронавта) американские разведывательные службы получили информацию о пяти советских космических полетах, закончившихся катастрофой, и о шести авариях с жертвами на Земле.

Какие можно сделать выводы из этих сообщений? Нет дыма без огня. Может, не все они достоверны, но часть из них – правда.

Автор не нашел в советских средствах массовой информации документальных подтверждений этих инцидентов. Единственное, что удалось обнаружить: большое число советских кандидатов в космонавты действительно исчезли без следа. Можно лишь предполагать, какие обстоятельства явились причиной такого исчезновения. Впоследствии сообщалось о гибели некоторых из них, но эти смерти не были связаны с выполнением космических миссий.

Кто на фото?

В 1972 и 1973 годах автор провел изучение ряда пресс-информационных релизов прежних лет и нашел не менее 5–6 официально неизвестных лиц среди кандидатов в космонавты. Они исчезли в последующих пресс-релизах, вплоть до 1969 года. Потом некоторые снова появились на фото в 1971 и 1972 годах (посвященных 10-й годовщине полета Ю. Гагарина). Среди них – упоминавшаяся в начале статьи фотография шести первых космонавтов, сделанная на отдыхе в Сочи. В более

В КОСМОСЕ

поздних изданиях с этих же самых фото некоторые лица исчезли, сделано это было «топорно»: в публикациях для иностранных читателей они были, а для советских их не было. К их числу относится и фото «сочинской шестерки» с Г. Нелюбовым.

Спустя несколько лет (после 1973 г.) английский исследователь Рекс Холл нашел две версии еще одной фотографии, сделанной в тот же день (группа из 16 космонавтов). Во второй версии их осталось только 11! Исчезли Григорий Нелюбов, Иван Аникеев, Валентин Филатьев, Марс Рафиков, Дмитрий Заикин, а также инструктор по парашютному делу Никитин, который впоследствии погиб во время прыжка.

Первое фото («сочинская группа из 16») Холл обнаружил в одной из советских книг по космонавтике. Потом оно было помещено в качестве иллюстрации к статье Голованова в «Известиях». Эти «исчезнувшие космонавты» в первой версии фото не назывались пофамильно, так что автор условно дал им кодовые обозначения XI, X2... Фотографии этих людей потом были опубликованы под этими кодовыми знаками в последующих работах автора начиная с 1973 года.

Автор обращает внимание читателей прежде всего на X2. Он был изъят также из фото «сочинской шестерки». Судя по фото и тексту, он, видимо, был тесно связан с полетом Гагарина. В текстах случайно упоминается его имя «Григорий». Вероятно, это был Нелюбов.

В 1986 году, когда появилось в «Известиях» фото Бондаренко, я проверил свои кодовые обозначения, и оказалось, что у меня Бондаренко закодирован под номером X7.

В 1977 году вышла в свет публикация одного из пионеров космонавтики Георгия Шонина, в которой он говорил о восьми летчиках, отчисленных из группы космонавтов 1960 года. Спустя 9 лет Голованов назвал их пофамильно. В книге же Шонина дается только краткое упоминание о том, что они были отчислены из группы по разным причинам (медицинские, успеваемость, дисциплинарные проступки и др.). При этом создается впечатление, что все они ушли из группы живыми. Шонин даже дает краткий портрет-характеристику «молодого Валентина Бондаренко» без всяких намеков на происшедшую трагедию. По-видимому, эта информация не случайна – это был ответ на повышенный интерес Запада к судьбе исчезнувших космонавтов.

К тому времени, когда я написал в 1980 году свою книгу «Красная звезда на орбите», правдивость сведений, опубликованных Шониным, оказалась под большим сомнением.

После того как я раскрыл подделку фотографии «сочинской шестерки», официальные лица в советской прессе сделали ювелирную работу по восстановлению своего реноме. Они отредактировали оригиналное фото (опубликованное в Москве в 1972 г.) и на месте исчезнувших космонавтов сделали «задний план». В двух новых версиях фото (опубликованы в 1982 г.) уже дан новый фон.

Традиционная советская секретность не исчезла до сих пор.

Советы по-прежнему отрицают возможность смертей других космонавтов после гибели Бондаренко. Но этому трудно верить. В Хьюстоне побывал Шаталов (подготовка миссии «Союз»–«Аполлон»), который рассказывал в 1973 году своим американским коллегам о смерти шести или восьми (он не был уверен в числе погибших) кандидатов в

космонавты.

Одна из советских женщин – членов советской делегации (1973 г.) в НАСА – поведала американским сотрудникам, что она вдова космонавта Анатолия Токова, который погиб в 1967 году во время подготовки к космическому полету.

В середине 1960-х годов были достоверные сообщения о гибели космонавта во время прыжка с парашютом и еще об одной смерти – в автомобильной катастрофе. Тот же информатор сообщил об отстранении от космической программы группы советских кандидатов в космонавты за пьянку. Вероятно, эта информация относилась к Нелюбову.

Когда писатель Михаил Кашутин направил запрос в ЦРУ (для получения официального документа об отсутствии в рукописи его книги «Гибель космонавтов» секретных сведе-

ния) нужно обмениваться. В частности, после гибели «Союза-11» он сказал: «Американцы должны все же знать, что произошло... ведь они тоже исследуют космос». Однако он этого не сделал в 1961 году, хотя имел шанс подтвердить на деле свои политические установки. Возможно, он сожалел об этом впоследствии. Его же политические преемники по-прежнему продолжали скрывать проблемы и трудности космических полетов.

Так, в 1965 году во время полета «Восхода-2» при выходе в открытый пространство космонавт чуть не погиб из-за того, что оказалось сложно удержаться снаружи корабля. Советы не предупредили об этом своих американских коллег. Только спустя около 10 лет в разговоре с западными журналистами члены команды «Восхода-2» рассказали обо всех перипетиях полета.

В середине 1966 года американский астро-

Слева направо: бортинженер Владислав Волков, командир корабля Георгий Доброзвольский и инженер-испытатель Виктор Пацаев в кабине космического корабля «Союз-11», июнь 1971 г.

ний), ему не дали разрешения на публикацию этих данных, однако ЦРУ предоставило ему дополнительные сведения из своих банков данных – даты девяти известных ЦРУ катастроф. Один из докладов относился к 6 апреля 1965 года (вскоре после выхода в космос «Восхода-2»); три документа – к трагедии с «Союзом-1» в апреле 1967 года; два следующих инцидента датированы тем же годом, но позже; еще три документа относились к 1973–1975 годам. Однако полностью содержание этих документов пока ЦРУ не раскрыто.

Почему кремль молчит?

Трагедия Бондаренко 1961 года повторилась в январе 1967 года на мысе Кеннеди, когда при аналогичных обстоятельствах в камере, перенасыщенной кислородом, сгорели три астронавта из программы «Аполлон». Знай американцы обстоятельства гибели Бондаренко, возможно, не было бы у них этой трагедии. (На «Аполлоне-1» в камере также находились огнеопасные материалы. В такой атмосфере, богатой кислородом, здесь тоже не была предусмотрена система быстрого снижения давления.)

Хрущев говорил, что подобной информа-

ции не потерялся в космосе, столкнувшись с теми же непредвиденными обстоятельствами. Даже в конце 1985 года, когда у космонавта Васютина на орбите развилась тяжелая инфекция, Советы не захотели сообщить американцам диагноз.

Правда, какую-то часть своих неудач в космосе Советы публично признали. В апреле 1967 года погиб Владимир Комаров: не раскрылся парашют, когда «Союз-1» спускался на Землю. Несколько лет спустя Виктор Евсиков (русский инженер, участвовавший в разработке теплоизоляционного покрытия корабля системы «Союз», впоследствии эмигрировал в США) написал в своих воспоминаниях: «Некоторые запуски делались исключительно с пропагандистскими целями, в том числе и полет Комарова (ко Дню международной солидарности трудящихся)...По мнению проектного бюро, космический аппарат («Союз») еще не был окончательно доработан. Требовалось больше времени для отработки надежности его управления. Четыре предыдущих пробных запуска вскрыли неполадки в координации, температурном контроле и в парашютной системе... Ни одно из предварительных испытаний не прошло гладко. Во время первого испытания сгорела наружная обшивка при спуске. Модуль был в значительной степени поврежден.

Три другие неудачи связаны с разными техническими причинами: отказала система контроля температуры, автоматический контроль реактивных двигателей, сгорели стропы парашютов».

«Ходили слухи, – утверждает Евсиков, – что

Василий Мишин, который возглавил эту программу после смерти Королева в 1966 году, возражал против этого запуска». Однако запуск был все же произведен. Предсмертные крики Комарова зафиксировали американские наблюдательные станции. Он знал о своей обреченности, еще будучи на орбите, и американцы записали все его душераздирающие разговоры с женой, с Косыгиным, а также со своими друзьями из группы космонавтов. Когда начался смертельный спуск корабля на Землю, он только отметил нарастание температуры, после этого были слышны лишь его стоны и, похоже, плач. Все эти объективные данные плохо согласуются с тем, что официально сообщалось о катастрофе «Союза-1». Серьезные проблемы начались сразу же после запуска. В один из моментов Комаров выругался: «Дьявольская машина. Ничто не поддается управлению!» Когда он пытался направить свою кабину на вход в атмосферу (к Земле), это ему в конце концов удалось. Корабль снижался в крайнем северо-западном районе СССР, который не был достижим для американских наблюдательных станций. По официальной версии, у космонавта не раскрылся парашют. Но этого сам пилот не мог видеть.

В апреле 1987 года (это уже при гласности!) Советы проигнорировали 20-ю годовщину гибели Комарова. Полная правда об обстоятельствах смерти Комарова так и не была раскрыта.

Трагический спуск

В январе 1970 года умер естественной смертью советский космонавт Павел Беляев. По различным данным, он готовился в качестве командира экипажа программы полета на Луну. Она до сих пор не состоялась. Официальная причина смерти – перитонит после операции в связи с кровоточащей язвой желудка. Как мог погибнуть такой человек от такой несложной операции?!

30 июня 1971 года во время спуска на Землю погибли три космонавта «Союза-11». В СССР был объявлен государственный траур. В конце концов все вылилось в пропагандистскую кампанию о лидирующей роли СССР в космических полетах и неизбежности риска. Во время миссии «Союз»–«Аполлон» советские инженеры рассказали американцам о том, что причиной гибели космонавтов была утечка воздуха. Власти не считали нужным информировать советских людей об этом, так же как и о причине увольнения генерала Николая Каманина, возглавлявшего до катастрофы советскую космическую программу.

5 апреля 1975 года в момент старта аппарата был аварийно прерван запуск в Алтайских горах двух космонавтов – Василия Лазарева и Олега Макарова. Они оба пережили падение, а затем еще аппарат скатывался, переворачиваясь, по склону горы, пока наконец-то не остановился. Они спаслись чудом.

Моя книга «Красная звезда на орбите» дает более подробное описание этих аварий. Случайно это или нет, но в последнее время появилась целая серия публикаций в советской прессе о катастрофах, которые я уже описал в своей книге.

Например, руководитель полета Виктор Благов подробно описывает прерванный полет «Союза-33» весной 1979 года, когда корабль (команда из двух космонавтов) почти уже вышел на орбиту. Взорвался основной двигатель космического корабля, и специалисты боялись, что поврежден запасной (страйховой) двигатель. На борту тогда находился болгарин Георгий Иванов (как второй пилот).

Серия подобных публикаций внезапно прервалась после смерти Ю. Андропова. Во времена К. Черненко о ЧП в космосе предпочитали молчать.

Публикацию подготовили
Валентин БУГРИМ, Игорь БЛИЗНИЮК

РЕКЛАМА

№ 03/370
МАРТ 2020
КОРОНАВІРУС И МИРОВОЙ КРИЗИС
МІжнародний єжемісячник/УКРАЇНА

СОВЕРШЕННО

КОНСЕРВАТОРИЯ УКРАИНА

14

16 23 19

МИР 2020
ПОЛИТИКА 2020
ПОЛИТИКА 2020

2020
ISSN 2075-7522
9 77209

2019-НСОУ. ТРАГЕДІЯ, ДРАМА І НЕМНОГО ФАРСА

ПРОВОКАЦІЯ, ИМІТАЦІЯ И ОКУПАЦІЯ

МИР В 2020-М: ВОЙНЫ, ВЫБОРЫ, ИМПЧМЕНТЫ

WORLD ECONOMIC FORUM WORLD ECONOMIC FORUM

Вже
У ПРОДАЖУ

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СОВЕРШЕННО №02 (167)
ФЕВРАЛЬ 2020
УКРАЇНА
СЕКРЕТИ СПЕЦІАЛІСТІВ

В НОМЕРІ:
Секрети спецслужб
Секрети спецслужб
Секрети спецслужб
Секрети спецслужб

В ПОСТЕЛІ СО СТАЛІНИМ

СПЕЦВИПУСК
«Секрети спецслужб»

РЕКЛАМА

ВДОМА!

на роботі!

на природі!

У НАС ЗАВЖДИ П'ЯТНИЦЯ!

РАДІО
П'ЯТНИЦЯ